

Александр Афродисийский

**Комментарий к
«Метафизике»
Аристотеля. (Книги
А, В, Г, Д)**

Александр Афродисийский

Комментарий к «Метафизике»

Аристотеля. (Книги А, В, Г, Д)

<https://litres.ru/74376794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Предлагаемый вниманию читателя перевод представляет собой первый полный на русский язык комментарий Александра Афродисийского (II–III вв. н.э.) к четырём начальным книгам «Метафизики» Аристотеля — А (Α), В (Β), Г (Γ) Δ (Δ). В этих книгах, составляющих философское введение к трактату,

Аристотель определяет предмет «первой философии» как науку о сущем как таковом, устанавливает её фундаментальные принципы и вводит ключевую терминологию. Комментарий Александра, главы перипатетической школы в Афинах, представляет собой не просто разъяснение текста, но и

самостоятельное философское исследование, в котором он систематизирует и защищает учение Аристотеля от критики стоиков и платоников. Его интерпретация оказала огромное влияние на последующую философскую традицию, включая арабских и латинских схоластов. В настоящем издании греческий текст комментария публикуется параллельно с русским

переводом,и сопровождается вступительной статьёй, научным аппаратом и указателями.

Содержание

Введение	7
Книга А (Α) — Меньшая (᾿Ελαττον)	18
Глава I. Введение и природа философии (Книга Α, Глава 1)	18
Глава II. О трудности и легкости философии (Книга Α, Главы 1-2)	24
Глава III. О пользе предшественников и природе философии (Книга Α, Глава 1)	29
Глава IV. О цели философии и природе истины (Книга Α, Глава 1)	35
Глава V. Истина и бытие (Книга Α, Глава 1)	39
Глава VI. О вечных началах и их истинности (Книга Α, Глава 1)	44
Глава VII. Доказательство невозможности бесконечного ряда причин (Книга Α, Глава 2)	51
Глава VIII. Доказательство невозможности бесконечного ряда причин (продолжение) (Книга Α, Глава 2)	56
Глава IX. О том, что ряд причин не может быть бесконечным по виду (Книга Α, Глава 2)	71
Глава X. О том, что формальная причина не бесконечна, и о природе определений (Книга Α, Глава 2)	80

Глава XI. О том, что причины не бесконечны по виду (Книга А, Глава 2, продолжение)	94
Глава XII. О том, что слушатели должны быть подготовлены (Книга А, Глава 3)	98
Книга В	107
Глава XIII. Начало Книги В: О необходимости предварительного рассмотрения трудностей (Книга В, Глава 1)	107
Глава XIV. О пользе предварительного рассмотрения трудностей (Книга В, Глава 1)	111
Глава XV. Перечень апорий: Одна ли наука о всех причинах или много? (Книга В, Глава 1)	116
Глава XVI. Продолжение перечня апорий: О конечности начал, о возможности и действительности, о движущих и неподвижных началах (Книга В, Глава 1)	132
Глава XVII. О том, что мудрость может быть различными науками в зависимости от вида причин (Книга В, Глава 2)	147
Глава XVIII. О второй апории: должны ли аксиомы быть предметом философии? (Книга В, Глава 2)	161
Глава XIX. Продолжение анализа второй апории: о невозможности доказательства аксиом (Книга В, Глава 2)	169
Глава XX. О третьей апории: одна ли наука о	176

всех сущностях или много (Книга В, Глава 2)	
Глава XXI. О том, существуют ли только чувственные сущности или также другие (Книга В, Глава 2)	187
Глава XXII. О трудностях, связанных с учением об идеях (Книга В, Глава 2)	195
Глава XXIII. О том, являются ли роды или элементы началами (Книга В, Глава 3)	216
Глава XXIV. О том, должны ли начала быть общими или единичными, и о трудностях, связанных с этим (Книга В, Глава 4)	236
Глава XXV. О трудностях, связанных с общим и единичным, и о необходимости вечных начал (Книга В, Глава 4)	245
Глава XXVI. О необходимости вечного субстрата и о том, что форма должна быть вечной (Книга В, Глава 4)	253
Конец ознакомительного фрагмента.	257

Александр Афродисийский

Комментарий к

«Метафизике» Аристотеля.

(Книги А, В, Г, Д)

Введение

1. Александр Афродисийский: жизнь и труды

Александр Афродисийский (Ἀλέξανδρος ὁ Ἀφροδισιεύς) жил и работал на рубеже II–III веков н.э., в период расцвета поздней античной философии. Он занимал должность главы перипатетической школы в Афинах (διαδοχός) и был одним из наиболее авторитетных комментаторов Аристотеля в античности. Его прозвище происходит от города Афродисия в Кarii (Малая Азия), где он родился.

Александр был не просто комментатором, но и оригинальным мыслителем, стремившимся систематизировать и защитить учение Аристотеля от критики со стороны других философских школ — прежде всего стоиков и платоников. Его интерпретация аристотелевской философии оказала огромное влияние на последующую традицию: как на позднеантичных комментаторов (Симпликия, Филопона),

так и на арабских и латинских схоластов (Аверроэса, Фома Аквинского).

Среди многочисленных сочинений Александра особое место занимают его комментарии к «Метафизике» Аристотеля, дошедшие до нас в нескольких книгах. Предлагаемый вниманию читателя текст представляет собой комментарий к четырём важнейшим начальным книгам «Метафизики»: А, В, Г и Д, которые вместе образуют философское введение, определяют предмет науки, устанавливают её фундаментальные принципы и вводят ключевую терминологию.

2. «Метафизика» Аристотеля: предмет и структура

«Метафизика» Аристотеля — это собрание трактатов, посвященных исследованию «первой философии», или «науки о сущем как таковом». Сам Аристотель называл это учение «мудростью» (σοφία), «первой философией» (πρώτη φιλοσοφία) или «теологией» (θεολογική), поскольку его предметом являются первые начала и причины всего существующего, включая неподвижное перводвигатель.

Традиционное название «Метафизика» (τὰ μετὰ τὰ φυσικά) возникло в эллинистической редакции как обозначение книг, расположенных «после физических» — то есть после трактата «Физика». Это название отражает как порядок изучения (от физического к умопостигаемому), так и иерархию предметов: метафизика исследует то, что по природе выше физического.

В данном издании представлены книги, которые в сово-

купности формируют ядро аристотелевского учения:

· **Книга А (А)** является введением во все учение. В ней Аристотель определяет природу мудрости и её отличия от других видов знания; рассматривает историю философии как постепенное открытие четырех видов причин; и формулирует программу исследования первых начал.

· **Книга В (В)** представляет собой перечень и обсуждение основных затруднений (ἀπορίαι), которые необходимо разрешить для построения науки о первых началах. Аристотель выделяет четырнадцать таких апорий, касающихся единства науки о началах, статуса аксиом, чувственных и умопостигаемых сущностей, соотношения родов, видов и элементов, а также характера самих начал.

· **Книга Г (Г)** является программной и определяет предмет первой философии как исследование «сущего как сущего» (τὸ ὄν ᾧ ὄν). В ней Аристотель устанавливает, что это наука о первых причинах и началах, и доказывает, что она отлична от всех частных наук. Центральным здесь является учение о многозначности сущего (πρὸς ἓν λέγεται), а также знаменитая защита закона непротиворечия как самого достоверного начала для всякого познающего ума.

· **Книга Δ (Δ)** представляет собой философский словарь, в котором Аристотель определяет ключевые термины своей философии, такие как «начало», «причина», «природа», «необходимое», «сущность» и другие. Этот терминологический аппарат служит необходимой основой для дальнейшего

продвижения в исследовании.

3. Комментарий Александра: метод и цели

Комментарий Александра Афродисийского представляет собой не простое разъяснение аристотелевского текста, но и самостоятельное философское исследование, имеющее следующие особенности:

3.1. Метод комментария. Александр использует метод парафраза-комментария: он последовательно излагает текст Аристотеля, давая разъяснения каждого положения, но при этом не ограничивается простым пересказом, а предлагает аргументированные интерпретации, часто привлекая для этого другие сочинения Аристотеля («Физику», «Аналитики», «Этику», «Категории»). Его комментарий к книге Δ, например, становится развёрнутым трактатом по аристотелевской терминологии и онтологии.

3.2. Полемический характер. Комментарий содержит активную полемику с альтернативными интерпретациями, прежде всего с платоновским учением об идеях. Александр последовательно защищает аристотелевское понимание сущности как имманентной формы, критикуя платоновское допущение отдельно существующих идей. Особенно ярко это проявляется в его разборе апорий в книге В и в книге Г, где он отстаивает закон непротиворечия против релятивизма Протагора и Гераклита.

3.3. Систематизация и уточнение. Александр не просто комментирует, но и систематизирует учение Аристоте-

ля, проясняя его основные понятия. В книге Г он показывает, как различные значения сущего сводятся к единому центру — сущности (οὐσία), а в книге Δ он создаёт стройную систему аристотелевских определений, которая служит ключом ко всей метафизике.

3.4. Историко-философский контекст. В соответствии с методом Аристотеля, Александр рассматривает мнения предшествующих философов (Фалеса, Анаксимена, Гераклита, Эмпедокла, Анаксагора, пифагорейцев, Платона) как важный этап на пути к истине. Он показывает, как каждая из предыдущих школ открывала тот или иной вид причины, постепенно приближаясь к полноте аристотелевского учения.

4. Философское содержание комментария

В настоящем издании представлены комментарии к четырём книгам — А, В, Г и Δ. Их содержание может быть кратко охарактеризовано следующим образом:

· **Комментарий к книге А (Μεῖζον Α)** содержит разбор начальных глав «Метафизики», где Аристотель выводит природу мудрости из естественного стремления человека к знанию; показывает, что мудрость есть знание первых причин и начал; проводит различие между опытом, искусством и наукой; излагает учение о четырех видах причин (материальной, формальной, действующей и целевой); рассматривает историю философии и в девятой главе дает развернутую критику учения Платона об идеях.

· **Комментарий к книге А (Ἐλαττον Α)** (Меньшая) представляет собой введение во всю «Метафизику», где Александр объясняет, почему изучение первых начал одновременно и трудно, и легко; почему важно предварительно рассмотреть мнения предшественников; каково отличие теоретической философии от практической; почему исследование истины невозможно без знания причин; и как устроено познание.

· **Комментарий к книге В (Β)** содержит разбор четырнадцати апорий, включая вопросы о единстве науки о причинах, о статусе аксиом, о существовании только чувственных или также умопостигаемых сущностей, о том, являются ли роды или элементы началами, о характере начал (общие или единичные, в возможности или в действительности), а также о бытии единого, чисел, тел и точек как сущностей.

· **Комментарий к книге Г (Γ)** посвящен определению предмета первой философии — исследования сущего как сущего. Здесь Александр подробно разбирает учение о многозначности сущего (τὸ ὄν λέγεται πολλαχῶς) и его сведения к единому началу — сущности. Особое внимание уделяется защите закона непротиворечия как самого достоверного начала и полемике с релятивизмом Протагора и Гераклита.

· **Комментарий к книге Δ (Δ)** представляет собой анализ аристотелевского терминологического словаря. Александр последовательно разбирает значения таких фундаментальных понятий, как «начало» (ἀρχή), «причи-

на» (αἰτία), «природа» (φύσις), «необходимое» (ἀναγκαῖον), «сущность» (οὐσία), «тождественное», «подобное», «количество» (ποσόν), «качество» (ποιόν), «относительное» (πρός τι), «совершенное» (τέλειον) и многих других. Этот комментарий служит незаменимым руководством по аристотелевской терминологии.

5. Историческое значение комментария

Комментарий Александра к «Метафизике» имеет непреходящее значение по нескольким причинам:

5.1. Источник аристотелевской традиции. Александр был непосредственным преемником школы Аристотеля и обладал доступом к текстам, многие из которых впоследствии были утрачены. Его комментарий передает нам не только содержание аристотелевских текстов, но и ту экзегетическую традицию, которая формировалась в перипатетической школе на протяжении нескольких веков.

5.2. Свидетельство философских дискуссий. Комментарий содержит важные свидетельства о философских дискуссиях II–III веков н.э., прежде всего о спорах между перипатетиками, платониками и стоиками. Особенно ценно подробное изложение и критика учения об идеях, а также защита аристотелевской логики и учения о познании от атак скептиков и релятивистов.

5.3. Влияние на последующие поколения. Через арабские переводы и латинские переложения комментарий Александра оказал значительное влияние на средневековую фи-

лософию. Аверроэс (Ибн Рушд) называл Александра «князем перипатетиков» и часто следовал его интерпретации; Фома Аквинский и другие схоласты использовали аргументацию Александра для защиты и уточнения аристотелевских положений. Особенно важным было его толкование книги Г (закон непротиворечия) и книги Δ (терминология).

5.4. Философская самостоятельность. Хотя Александр выступает как комментатор, он проявляет значительную философскую самостоятельность, особенно в вопросах, связанных с интерпретацией учения о сущем, о категориях и о природе абстракции. Его собственные философские решения, предложенные в комментариях, стали предметом оживленных дискуссий в последующей традиции.

6. Структура настоящего издания

Настоящее издание представляет собой первый полный перевод на русский язык комментария Александра Афродисийского к книгам А (Большая), А (Малая), В, Г и Δ «Метафизики» Аристотеля. Оно построено по следующему принципу:

1. Греческий текст комментария дается параллельно с русским переводом.
2. Разбивка на главы и разделы сохранена в соответствии с традиционным членением «Метафизики» на книги и главы.
3. Все философские термины переведены с максимальной точностью, при этом в сложных случаях даются комментарии к переводу.

4. В тексте перевода сохранены все ссылки на другие произведения Аристотеля, которые приводит Александр.

Перевод выполнен с критическим изданием, с учетом разночтений, отмеченных в древнегреческом тексте.

7. О переводе

При переводе мы стремились к максимальной точности передачи философской терминологии Аристотеля и Александра, при этом сохраняя естественность русского языка. Основные термины переведены следующим образом:

Греческий термин

Русский перевод

σοφία

мудрость

ἐπιστήμη

наука

τέχνη

искусство

ἐμπειρία

опыт

αἰτία

причина

ἀρχή

начало

οὐσία

сущность

εἶδος

вид, форма

ὕλη

материя

ἐνέργεια

действительность

δύναμις

возможность

θεωρία

созерцание, теория

πρᾶξις

действие

ποίησις

производство, творчество

ἀπόδειξις

доказательство

ἀξίωμα

аксиома

ἰδέα

идея

μέθεξις

причастность

παράδειγμα

образец

τὸ ὄν ἢ ὄν

сущее как сущее

καθ' αὐτό

само по себе

κατὰ συμβεβηκός

по совпадению

В случаях, когда греческий термин допускает несколько переводов, мы выбирали тот, который наиболее соответствует контексту и традиции русскоязычной аристотелеведения.

Книга Α (Α) — Μеньшая (Ἑλαττον)

Глава Ι. Введение и природа философии (Книга Α, Глава 1)

(Α 1. 993 a – b)

Древнегреческий текст: «Ἦ τὸ σημείον δέ» γράφεται ἢ χωρὶς τοῦ "ὅτι". "ἢ περὶ τῆς ἀληθείας θεωρία". καὶ μᾶλλον δοκεῖ ἐκείνου ἀρχὴ εἶναι, οὐ δὲ μὴν τὸ "ὅτι" οὐκ ἀρχή.

a1. 993 a. ἀλλ' ἐπόμενον προειρημένῳ τινί· περὶ δὲ τῆς ἀληθείας θεωρίαν λέγει πᾶσαν τὴν θεωρητικὴν φιλοσοφίαν, οὐχ ὥς μόνην περὶ τὴν ἀλήθειαν πραγματευομένην (καὶ γὰρ ἡ πολιτικὴ τε καὶ πρακτικὴ φιλοσοφία περὶ τὸ ἐν ἐκείναις ἀληθές, ἀλλὰ καὶ αἱ τέχναι περὶ τῆς τῶν ὑπ' αὐτάς ἀληθείας εἰσὶ θεωρητικάι, εἴγε ἔστι τέχνη ἕξις μετ' ἀληθοῦς λόγου ποιητική), ἀλλ' ὅτι ταύτης μόνης τέλος ἡ γνῶσις τῆς ἀληθείας καὶ τῆς κυρίως ἀληθείας· τὸ γὰρ αἰδίων ἀληθές αὕτη θεωρεῖ. Συνιδὼν δὲ τὴν θεωρητικὴν φιλοσοφίαν ὥς μάλιστα οἰκείαν ἡμῖν καὶ κατὰ φύσιν, τῇ μὲν φησι χαλεπὴν αὐτὴν δόξαι ἂν εἶναι, τῇ δὲ αὖ ῥαδίαν. Χαλεπὴν μὲν καθ' ὅσον πολλῶν ἐπιχειρησάντων αὐτῇ οὐδεὶς κατ' ἀξίαν τοὺς περὶ αὐτῆς πεποιήται λόγους· τὸ γὰρ δυσεύρετον καὶ χαλεπὴν τὴν περὶ αὐτῆς εἶναι θεωρίαν σημείον ἱκανόν, τὸ

μὴ δύνασθαι τοὺς περὶ αὐτῆς λέγοντας κατ' ἀξίαν εἰπεῖν περὶ αὐτῆς. Τὸ δὲ αὖ ῥαδίαν εἶναι σημεῖον πάλιν ποιεῖ, τὸ μὴ πάντῃ τοὺς περὶ αὐτῆς εἰπόντας ἀποπλανηθῆναι, ἀλλὰ τῶν εἰπόντων ἕκαστον εἰπεῖν ὑγιές τι περὶ αὐτῆς. Καθ' ἕκαστον μὲν γὰρ τῶν φιλοσοφησάντων εἰ ἐπισκοποίημεν, ὀλίγον παντελῶς ἕκαστον αὐτῶν ὑγιῶς ἂν εὕροιμεν λέγοντα· εἰ δὲ τὰς ἀπάντων ἀθροίσαιμεν εἰς ταὐτὸ δόξας, ἀξιόλογος ἦδη καὶ μεγάλη ἡ περὶ αὐτῆς θεωρία φανείη. Περὶ γοῦν τῶν ἀρχῶν, ὡς ἐν τῷ πρὸ τούτου προείρηκα, ἕκαστος μὲν τῶν εἰπόντων μέρος τι αὐτῶν εἶπε, καὶ οὐδὲ τοῦτο σαφῶς, τρόπον μέντοι τινὰ εἶπε πάσας, εἶπερ τῷ ἄλλου ἄλλης μνημονεῦσαι. Μῆτε πάντως ἀποτυγχάνειν. Τοῦτο εἶρηκεν ὡς ἴσον τῷ μῆτε τινὰ τῶν πάντων ἀποτυγχάνειν αὐτῶν πάντῃ. Ὅτι δὲ τοῦτο λέγει, ἐδήλωσεν ἐπενεγκῶν· "ἀλλ' ἕκαστον λέγειν τι περὶ τῆς φύσεως." Τοῦτο γὰρ συνωδὸν τῷ μηδένα ἀποτυγχάνειν. Τὸ δὲ "τῆς φύσεως" προσκείμενον, ὅτι πρὸ πάσης ταύτης τῆς θεωρητικῆς εἶναι φιλοσοφίας τὸ βιβλίον συνίστησι καὶ αὐτό.

Русский перевод: «Или относительно знака» пишется без "что"; «теория об истине»; и скорее кажется, что это начало той книги, а не "что" не является началом.

Он называет теорией об истине всю теоретическую философию, не потому, что только она занимается истиной (ибо и политическая, и практическая философия имеют дело с истиной в этих областях, да и искусства теоретически относятся к истине в своем предмете, поскольку искусство — это

способность к творчеству, соединенная с истинным суждением), но потому, что только для нее целью является познание истины и притом истины в собственном смысле, ибо она созерцает вечную истину. Обозрев же теоретическую философию как наиболее свойственную нам и соответствующую природе, он говорит, что она с одной стороны может показаться трудной, а с другой — легкой. Трудной — поскольку, хотя многие брались за нее, никто не изложил о ней достойные рассуждения; ибо то, что трудно найти и трудно дать о ней теорию, есть достаточный признак того, что те, кто говорит о ней, не могут говорить о ней достойно. А что она легка — опять-таки признаком служит то, что говорящие о ней не совсем ошиблись, но каждый из них сказал нечто здравомысленное о ней. Ибо если бы мы рассмотрели каждого из философствовавших в отдельности, то нашли бы, что каждый из них говорит правильно лишь в очень малой степени; если же мы соберем воедино мнения всех, то теория о ней покажется значительной и великой. Так, об основаниях, как я сказал в предыдущей книге, каждый из говоривших сказал нечто о них, и даже не ясно, но, однако, некоторым образом сказал о всех, если вспомнить, что один упомянул об одном, другой о другом. "Не совсем ошибаться". Это сказано, как равнозначное тому, что никто из всех не ошибается во всем. Что он говорит это, он показал, добавив: «но каждый говорит нечто о природе». Ибо это созвучно тому, что никто не ошибается. А прибавка «о природе» показывает, что книга

относится к области теоретической философии.

(A 1. 993 b)

Древнегреческий текст: "Ὡστε --- ἁμάρτοι." Ὅτι τὸ πάντα τι ὑγίης εἰρηκέναι τοὺς περὶ αὐτῆς ἐγνωκότας σημεῖον ἂν εἴη τοῦ ῥαδίαν αὐτὴν εἶναι, ἔδειξε τῇ παροιμίᾳ προχρησάμενος τῇ "τίς ἂν θύρας ἁμάρτοι;" ἣ λέγεται ἐπὶ τῶν εὐκόλων, τῶν μηδὲν χαλεπὸν ἢ δυσεύρετον ἐχόντων. Εἴληπται δὲ ἀπὸ τῶν τοξοτῶν τῶν ἐπὶ σκοπὸν τοξευόντων· οὗτοι γάρ, ἂν μὲν στενὸς ἦ ὁ προκείμενος σκοπός, οὐ ῥαδίως αὐτοῦ τυγχάνουσιν, ἂν δὲ ἦ πλατύς, οὐ χαλεπὸν τὸ τούτου τυγχάνειν· διὸ καὶ πάντες αὐτοῦ τυγχάνουσιν. Εἰ μὲν οὖν ῥαδία, πάντες ἐπιτυγχάνουσιν· εἰ δὲ πάντες ἐπιτυγχάνουσιν, ῥαδίον τοῦτο. Τὸ δὲ "ὅλον τε ἔχειν ἢ μέρος μὴ δύνασθαι," δηλοῖ τὸ χαλεπὸν αὐτῆς. Πάλιν τὸ χαλεπὴν ἢ δύσκολον τὴν πραγματείαν εἶναι σημεῖον ποιεῖ, τὸ ἕτερον τῶν προρρηθέντων. Ἦν δὲ τὸ καθ' ἓνα ἢ μικρὸν ἢ μηδὲν ἐπιβάλλειν αὐτῇ, τῷ τοὺς καθ' ἓνα μήτε περὶ ὅλης λέγειν τῆς πραγματείας μήτε περὶ μέρους αὐτῆς ὁλοκλήρως. Οἱ δὲ μηδὲν ἢ μικρὸν ἐπιβάλλοντες αὐτῇ, πρὸς τῷ τοῦ παντὸς ἀπολείπεσθαι, ἀπολείποντο ἂν καὶ τῶν μερῶν αὐτῆς. Ταῦτα δὴ τὸ χαλεπὸν αὐτῆς δεικνύουσιν. Ἐχει δέ τι ἢ λέξις ἀκατάλληλον, τὸ "εἰ δ' ὅλον τε ἔχειν ἢ μέρος μὴ δύνασθαι, δηλοῖ τὸ χαλεπὸν αὐτῆς." Δοκεῖ γὰρ αὐτῆς τὸ ἀντικείμενον λέγειν ὃ προείρηκε. Προείρηκε μὲν γὰρ ὅτι καθ' ἓνα μὲν ἕκαστος ἐπιβάλλει τῇ τῶν ὄντων ἀληθείᾳ, ὅλων δὲ ἀποτυγχάνει· νῦν δὲ δοκεῖ λέγειν, τὸ μὲν ὅλον

ἔχειν τοὺς ἐπιβάλλοντας αὐτῇ, τὸ δὲ μέρος μὴ δύνασθαι. Ὁ φεύγοντές τινες ἡλλάχθαι φασὶ τὴν λέξιν, καὶ εἶναι τὸ κατάλληλον αὐτῆς· "τὸ δ' ὅλον μὴ δύνασθαι, ἢ μέρος ἔχειν, δηλοῖ τὸ χαλεπὸν αὐτῆς." Τοῦτο δὲ σύμφωνον εἶναι τοῖς προειρημένοις. Μήποτε δὲ ἄμεινον τῆς λέξεως ἀκούειν, ὥς προειρήκαμεν, τὸ δεικνύειν τὸ χαλεπὸν τῆς πραγματείας διὰ τὸ μήτε τὸ ὅλον ἔχειν μήτε μέρος ὁλοκλήρως ἔχειν δύνασθαι· ὥς εἶναι τὸ λεγόμενον ἴσον τῷ, τὸ δὲ μήτε ὅλον τι ἔχειν ἀλλὰ μηδὲ μέρος δύνασθαι. Τὸ γὰρ ἢ μικρὸν ἢ μηδὲν ἐπιβάλλειν αὐτῇ, ὅτε τὸ ὅλον ἔχειν ἦν, ὅτε μέρος αὐτῆς ὅλον· τὸ δ' ἢ μέρος δύσληπτον, χαλεπὸν τοῦτο. Ἡ εἴη ἂν ὑπερβατὸν ἐν τῇ λέξει τοιοῦτον.

Русский перевод: «Так что... не промахнулся бы». Что все знающие о ней сказали нечто здравомысленное, есть признак того, что она легка, он показал, приведя пословицу «кто бы промахнулся мимо двери?»; говорится она о легких вещах, не имеющих ничего трудного или трудно находимого. Взята же она от лучников, стреляющих в цель; ибо они, если цель узка, не легко попадают в нее, а если широка, то попасть не трудно; поэтому все попадают в нее. Итак, если она легка, все достигают успеха; если все достигают успеха, значит, это легко. А «не мочь иметь целое или часть» показывает ее трудность. Опять же, признаком того, что это учение трудно или затруднительно, он считает другое из сказанного ранее: что в отдельности каждый постигает ее в малой или ничтожной степени, так как по отдельности они не говорят ни

о всем учении, ни о какой-либо его части в целостности. Те же, кто постигает ее в малой или ничтожной степени, помимо того, что отстают от целого, отстают и от частей его. Это показывает ее трудность. Однако в выражении есть некоторая несообразность: «если не мочь иметь целое или часть, это показывает ее трудность». Ибо кажется, что он говорит противоположное тому, что сказал ранее. Ранее он сказал, что в отдельности каждый постигает истину сущего, но целого не достигает; теперь же, кажется, говорит, что постигающие ее имеют целое, но не могут иметь часть. Избегая этого, некоторые говорят, что выражение следует изменить, и правильным было бы: «не мочь иметь целое или иметь часть, показывает ее трудность». Это было бы согласно с ранее сказанным. Но, возможно, лучше понимать выражение так, как мы уже сказали, что трудность учения показывается через невозможность иметь ни целое, ни часть в целостности; так что сказанное равнозначно: «но не мочь иметь ни целого, ни части». Ибо «постигать в малой или ничтожной степени» означает не иметь ни целого, ни части в целостности. А «или часть» трудно уловима, что и является трудностью. Или это может быть инверсия в выражении.

Глава II. О трудности и легкости философии (Книга А, Главы 1-2)

(А 1. 993 b)

Древнегреческий текст: Εἰ δὲ μὴ δύναται ὅλον τι ἔχειν ἢ μέρος, ὥς εἰ ἔλεγε, "τὸ δὲ μηδέτερον δυνατόν δηλοῖ τὸ χαλεπὸν αὐτῆς." Δύναται τις οὕτως ἀκοῦσαι τοῦ "τὸ δ' ὅλον τι ἔχειν καὶ μέρος μὴ δύνασθαι," ὥς εἰς ἔννοιαν τοῦ ὅλου ἢ ἐπίστασιν πάντας ἐλθεῖν, μηδὲν δὲ μέρος αὐτῆς ἐξακριβῶσαι δυνηθῆναι· δηλοῖ τὸ χαλεπὸν αὐτῆς. Δύναται καὶ λείπειν τῇ λέξει τὸ πάντας ἅμα, ἴν' ἦ, τὸ δ' ὅλον τι ἔχειν πάντας ἅμα, μέρος δὲ ἕκαστον μὴ δύνασθαι, δηλοῖ τὸ χαλεπὸν αὐτῆς. Ἡ τοῦτο γε μᾶλλον ἀκολουθεῖν δόξει τοῖς προειρημένοις, τοῖς "καθ' ἓνα ἢ μικρὸν ἢ μηδὲν ἐπιβάλλειν αὐτῇ, ἐκ πάντων δὲ τῶν συναθροισζομένων γίνεσθαι τι μέγεθος." Δύναται ἴσον εἶναι τὸ εἰρημένον τῷ, "τὸ δὲ μὴ δυνατόν ἢ ὅλον τι ἔχειν ἢ μέρος, ἀλλὰ μέρος τι μόνον λαμβάνειν αὐτοῦ." Τὸ δὲ "τῇ μὲν χαλεπῇ τῇ δὲ ῥαδία" λέγοι ἂν οὐχ ὥς καὶ ταῦτόν ὄντων ἀμφοτέρων περὶ αὐτήν, ἀλλ' ὥς φαντασιῶν ἢ δοξῶν ἀμφοτέρων οὐσῶν περὶ αὐτῆς, καὶ μὲν τι ὅτι ῥαδία, καὶ δέ τι ὅτι χαλεπή· διὰ μὲν γὰρ τὸ πάντας ἐπιβάλλειν αὐτῇ, χαλεπή, διὰ δὲ τὸ μηδένα κατορθοῦν μηδὲ μέρος ὅλον, ῥαδία.

Русский перевод: Если же невозможно иметь ни целое,

ни часть, то это означает, что она трудна, как если бы он сказал: «но невозможность того и другого показывает ее трудность». Можно так понять выражение «иметь целое и не мочь часть», что все приходят к понятию целого или оставиваются на нем, но не могут точно определить ни одной ее части; это показывает ее трудность. Можно также предположить, что в выражении пропущено «все вместе», так что смысл будет: «иметь целое все вместе, но не мочь часть каждому в отдельности, показывает ее трудность». И это, пожалуй, более соответствует ранее сказанному: «в отдельности каждый постигает ее в малой или ничтожной степени, но из собрания всех получается некая величина». Сказанное может быть равнозначно тому, что невозможно иметь ни целого, ни части, но можно взять лишь некоторую часть ее. А «с одной стороны трудная, с другой легкая» он говорит не потому, что оба свойства принадлежат ей одновременно, но потому что существуют различные представления или мнения о ней: одно — что она легка, другое — что трудна. Ведь из-за того, что все постигают ее, она кажется легкой, а из-за того, что никто не достигает успеха ни в целом, ни в части, она кажется трудной.

(A 1. 993 b)

Древнегреческий текст: "Ἰσως δὲ ἡ τῆς χαλεπότητος οὔσης κατὰ δύο τρόπους." Δείξας τὴν θεωρητικὴν φιλοσοφίαν τῇ μὲν χαλεπὴν, διαίρεσιν ποιεῖ τοῦ χαλεποῦ, δεικνὺς καθ' ὅτι ἡ φιλοσοφία, δι' ὃ πάλιν δείκνυται πῇ

μὲν χαλεπὴν αὐτὴν εἶναι, πῇ δὲ ῥαδίαν. Οἱ δὲ τρόποι τῆς χαλεπότητος δύο, εἷς μὲν παρὰ τὴν τοῦ πράγματος θεωρουμένην φύσιν, τοιούτου ὄντος ὡς τῇ αὐτοῦ φύσει δυσεώρητον εἶναι, δεύτερος δὲ ὁ διὰ τὴν τοῦ θεωροῦντος αὐτὸ ἀσθένειαν· δύναται γάρ τι τῇ αὐτοῦ φύσει ὄν εὐθεώρητον τῷ ἀπλῷ εἶναι, διὰ τὴν ἡμετέραν ἀσθένειαν ἡμῖν εἶναι χαλεπὸν τε καὶ δυσθεώρητον. Τῷ τρόπῳ τῆς χαλεπότητος ὑπάγει τὴν θεωρητικὴν τέχνην ἢ περὶ τῆς ἀληθείας φιλοσοφίαν. Προτρέποι δ' ἂν ἡμᾶς ἢ διὰ τοῦτο πρὸς τὴν θεωρητικὴν φιλοσοφίαν· εἰ γὰρ τὰ γνῶριμα καὶ πρῶτα τῇ αὐτῶν φύσει ἡμῖν ἐστὶ δύσγνωστα διὰ τὴν ἀργίαν τοῦ νοῦ, δῆλον ὅτι δεῖ γυμνάζειν τε καὶ ἐπεγείρειν πρὸς αὐτὰ τὸν νοῦν, ὅπως αὐτῷ εὐγνώστα γίγνηται τὰ τῇ αὐτῶν φύσει γνῶριμα. Πῶς δὲ ἔνια ἐστὶ χαλεπὰ παρὰ τὴν τῶν μετιόντων αὐτὰ ἀσθένειαν, καὶ παρὰ τὴν αὐτῶν φύσιν, ἔδειξεν ἐπὶ τῶν νυκτερίδων, αἷς τὸ μεθημερινὸν φῶς δι' ἀσθένειαν τῶν ὀφθαλμῶν πρὸς τὸ ὁρᾶν ἐμποδίζει, ὃν τῇ αὐτοῦ φύσει μάλιστα ὁρατὸν τε καὶ αἷτιον τοῦ ὁρᾶν τὰ ὁρώμενα. Ὡς δὴ ἐκείνων οἱ ὀφθαλμοὶ πρὸς τὸ φῶς ἔχουσιν, οὕτω καὶ ἐφ' ἡμῖν, φησί, τὸν νοῦν τὸν ἡμέτερον ἔχειν πρὸς τὰ τῇ φύσει φανερώτατα· ταῦτα δὲ ἐστὶ τὰ ἀπλούστατα, τοιαῦτα δὲ αἱ ἀρχαί. Οὕτω δὲ ὁ ἡμέτερος νοῦς πρὸς τὰ φανερώτατα τῶν ὄντων ἔχει, διὰ τὸ μὴ ἀπολελυμένος καὶ κεχωρισμένος εἶναι, ἀλλ' εἶναι σὺν αἰσθήσει ἢ ταῖς παθητικαῖς δυνάμεσι τῆς ψυχῆς, ἃ πάντα ὑπόδια τῇ οἰκείᾳ τοῦ νοῦ ἐνεργείᾳ· ἢ γὰρ περὶ τὰ αἰσθητὰ συνεχῆς ἡμῶν ἐνέργεια ταῖς κεχωρισμέναις

τῆς αἰσθήσεως ἐνεργείαις ἐμποδῶν γίνεται. Εἰ δὲ διὰ ταῦτα ἔστι τῆς ἀληθείας γνῶσις χαλεπή, ἀληθὲς τὸ προειρημένον, τὸ τὴν περὶ τῆς ἀληθείας γνῶσιν τῇ μὲν χαλεπὴν τῇ δὲ ῥαδίαν εἶναι· χαλεπὴ μὲν ἡμῖν, τῇ δὲ τῆς φύσει ῥαδία. Ἡ εἴη ἂν κἀκεῖνα τούτου χάριν εἰρημένα κατασκευαστικὰ ὄντα τοῦ ἅμφω ταῦτα ἔχειν αὐτήν, ὃ οὐ παρ' ἄλλο τί ἐστίν ἢ παρὰ τὸ τῇ μὲν αὐτῆς φύσει τοιαύτην εἶναι, ἡμῖν δὲ διὰ τὴν ἡμετέραν ἀσθένειαν χαλεπὴν γνωσθῆναι.

Русский перевод: «Возможно, трудность бывает двоякого рода». Показав, что теоретическая философия с одной стороны трудна, он проводит деление трудности, показывая, в каком отношении философия оказывается то трудной, то легкой. И способов трудности два: один — от природы рассматриваемого предмета, когда он по своей природе труднообозрим; второй — от слабости созерцающего его. Ибо нечто, будучи по своей природе легкообозримым из-за своей простоты, из-за нашей слабости может быть для нас трудным и труднообозримым. К этому способу трудности он относит теоретическое искусство или философию об истине. И этим он побуждает нас к теоретической философии. Ибо если то, что познаваемо и первично по своей природе, трудно для нас из-за косности ума, то ясно, что нужно упражнять и пробуждать ум для восприятия их, чтобы то, что познаваемо по своей природе, стало для него легко познаваемым. Как же некоторые вещи трудны из-за слабости тех, кто к ним стремится, и из-за их собственной природы, он показал на примере

летучих мышей, которым дневной свет из-за слабости глаз мешает видеть, хотя по своей природе он наиболее видим и служит причиной видения видимых предметов. Как глаза тех мышей относятся к свету, так, говорит он, и наш ум относится к тому, что по природе наиболее очевидно; а это — простейшие вещи, каковы и начала. Так наш ум относится к наиболее очевидному из сущего, потому что он не освобожден и не отделен, но находится вместе с ощущением и страдательными способностями души, которые все препятствуют собственной деятельности ума. Ибо наша постоянная деятельность, направленная на чувственное, мешает деятельности, отделенной от ощущения. Если же поэтому познание истины трудно, то верно сказанное ранее, что познание об истине с одной стороны трудно, с другой легко: трудно для нас, но легко по природе. Или же и то и другое сказано для того, чтобы показать, что она обладает обоими свойствами, что происходит не от чего иного, как от того, что по своей природе она такова, а для нас из-за нашей слабости трудна для познания.

Глава III. О пользе предшественников и природе философии (Книга А, Глава 1)

(A 1. 993 b)

Древнегреческий текст: "Ὡστε --- δόξαις." Εἰπὼν περὶ τῆς θεωρητικῆς φιλοσοφίας ὅτι τῇ μὲν χαλεπῇ, τῇ δὲ ῥαδίᾳ, εἰπὼν δὲ καὶ ὅτι μηδεὶς τῶν ἀψαμένων αὐτῆς ἱκανῶς τι περὶ αὐτῆς εἶπε, λέγει ὅτι οὐ διὰ τοῦτο χρὴ παραπέμπειν αὐτούς, ἀλλὰ χάριν αὐτοῖς ἐκτέον, ὥς καὶ μικρὰ ὠφελήσασι τοὺς ὑστέρους. Ἄμα δὲ τὴν θεωρίαν διὰ τούτων συνίστησιν ὡς πάσης σπουδῆς ἀξίαν. Ἀξιοῖ δὲ χάριν ἡμᾶς ἔχειν οὐ μόνον τοῖς εἰρηκόσι τοιοῦτον, ὥς καὶ ἡμεῖς ὡς καλῶς εἰρημένῳ χρῆσαιμεθα καὶ κοινωνήσαιμεν τῆς δόξης, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἀρχαιοτέροις, εἰ καὶ ἐπιπολαιότερόν πως δοκῶσι περὶ τούτων εἰρηκέναι. Καὶ λέγει τούτου τὴν αἰτίαν· ὅτι καὶ οὗτοι συνετέλεσάν τι ἡμῖν πρὸς τὴν τῶν ζητουμένων εὔρεσιν. "Τὴν δὲ ἔξιν," τοντέστι τὴν δύναμιν ἡμῶν, ἣ δυνάμει τῆς ψυχῆς τὰ τοιαῦτα ζητεῖν δυνάμεθα (αὕτη δὲ ἐστὶν ὁ νοῦς), ταύτην "προήσκησαν," θήξαντές πως καὶ ἀσκήσαντες ταῖς ζητήσεσιν, ἅτε ὁδοποιήσαντες καὶ ἐπιστήσαντες εἰς τὸ αὐτὸς ὑστερον ἐπιζητεῖν περὶ τούτων, καὶ εἰς ἔννοιαν ἀγαγόντες ὡς ἔστιν οἰκεία ἡμῖν ἢ περὶ ὧν ἐπραγματεύσαντο θεωρία. Εἴη δ' ἂν καὶ

διὰ τοῦτο προτρέπων ἡμᾶς ἐπὶ τὸ πάσαις ταῖς παρὰ
τούτων καταβεβλημέναις δόξαις ἐντυγχάνειν· ἡ γὰρ τῶν
καταβεβλημένων δοξῶν εὐπορία εὐρετικωτέρας ἡμᾶς τῆς
ἀληθείας παρασκευάσει. Πῶς δ' οἷόν τε χάριν ἔχειν τούτοις,
ὥς ἄξιοι, μὴ πρότερον αὐτῶν τὰς δόξας ἱστορήκοτας; Δόξα
δ' ἂν ἐκ ταύτης τῆς λέξεως τὸ βιβλίον τοῦτο ἀκόλουθον εἶναι
πῶς τῷ πρὸ αὐτοῦ τεταγμένῳ· ἐν ἐκείνῳ γὰρ ἱστορήσας
τὰς τῶν πρὸ αὐτοῦ περὶ τῶν πρώτων ἀρχῶν δόξας καὶ
ἀντειπὼν τινα πρὸς αὐτούς, ἐν τούτῳ φησίν, οὐκ ἐπειδὴ
ἀντιλέγομεν ταῖς τινῶν δόξαις διὰ τοῦτο, ὥς μηδὲν ἡμῖν εἰς
τὰ προκείμενα συντελέσαντας, παραπέμπειν χρή, ἀλλὰ καὶ
τοῖς εὐκαταφρονήτως εἰρηκέναι δοκοῦσί τινα χάριν ἐκτέον·
ὥς παρὰ τούτων ὠφελοίμεθά τι· προησκήθημεν γὰρ τὴν
ἔξιν. Ὅτι δὲ χρήσιμοι οἱ ὅπως οὖν ἀρξάμενοι τοὺς, οὐχ οἱ
ἐπὶ πλεον ἐργασάμενοι μόνον, δῆλον ἐποίησε παραθέμενος
Τιμόθεόν τε, ὃς ἄριστος ἐδόκει γεγονέναι μελοποιός, καὶ
Φρῦνιν, ὃς ἀρχαιότερος ἐγένετο Τιμοθέου, καὶ μὴν τούτους
τῆς τέχνης· τούτων γὰρ παρὰ μὲν Τιμοθέου τὴν μελοποιίαν,
παρὰ δὲ Φρυνίδος ὁ Τιμόθεος τοιοῦτος γενέσθαι· καὶ οὐκ ἂν
ἐπὶ τοσοῦτον οὗτος ἐξεργάσατο ταῦτα, μὴ πρώτων ἐκείνων
γιγνομένων τε καὶ ἀρξαμένων. Ὡς δὲ ἐπ' ἐκείνων ἔχει, οὕτω
δὲ καὶ ἐπὶ τῆς καλῆς καὶ τὴν ἀλήθειαν θεωρίας· παρὰ
μὲν γὰρ τινων ἔχομεν δόξας τινάς, αἷς ἄξιον χρῆσθαι, ὥς
ἐχούσαις περιττόν τι, ἄλλοι δὲ τοῦ τούτους εἰπεῖν τι ἢ εὐρεῖν
τοιοῦτον ἐγένοντο αἵτιοι.

Русский перевод: «Так что... мнениям». Сказав о тео-

ретической философии, что она с одной стороны трудна, с другой легка, и сказав также, что никто из прикоснувшихся к ней не сказал о ней достаточно, он говорит, что не следует из-за этого пренебрегать ими, но должно быть им благодарным, так как они, пусть и немного, помогли последующим. Вместе с тем он через это утверждает, что теория достойна всяческого усердия. Он считает, что мы должны быть благодарны не только тем, кто сказал нечто такое, чем мы можем воспользоваться как хорошо сказанным и разделить с ними их мнение, но и более древним, даже если они, по-видимому, говорили об этом поверхностно. И он говорит причину этого: что и они содействовали нам в нахождении искомого. «Упражняли же наш навык», то есть нашу способность, той силой души, которой мы можем искать подобные вещи (а это есть ум), они "предварительно упражняли", как бы оттачивая и упражняя его в исследованиях, поскольку они проложили путь и обратили внимание на то, чтобы впоследствии самому искать об этом, и привели к пониманию того, что теория того, о чем они размышляли, нам свойственна. И, возможно, через это он побуждает нас знакомиться со всеми высказанными ими мнениями; ибо обилие высказанных мнений делает нас более способными к нахождению истины. Как же возможно быть им благодарным, как он считает должным, если мы не изучили прежде их мнения? Из этого выражения кажется, что эта книга является некоторым продолжением предшествующей; ибо в ней, изложив мнения

своих предшественников о первых началах и возразив им кое-что, он говорит здесь, что не следует, возражая чьим-то мнениям, пренебрегать ими, как будто они нисколько не содействовали нам в том, что мы излагаем, но и тем, кто, кажется, сказал нечто заслуживающее презрения, должно быть благодарно, так как мы получаем от них некоторую пользу; ибо мы предварительно упражняли наш навык. Что полезны те, кто как-то начали, а не только те, кто много потрудились, он ясно показал, приведя в пример Тимофея, который считался лучшим мелопеем, и Фриниса, который был древнее Тимофея, и, конечно, в этом искусстве; ибо от Тимофея переняли мелопею, а от Фриниса сам Тимофей стал таким; и не достиг бы он в этом столь многого, если бы те не были первыми и не начали. Как обстоит дело у них, так и в прекрасной теории истины: от одних мы имеем некоторые мнения, которыми стоит воспользоваться, как имеющими нечто ценное, другие же стали причиной того, что те сказали или нашли нечто подобное.

(A 1. 993 b)

Древнегреческий текст: "Ὅρθῶς --- ἀληθείας." Χρησάμενος τῷ τῆς ἀληθείας ὀνόματι ἐπὶ τῆς θεωρητικῆς φιλοσοφίας, νῦν ὅτι εὐλόγως οὕτω καλεῖ συνίστησι φιλοσοφίαν μὲν ἰδίως τὴν θεωρητικὴν λέγει, ὥς δι' ὧν ἐπιφέρει δηλοῖ, λέγων "θεωρητικῆς μὲν τὸ τέλος ἀλήθεια". καὶ ταύτης ἔτι μᾶλλον ἢ περὶ τῶν πρώτων ἀρχῶν τε καὶ αἰτίων, τῶν παντάπασιν αἰσθήσεως κεχωρισμένων καὶ

τῇ αὐτῶν φύσει ὄντων, ἣν καὶ σοφίαν καλεῖ. Συνίστησι δὲ τὸ προειρημένον οὕτως. Ἐπεὶ τέλος τῆς θεωρητικῆς φιλοσοφίας ἐστὶν ἡ ἀλήθεια, ἀπὸ δὲ τοῦ τέλους καὶ τοῦ σκοποῦ ἐκάστη μέθοδος χαρακτηρίζεται τε καὶ τὸ εἶναι ἔχει, εἰκότως παρὰ τῆς ἀληθείας αὕτη καλεῖται, τοῦτο γὰρ αὐτῆς τέλος. Καὶ τῇ τῶν πρακτικῶν ἐπιστημῶν δὲ παραθέσει ἔδειξε τὸ εὐλόγως καλεῖσθαι παρὰ τῆς ἀληθείας τὴν θεωρητικὴν· τέλος γὰρ τῇ πρακτικῇ ἡ πρᾶξις, οὐχ ἡ γνῶσις, τέλος δὲ τῆς ἐν τοῖς πρακτοῖς ἀληθείας· οἱ γὰρ πρακτικοὶ οὐ πῶς ἔχει τὸ ὑποκείμενον ἀληθείας σκοποῦσιν, ἀλλὰ περὶ αἰδίου τινὸς ἀλήθειαν σκοποῦσιν. Ὡς δὲ τῆς περὶ τὰ αἰδία ἀληθείας κυρίως καὶ μάλιστα ἀληθείας οὔσης, ἡ τῆς ἐν τοῖς πρακτοῖς, τοῦτο προσέθηκεν. Οὐ δὲ περὶ ταύτης οἱ πρακτικοί, ἀλλὰ τῆς τινὲ καὶ ποτέ, ἐπὶ τὴν πρᾶξιν τὴν ἀναφορὰν τῆς θεωρίας ποιούμενοι· τοιαῦτα γὰρ τὰ πρακτὰ οὐ καθόλου, ἀλλὰ μεταπίπτοντα καὶ κατὰ τὰς ἡλικίας τῶν πραττόντων καὶ κατὰ τὰς τύχας καὶ κατὰ τὰς πρὸς οὓς πράττουσι σχέσεις. Αἱ γὰρ περὶ τῶν ἀρετῶν καὶ τῶν κατὰ ταύτας ἐνεργειῶν ζητήσεις, αἱ μὴ θεωρίας χάριν ἐγίνοντο μόνης, ἐν τοῖς πρακτοῖς εἰσι καὶ περὶ τὰ καθ' ἕκαστα· περὶ γὰρ ταῦτα ἡ αὐτῶν ἀναφορά.

Русский перевод: «Правильно... истины». Используя имя «истина» для теоретической философии, он теперь показывает, что справедливо называет ее так. Философией в собственном смысле он называет теоретическую, как он показывает из того, что прибавляет: «цель теоретической —

истина»; и еще более — та, что о первых началах и причинах, полностью отделенных от ощущения и существующих по своей природе, которую он и называет мудростью. Он утверждает сказанное следующим образом. Так как цель теоретической философии — истина, а от цели и задачи каждый метод получает свою характеристику и свое бытие, то справедливо, что эта наука называется по истине, ибо это ее цель. И через сравнение с практическими науками он показал, что теоретическую справедливо называют по истине: ибо целью практической является действие, а не знание, а целью — истина в делах. Ведь практики исследуют не то, как обстоит дело с истиной в предмете, но исследуют истину о чем-то вечном. И так как истина о вечном является истиной в собственном и высшем смысле, чем истина в делах, он это и прибавил. Итак, практики имеют дело не с этой истиной, но с истиной для кого-то и когда-то, соотнося теорию с действием; ибо таковы практические вещи — не общие, но изменчивые, и по возрастам действующих, и по обстоятельствам, и по отношениям с теми, с кем они действуют. Ведь исследования о добродетелях и о соответствующих им деятельности, если они предпринимались не ради одной только теории, находятся в области практического и касаются единичного; ибо к этому относится их применение.

Глава IV. О цели философии и природе истины (Книга А, Глава 1)

(А 1. 993 b)

Древнегреческий текст: Καὶ δὲ τῷ εἰπεῖν "οὐκ αἰδίων" ἔδειξεν ὅτι οὐ τὸ τέλος τοῖς πρακτικοῖς ἀλήθειά ἐστι τῆς ἐπιστήμης· αἰδίων γὰρ αἱ ἐπιστῆμαι καὶ θεωρίαι. Γράφεται δὲ ἔν τισι ἀντιγράφοις "ὥς τὸ αἴτιον καθ' αὐτὸ ἀλλὰ πρὸς τι ἢ νῦν θεωρῶσιν." "Ὁ γεγραμμένον εἴη ἂν λέγων ὅτι οὐ τὸ κυρίως καὶ καθ' αὐτὸ αἴτιον, ὃ τῷ ἀπλῶς ἀληθέσιν αὐτοῖς εἶναι αἰτιόν ἐστι, θεωρῶσιν οἱ πρακτικοί, ἀλλὰ τὸ πρὸς τόδε καὶ νῦν ἀληθὲς αὐτοῖς εἶναι· τοιοῦτον γάρ τὸ ἐν τοῖς πρακτοῖς ἀληθές, καὶ τὸ ὡς πρακτῶν αὐτῶν αἴτιον.

"Οὐκ ἴσμεν δὲ τὸ ἀληθὲς ἄνευ αἰτίας." Τὸ λεγόμενον ἴσον ἐστὶ τῷ, ἀλλὰ μὴν τὸ ἀληθὲς οὐχ οἷόν τε ἄνευ αἰτίας εἰδέναι· ὥστε εἰ οἱ πρακτικοὶ μὴ ὡς αἰτίαν ἦν γνῶσιν ποιοῦνται, οὐδὲ τὸ ὄντως καὶ κυρίως αἴτιον τὴν γνῶσιν περὶ τῶν προκειμένων ἀληθὲς ἐν αὐτοῖς θεωρῶσιν. Ἡ εἴη ἂν οὕτως τὸ λεγόμενον ἀκολουθῶς εἰρημένον τῇ δευτέρᾳ γραφῇ· εἰ δὲ ἀπλῶς λέγοιτο, ὡς δεικτικὸν ὧν λέγοιτο τῷ δεῖν τὸν περὶ τοῦ ἀληθοῦς πραγματευόμενον τῶν αἰτιῶν εἶναι θεωρητικόν. Ἐνδειξάμενος δὲ ὅτι ἐστὶν αὐτῷ ἡ προκειμένη πραγματεία περὶ τῆς ἀληθείας θεωρία, καὶ τίς ἐστὶν αὕτη δείξας, ὅτι ἡ σοφία καὶ ἡ θεωρητικὴ φιλοσοφία,

προστίθῃσι τοῖς εἰρημένοις ὅτι ἀδύνατον τὸ ἀληθὲς γινῶναι ἄγνοοῦντας τὴν αἰτίαν, διδάσκων ἡμᾶς διὰ τούτου καὶ τοῦ ἐπὶ τούτῳ λεγομένου ὅτι ἀναγκαῖα ἂν εἴη τῷ περὶ ἀλήθειαν καταγινομένῳ καὶ τῶν αἰτίων γινῶσις, ὡς εἶπε καὶ τῆς Φυσικῆς ἀρχόμενος· καὶ ἐν τοῖς Ὑστέροις Ἀναλυτικοῖς ἔδειξεν ἐπιστήμην εἶναι τὴν δι' αἰτίαν γινῶσιν· ἔδειξε δὲ καὶ ἐν τῷ πρώτῳ τὴν κυρίως γινῶσιν τινος ἐκ τῆς τῶν αἰτίων αὐτοῦ γνώσεως ἡρτημένην. Οὐχ ὅτι δὲ πᾶν ἀληθὲς ἐξ αἰτίας γνωστὸν λέγει· οὐτῷ γὰρ ἐπ' ἄπειρόν τε ἂν εἴη τὰ αἴτια, καὶ οὐδὲν γνωστὸν ἂν εἴη, ὡς μετ' ὀλίγον δείξει· ἀλλὰ δῆλον ὅτι τούτων τὸ ἀληθὲς οὐχ οἷόν τε γινῶναι χωρὶς αἰτίας τῶν ἐχόντων αἰτίας. Ἔστι δέ τινα γνωστὰ χωρὶς αἰτίας· τὰ γὰρ οὐκ ἔχοντα αἰτίας τοιαῦτα οἶα, τὰ πρῶτα ἢ αἱ ἀρχαί, ὧν οὐκ ἔστιν αἴτια. Ἡ ἦν ἐνδεῶς εἰρημένον· λείπει γὰρ τὸ "ὧν εἰσὶν ἀρχαὶ καὶ αἴτια," ὃ εἶπεν ἐν τῇ Φυσικῇ Ἀκροάσει. Ἡ τὸ "οὐκ ἴσμεν" ἴσον ἐστὶ τῷ "οὐκ ἔχομεν ἐπιστήμην"· ἡ γὰρ ἐπιστήμη ἐστὶ κυρίως ἢ δι' ἀποδείξεως γινῶσις, τῶν δὲ ἀρχῶν οὐκ ἔστιν ἀπόδειξις, ὥστε οὐδὲ γινῶσις τοιαύτη. Ἄ δὲ δι' ὧν ἐπιφέρει, περὶ τούτων λέγει· τοιοῦτον γάρ

a 1. 993 b. (продолжение) "Ὡστε καὶ ἀληθέστερον τὸ τοῖς ὑστέροις αἴτιον τοῦ ἀληθέσιν εἶναι," καὶ διὰ τὸ "τὰς τῶν αἰεὶ ὄντων ἀρχὰς δεῖν αἰεὶ εἶναι ἀληθεστάτας." Καὶ γὰρ ποτὲ ἀληθές, οὐδὲ ἐκείνων αἴτιον τοῦ εἶναι ἄλλο, ἀλλ' ἐκείναι τοῖς ἄλλοις.

Русский перевод: И через то, что он сказал «не вечное», он показал, что для практических наук целью является не

истина науки; ибо науки и теории имеют дело с вечным. В некоторых списках пишется: «как причину само по себе, но как относящееся к чему-то или теперь рассматривают». Если это так написано, то это означает, что практики рассматривают не причину в собственном и само по себе смысле, которая является причиной того, что вещи суть истинны просто, но то, что истинно для этого и теперь; ибо таково истинное в делах и причина их как практических.

«Мы не знаем истины без причины». Сказанное равнозначно тому, что истину невозможно знать без причины; так что если практики не делают знание причиной, то они не рассматривают в своих предметах истину как действительно и по преимуществу причину. Или же сказанное последовательно произнесено в соответствии со вторым чтением; если же говорить просто, то как указание на то, что занимающийся истиной должен быть созерцателем причин. Указав, что для него настоящее учение есть теория об истине, и показав, что это такое — мудрость и теоретическая философия, он добавляет к сказанному, что невозможно познать истину, не зная причины, уча нас через это и через последующее, что занимающемуся истиной необходимо знание причин, как он сказал и в начале "Физики"; и в "Аналитиках" он показал, что знание через причину есть знание; показал он и в первой книге, что знание в собственном смысле зависит от знания причин вещи. Он говорит не то, что всякая истина познаваема через причину; ибо так причины уходили бы в бес-

конечность, и ничто не было бы познаваемо, как он покажет немного позднее; но очевидно, что истину о вещах, имеющих причины, невозможно познать без причины. А есть нечто познаваемое и без причины: таковы не имеющие причин, как первые начала, о которых нет причин. Или сказано недостаточно; ибо пропущено «о чем есть начала и причины», что он сказал в "Физике". Или «не знаем» равнозначно «не имеем науки»; ибо наука есть знание через доказательство, а начал нет доказательства, так что нет и такого знания. Он говорит о том, что следует из этого.

«Так что и более истинно то, что для последующего есть причина быть истинным», и потому, что «начала вечно сущего должны быть всегда наиболее истинными». Ибо если что-то истинно когда-то, оно не есть причина бытия других, но они суть причины для других.

Глава V. Истина и бытие

(Книга А, Глава 1)

(A 1. 993 b)

Древнегреческий текст: "Ἐκαστον --- συνώνυμον." Εἰπὼν ὅτι οὐχ οἷόν τε τὴν ἀλήθειαν τῶν ἐν τοῖς ἔχουσι αἰτίας γνῶναι χωρὶς τῆς γνώσεως τῶν αἰτιῶν αὐτῶν, καὶ διὰ τοῦτο δείξας ἀναγκαίαν τῇ θεωρητικῇ φιλοσοφίᾳ τὴν τῶν αἰτιῶν γνῶσιν, νῦν ὅτι ἀναγκαία δείκνυσι πάλιν διὰ τὸ δεῖν καὶ τὸν περὶ τῆς ἀληθείας φιλοσοφοῦντα τὰ μάλιστα ἀληθῆ γνωρίζειν, μάλιστα δὲ ἀληθῆ τὰ αἰδία αἷτια· ταῦτα γὰρ καὶ τῆς τῶν δι' αὐτὰ ὄντων ἀληθείας αἷτια. Ἀληθέστατον γὰρ δὴ τὸ τοῖς ἄλλοις αἷτιον τοῦ ἀληθέσιν εἶναι, αἱ δὲ ἀρχαὶ αἷτια τῆς ἐν τοῖς δι' αὐτὰ οὖσιν ἀληθείας. Ἐκαστον γὰρ τῶν ὄντων, ἐφ' ὅσον τοῦ εἶναι μετέχει, ἐπὶ τοσοῦτον καὶ τῆς ἀληθείας· τὸ γὰρ ψεῦδος οὐκ ὄν. Διὸ τὰ αἰδία μάλιστα ὄντα, καὶ μάλιστα ἢ ἐκείνων γνῶσις ἀλήθεια, εἵγε ἐπιστήμη. Εἰ δὲ τὰ αἰδία μάλιστα ὄντα, ἔτι μᾶλλον ὄντα τὰ τούτοις αἷτια τῷ εἶναι ἀεί· διὰ γὰρ τὸ εἶναι αἷτια τούτοις, ἐκείνα τούτων μᾶλλον ὄντα ἢ μάλιστα ὄντα. Καὶ τὴν αἰτίαν παρέθετο εἰκόν· "Ἐκαστον δὲ μάλιστα αὐτὸ τῶν ἄλλων, καθ' ὃ καὶ τοῖς ἄλλοις ὑπάρχει τὸ συνώνυμον." Δι' ὃ γὰρ τισιν ὑπάρχει τὸ τοῖσδε τισιν εἶναι ἢ συνωνύμοις τοῦτο ἀλλήλοις, οἷον θερμοῖς, ἐκεῖνο μάλιστα θερμόν. Δεῖ δὲ μὴ μόνον ἀλλήλοις

αὐτὰ εἶναι συνώνυμα, ἀλλὰ καὶ τὸ αἷτιον αὐτοῖς τοῦ εἶναι τοιούτοις συνώνυμον αὐτοῖς εἶναι· τότε γὰρ ἔσται μάλιστα τοιοῦτον αὐτό, ὅταν ἢ πρῶτον τοιοῦτον, οἷον μάλιστα θερμὸν ἔσται τὸ τοῖς θερμοῖς αἷτιον τοῦ εἶναι θερμοῖς, πρῶτον θερμὸν ὃν αὐτό. Οὕτω γὰρ αἷτιον τὸ πῦρ τοῖς θερμοῖς τοῦ εἶναι θερμοῖς· τοῦτο δ' ἐδήλωσε διὰ τοῦ εἰπεῖν "καθ' ὃ καὶ τοῖς ἄλλοις," ἐπεὶ δύναται αἷτιόν τισιν εἶναι τοῦ τοῖσδε εἶναι, μὴ ὃν αὐτὸ τοιοῦτον, οἷον ἢ τριῖσις αἰτία θερμότητός τισιν, ἀλλ' οὐ μάλιστα θερμὴ οὕσα αἰτία τῆς θερμότητος ἐκείνοις. Τὸ δὲ πῦρ, ἐπεὶ τοῖς θερμοῖς αἷτιον τῆς θερμότητος θερμὸν ὃν καὶ αὐτό, διὰ τοῦτο μάλιστα αὐτὸ θερμὸν. Ἄ τὰ τῶν ὄντων δὴ μάλιστα αἷτια, ὄντα καὶ αὐτά, ὄντα μᾶλλον ἐκείνων τῷ αἷτια αὐτῶν εἶναι, καὶ ἀληθῆ ἔτι μᾶλλον· ἦν γὰρ κείμενον τό, ὅτι ἕκαστον τῷ ὄντος μετέχει, οὕτω καὶ τῆς ἀληθείας ἔχειν. Καθ' ὅσον μὲν οὖν αἰδία καὶ τὰ αἰεὶ ὄντα λέγω καὶ τὰ τούτων αἷτια, τὸ τοσοῦτον συνωνύμως ἀλλήλοις τε καὶ τοῖς αἰτίοις αὐτῶν ἀληθῆ· καθ' ὅσον δὲ αἷτιά τισι τοῦ εἶναι μάλιστα ταῦτα, καὶ τοσοῦτον μᾶλλον ἐν τοῖς αἰδίοις ἀληθῆ τὰ αἷτια αὐτῶν· ὥστε μάλιστα ἂν εἴη περὶ ἀληθείας ἢ περὶ τῶν τοιούτων αἰτίων γνῶσις. Εἰ γὰρ τὰ αἰεὶ

a 1. 993 b. Τὰ περὶ ἧ θεωρία, αἰεὶ ἀληθῆ τῷ αἰεὶ εἶναι, ἀλλ' ὦν καὶ ἐν τούτοις μάλιστα τὰ αἷτια τῶν αἰτιατῶν ἀληθῆ· τὰ γὰρ πρῶτα τὰ δὲ ὕστερα (οὐ τῷ χρόνῳ· ἀμφοτέρω γὰρ αἰδία) ἀλλὰ τῇ φύσει· φύσει γὰρ πρῶτον τὸ αἷτιον τῶν οἷς ἐστὶν αἷτιον. Οὐδὲν δὲ ἄτοπον λέγειν ἀληθὲς ἀληθῶς διαφέρειν, εἶγε τὸ ἀληθὲς τῷ εἶναι ἥρτηται, διαφέρον δὲ τὸ εἶναι τοῖς

γνωστοῖς· τὰ μὲν γὰρ αὐτῶν ἐστὶν ἐπιστητά, τὰ δὲ δοξαστά. Τὴν γὰρ ὕλην, ὡς προελθὼν ἐρεῖ, κινουμένων εἶναι ἀνάγκη. Καὶ εἰ ἐπιστητὰ τὰ ὄντα πάντα, ἀληθῆ δὲ τὰ ὄντα, ἀλλὰ καθ' ἕκαστον ἢ τοῦ ὄντος ὡς ἔχει γνῶσις ἀλήθεια, οὐ κατ' αὐτά (οὐ γὰρ ἐν τοῖς πράγμασιν ἡ ἀλήθεια), ἀλλὰ καθ' ὅσον ἢ τοῦ ὄντος ὡς ἔχει γνῶσις ἀλήθεια. Εἰ δὲ τοῦτο, ἢ ἢ τοῦ μάλιστα ὡς ἔχει γνῶσις μάλιστα ἀλήθεια, εἶγε καὶ ἐπιστήμη. Ὡστε ἐπεὶ τῷ ὄντι ἔπεται τὸ ἀληθές, τῷ μάλιστα ὄντι ἔποιτο ἂν τὸ μάλιστα ἀληθές.

Русский перевод: «Каждое... синоним». Сказав, что невозможно познать истину о вещах, имеющих причины, без знания самих причин, и через это показав необходимость знания причин для теоретической философии, он теперь снова показывает, что это необходимо, поскольку и философствующий об истине должен знать наиболее истинное, а наиболее истинны вечные причины; ибо они суть причины истинности того, что существует благодаря им. Ибо наиболее истинно то, что для других есть причина их истинности, а начала суть причины истинности того, что существует благодаря им. Ведь каждое из сущего, насколько оно причастно бытию, настолько же причастно и истине; ибо ложь не есть сущее. Поэтому вечное, как наиболее сущее, и знание о нем есть наиболее истина, если оно есть наука. Если же вечное есть наиболее сущее, то еще более суть причины его, поскольку они существуют всегда; ибо, будучи причинами для него, они суть более сущее, чем оно, или наиболее сущее. И

причину он привел в виде образа: «Каждое же есть наиболее само среди других, в соответствии с чем и другим присуще синонимичное». Ибо то, благодаря чему нечто есть то или иное или синонимично друг другу (например, теплое), есть наиболее теплое. Нужно, чтобы не только сами вещи были синонимичны друг другу, но и причина их бытия таковыми была синонимична им; тогда оно будет наиболее таковым, когда оно есть первое таковое; например, наиболее теплым будет то, что для теплых есть причина быть теплыми, будучи само первым теплым. Ибо так огонь есть причина для теплых быть теплыми. Это он показал через «в соответствии с чем и другим», так как нечто может быть причиной для других быть таковыми, не будучи само таковым; например, трение есть причина теплоты для некоторых, но оно не есть наиболее теплое как причина теплоты для них. А огонь, поскольку он для теплых есть причина теплоты, будучи сам теплым, поэтому он есть наиболее теплое. Каковы же наиболее причины сущего, будучи сами сущим, они суть более сущее, чем то, чему они причины, и еще более истинное. Ибо было установлено, что каждое, поскольку причастно бытию, настолько же причастно и истине. Итак, поскольку вечное и всегда сущее, а также их причины, настолько они синонимичны друг другу и своим причинам истинны. А поскольку они суть причины для некоторых вещей быть наиболее сущими, настолько же более истинны в вечном их причины. Так что знание о таких причинах будет наиболее о истине. Ибо если то, о чем

теория, всегда истинно, поскольку всегда есть, то среди них наиболее истинны причины для причин; ибо одни первые, другие последующие (не по времени; ибо оба вечны), но по природе; ибо по природе первична причина для того, чему она причина. Нет ничего несообразного в том, чтобы говорить, что истинное отличается от истинно сущего, поскольку истинное зависит от бытия, а бытие различается для познаваемых вещей; ибо одни из них познаваемы наукой, другие — мнением. Ибо материю, как он скажет в дальнейшем, необходимо быть в движении. И если все сущее познаваемо, а сущее истинно, то знание о том, как обстоит дело с сущим, есть истина в каждом отдельном случае, но не по отношению к самим вещам (ибо истина не в вещах), но насколько знание о том, как обстоит дело с сущим, есть истина. Если же это так, то знание о том, как обстоит дело с наиболее сущим, есть наиболее истинное, если оно есть наука. Так что, поскольку истина следует за бытием, за наиболее сущим следовало бы наиболее истинное.

Глава VI. О вечных началах и их истинности (Книга А, Глава 1)

(А 1. 993 b)

Древнегреческий текст: "Διὸ --- ἀληθεστάτας."

Τοντέστι τὴν γνῶσιν αὐτῶν εἶναι ἀεὶ ἀληθεστάτην· εἰ γὰρ τὸ ὄν ἀληθές, τὸ ἀεὶ ὄν ἀληθὲς ἀεὶ. Τὸ δὴ τῷ ἀεὶ ἀληθῶς ἐστὶν ἀληθέστερον, ἀεὶ ἀληθέστατον ἂν εἴη. Τοιαῦτα δὲ τὰ αἷτια τῶν ὄντων ἀεὶ, οἷον κόσμοι ὧδε καὶ τῶν ἄστρον, ἢ τῶν τεσσάρων σωμάτων, ὧν κατ' εἶδος ἡ ἀϊδιότης, καὶ τῶν ἐπὶ τοῖς καθ' ἕκαστά τε καὶ ἐν γενέσει ἀϊδίων· ἢ γὰρ αὐτὰ ἀΐδια. Τὰ γὰρ τῶν τοιούτων αἷτια τῷ καὶ ἀεὶ εἶναι (εἰ δὴ τῶν ἀϊδίων οὐκ ἀΐδια τὰ αἷτια) ἀεὶ ἔσται ἀληθῆ· τῷ δὲ αἷτια εἶναι τῶν ἀϊδίων τε καὶ ἀεὶ ἀληθῶν μᾶλλον αὐτῶν ἀληθῆ ἔσται, ὥστε καὶ ἀληθέστατα. Κεῖται δὲ ὅτι τὸ τῷ εἶναί τισιν αἷτιον, τοῦτο καὶ τῷ ἀληθέσιν αὐτοῖς εἶναί ἐστιν αἷτιον, καὶ ὅτι ἀληθέστατον τοῦτο ὡς ἀεὶ ὄν, καὶ ὅτι μηδέν ἐστιν αἷτιον τοῦ εἶναι αὐτῷ, ἀλλ' αὐτὸ τοῖς ἄλλοις. Εἰπὼν δὲ "ὥστε καὶ ἀληθέστατον τὸ τοῖς ὑστέροις αἷτιον τοῦ ἀληθέσιν εἶναι," ἐπήνεγκε τὸ "καὶ τὰς τῶν ἀεὶ ὄντων ἀρχὰς ἀναγκαῖον ἀεὶ εἶναι ἀληθεστάτας," ὡς ὁμολογουμένου τοῦ ὅτι "τὸ τῷ εἶναί τισιν αἷτιον, τοῦτο καὶ τῷ ἀληθέσιν αὐτοῖς εἶναί ἐστιν αἷτιον." Τοῦτο οὕτως ἔχοντος, ἔπεται τὸ τὰς τῶν ἀεὶ ὄντων ἀρχὰς ἀληθεστάτας εἶναι· τὰ γὰρ τῶν ἀεὶ ὄντων ἀληθῶν

ἀληθέστερα καὶ ἀληθέστατα. Διὰ τούτων δὲ δεικνύουσιν ὡς
συνηρημένου τοῦ ἀληθοῦς τῷ ὄντι· διὸ καὶ ἐπιφέρει "ὡς
ἕκαστον ὡς ἔχει τοῦ εἶναι, οὕτω καὶ τῆς ἀληθείας," ἴσον
λέγων τῷ, ὡς γὰρ ἕκαστον ἔχει τε καὶ μετέχει τοῦ εἶναι, οὕτω
καὶ τῆς ἀληθείας. Εἰ δὲ ποτὲ ἀληθεῖς, τοῦτο δὲ οὐ διὰ τὸ
αἰδία εἶναι, ἀλλὰ κατὰ γε τοῦτο κοινωνεῖ αὐτοῖς καὶ τὰ ἄλλα
τὰ αἰδία. Τὸ δὲ "οὐδὲ ἐκείνων αἴτιον τοῦ εἶναι, ἀλλ' ἐκεῖνα
τοῖς ἄλλοις" δεικτικὸν τῆς ἐν τοῖς αἰδίοις αὐτῶν καὶ τὴν
ἀλήθειαν ὑπεροχῆς.

Русский перевод: «Поэтому... наиболее истинными». То
есть знание о них всегда есть наиболее истинное; ибо если
сущее истинно, то вечно сущее истинно всегда. То, что все-
гда истинно по-настоящему, есть более истинное, и всегда
было бы наиболее истинным. Таковы причины вечно сущего,
например, миров [космосов] здесь и звезд, или четырех тел,
вечность которых по виду, и для единичных и возникающих
вечных [вещей]; ибо либо они сами вечны. Ибо причины та-
ких вещей, поскольку они всегда существуют (если причины
вечного не вечны), всегда будут истинны; а поскольку они
суть причины вечного и всегда истинного, они будут истин-
нее их, так что и наиболее истинны. Установлено же, что то,
что для некоторых вещей есть причина бытия, это же есть
причина и их истинности, и что оно наиболее истинно как
всегда сущее, и что ничто не есть причина его бытия, но оно
есть причина для других. Сказав же «так что и наиболее ис-
тинно то, что для последующего есть причина быть истин-

ным», он прибавил «и начала всегда сущего необходимо всегда быть наиболее истинными», как на том основании, что «то, что для некоторых вещей есть причина бытия, это же есть причина и их истинности». Раз это так, следует, что начала всегда сущего суть наиболее истинные; ибо то, что для всегда истинных [вещей] есть причина, есть более истинное и наиболее истинное. Через это он показывает, что истинное связано с бытием; поэтому он и прибавляет: «как каждое обстоит в отношении бытия, так и в отношении истины», говоря равнозначно: как каждое обстоит и причастно бытию, так и истине. Если же они истинны когда-то, то это не потому, что они вечны, но в этом отношении и другие вечные вещи сообщаются с ними. А «не есть причина их бытия, но они — причина для других» указывает на превосходство их и в истине среди вечных.

(А 2. 994 а)

Древнегреческий текст: (2) "Ἀλλὰ --- δῆλον." Εἰπὼν τὴν θεωρητικὴν φιλοσοφίαν περὶ ἀληθείας ἐπιστήμην εἶναι, ἥτις διὰ τῆς τῶν αἰτίων γνώσεως γίνεται, εἰπὼν δὲ καὶ μάλιστα ἀληθῆ τὰ αἷτια εἶναι, καὶ διὰ τούτων συστήσας ἀναγκαίαν οὔσαν τῇ θεωρητικῇ φιλοσοφίᾳ τὴν τῶν αἰτίων γνῶσιν, ὅση τὰ ληθοῦς θεωρητικῇ, ἐπεὶ τὰ αἷτια τῷ εἶναι τοῖς αἰδίοις τῶν ὄντων μάλιστα ἐστὶν ἀληθῆ, ἀναγκαίως οὖν ἀκολούθως τοῖς προειρημένοις δείκνυσιν ὅτι ἔστι τινὰ αἷτια καὶ ἔστι τις ἀρχὴ ἐν αὐτοῖς, τουτέστι πρῶτον αἷτιον, καὶ οὐκ ἐπ' ἄπειρον ἢ πρόοδος τῶν αἰτίων· οὕτω γὰρ οὐκ

ἂν εἴη γνωστὰ τὰ αἷτια, ἀλλ' οὐδὲ εἴη τι τὴν ἀρχὴν αἷτιον, ὥς δείξει. Διὰ δὲ τοῦ δεικνύναι ὅτι οὐκ ἄπειρα τὰ αἷτια, δείκνυσι καὶ αὐτῷ τὸ ὄν ἔξει τὴν ἀρχὴν καὶ ὅτι γνωστά. Φησὶ δὲ μήτε κατ' εὐθυωρίαν τὰς ἀρχὰς καὶ αἰτίας ἀπείρους εἶναι δύνασθαι, μήτε κατ' εἶδος. Ἔστι δὲ κατ' εὐθυωρίαν ἄπειρα, ὅταν τις ἐπὶ τοῦ ληφθέντος αἰτίου καθ' ἕκαστον εἶδος αἰτίου προαναβεβηκὸς ἄλλο τι πάλιν αἷτιον λέγοι, ὥς εἶναι ἐπὶ μὲν τῆς ὑλικῆς αἰτίας ἀεί, τοῦδὲ τινος ὕλην ἄλλην τινὰ ὕλην ἐχούση, κακείνην πάλιν ἄλλην, καὶ τοῦτο ἐπ' ἄπειρον, μηδεμιᾶς οὔσης ἐσχάτης ὕλης, ἢ οὐκέτ' ἐξ ὕλης ἔσται· οἷον, ὥς αὐτὸς παρέθετο, εἰ εἴη τῆς σαρκὸς ὕλη γῆ, τῆς δὲ γῆς ἀήρ, τοῦ ἀέρος πῦρ, τοῦ δὲ πυρὸς ἄλλο τι, καὶ τοῦτο ἐπ' ἄπειρον. Ἡ ἐπὶ τῆς ποιητικῆς πάλιν αἰτίας, ἣν αὐτὸς εἶπεν "ὅθεν ἡ ἀρχὴ τῆς κινήσεως," ὁμοίως, ὥς τότε μὲν τοῦδὲ τινος ποιητικὸν ἢ κινητικὸν αἷτιον εἶναι, αὐτῷ δὲ τούτῳ πάλιν ἄλλο, κακείνου πάλιν ὁμοίως ἄλλα, καὶ τοῦτο ἐπ' ἄπειρον· οἷον αὐτὸς πάλιν δεικνὺς παρέθετο, εἰ εἴη τοῦ ἀνθρώπου κινητικὸν αἷτιον ὁ ἀήρ, τοῦ δὲ ἀέρος ὁ ἥλιος, τοῦ δὲ ἡλίου ὁ νεῖκος, ἢ τοῦ νείκους αὖ πάλιν ἄλλο τι, καὶ τοῦτο ἐπ' ἄπειρον. Ὁμοίως δὲ ὁ λόγος καὶ ἐπὶ τῆς τοῦ τέλους ἢ τοῦ οὗ ἔνεκα αἰτίας, ὥς εἶναι τῶν τελῶν τῶν λαμβανομένων ἕκαστον ἄλλου χάριν γιγνόμενον ἢ ἐπὶ ἄλλο τι τέλος ἀναφερόμενον, ὥς μὴ εἶναί τι ἔσχατον, ὃ χάριν τὰ ἄλλα, αὐτὸ δὲ μηδενός. Ὁμοίως καὶ ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ αἰτίου ἢ ὥς αὐτὸς λέγει τοῦ τί ἦν εἶναι, εἰ πάλιν τῶν ἐκάστου τῶν λαμβανομένων εἰδῶν ἄλλο τι εἶδος εἴη, οἷον ζώου μὲν εἶδος

ψυχῇ, ψυχῆς δὲ ἄλλο τι, φέρε εἰπεῖν οἷον νοῦς, νῶ δὲ πάλιν ἄλλο τι, ταύτῃ μὲν οὖν καὶ ἡ κατ' εὐθυωρίαν τῶν αἰτίων ἀπειρία, ἡ δὲ κατ' εἶδος, εἰ μὴ τέτταρα εἴη εἶδη τῶν αἰτίων, ὥς αὐτὸς ἔδειξεν, ἢ τις ἄλλος ἀριθμὸς ὠρισμένος, ἀλλ' εἴη ἀπειρα, ὥς φέρε εἰπεῖν οἱ ὑποτιθέμενοι ἐν ταῖς ἀρχαῖς ἀπείρους σχημάτων διαφοράς. Ὅτι δὲ κατ' οὐδέτερον τῶν τρόπων τούτων οἷόν τε ἀπειρα

a 2. 994 a. εἶναι αἷτια, δείκνυσι, καὶ πρῶτόν γε ὅτι ἀδύνατόν ἐστιν εἶναι κατ' εὐθυωρίαν ἀπειρα τὰ αἷτια παραστῆσαι.

Русский перевод: (2) «Но... ясно». Сказав, что теоретическая философия есть знание об истине, которое достигается через познание причин, и сказав также, что причины суть наиболее истинные, и через это показав, что для теоретической философии необходимо знание причин, поскольку она есть созерцание истинного, а причины в силу бытия наиболее истинны среди вечных сущих, то, следовательно, сообразно с ранее сказанным, он показывает, что существуют некоторые причины и есть некое начало среди них, то есть первая причина, и что не в бесконечность простирается ряд причин. Ибо так причины не были бы познаваемы, и вообще ничто не было бы причиной, как он покажет. А показывая, что причины не бесконечны, он показывает, что и само сущее будет иметь начало и что оно познаваемо. Он говорит, что начала и причины не могут быть бесконечными ни по прямой линии, ни по виду. Бесконечны по прямой линии то-

гда, когда для взятой причины в каждом виде причин указывается другая, предшествующая ей причина, так что для материальной причины всегда одна материя имеет другую материю, та — другую, и так до бесконечности, пока не будет последней материи, или она не будет уже из материи. Например, как он сам привел: если бы материей плоти была земля, земли — воздух, воздуха — огонь, огня — нечто иное, и так до бесконечности. Или для производящей причины, которую он назвал «откуда начало движения», подобным образом: как это есть производящая или движущая причина для того, а для этого опять другая, и для той подобным образом другая, и так до бесконечности. Например, он снова привел в пример: если бы движущей причиной человека был воздух, воздуха — солнце, солнца — вражда, или вражды опять нечто иное, и так до бесконечности. Подобное рассуждение и о причине цели или того, ради чего, так что каждое из взятых целей существует ради другого или относится к другой цели, так что нет последнего, ради чего другие, а само ни для чего. Так же и о причине формы или, как он говорит, сути бытия, если для каждого из взятых видов есть другой вид, например, для животного вид — душа, для души — нечто иное, скажем, ум, для ума опять нечто иное; такова, следовательно, и бесконечность причин по прямой линии. А бесконечность по виду — если бы не было четырех видов причин, как он показал, или какого-либо иного определенного числа, но они были бы бесконечны, как, например, те, кто

полагает в началах бесконечные различия фигур. Что же ни одним из этих способов не может быть бесконечных причин, он показывает, и сперва то, что невозможно, чтобы причины были бесконечны по прямой линии.

Глава VII. Доказательство невозможности бесконечного ряда причин (Книга А, Глава 2)

(А 2. 994 а)

Древнегреческий текст: "Τῶν --- μέσων." "Ὅτι μὴ οἶόν τε εἰς εὐθυωρίαν εἶναι ἄπειρόν τι εἶδος αἰτίων, καθολικῶς δείξει χρώμενος τοιαύτη παραστάσει. Ἐν οἷς ἔστι μέσα τινά, ὥστε εἶναί τι πρῶτον καὶ εἶναί τι ἔσχατον ἢ τούτων μεταξύ τινα, ἀνάγκη τούτων τὸ πρῶτον αἷτιον εἶναι τῶν μέσων τε καὶ μετ' αὐτὸ ὄντων, εἰ δηλονότι οὕτως ἔχει πρὸς ἄλληλα ταῦτα, ὡς τὸ μὲν αὐτῶν αἷτιον εἶναι, τὸ δὲ αἰτιατόν. Καὶ διὰ μὲν τοῦτο, δείκνυσιν ἐπὶ τριῶν ποιησάμενος τὸν λόγον. Πρῶτον δὲ ἢ ἔσχατον οὐ τῷ χρόνῳ λαμβάνει, ἀλλὰ τὴν κατ' εἶδος διαφορὰν δεικνὺς τῶν αἰτίων. Τῶν γὰρ ὁμοειδῶν οὐδὲν μᾶλλον ἄλλο ἄλλου κατὰ τὴν οἰκείαν φύσιν πρῶτόν ἐστιν. Εἰ γοῦν τρία οὕτως ἔχοντα πρὸς ἄλληλα ληφθεῖη, καὶ τινα δέοι τι τούτων αἷτιόν τε τῶν ἄλλων ἀποδοῦναι, τὸ πρῶτον ἂν εἴποιμεν. Ὅτε γὰρ τὸ ἔσχατον οὐδενὸς τούτων αἷτιον, μηδέν γε ἔχον μετ' αὐτό. Ἀλλ' οὐδὲ τὸ μέσον· τῷ γὰρ μετ' αὐτὸ τοῦτο αἷτιον, εἴπερ ἄρα, εἶναι δύναται μόνον· ἦν δὲ ζητούμενον τί τῶν εἰλημμένων τῶν ἄλλων ἐστὶν αἷτιον, ἐπεὶ ὡς τὸ μέσον πρὸς τὸ μετ' αὐτὸ ἔχει, οὕτω τὸ πρῶτον πρὸς τὸ μέσον· ὥστε τοῦτο οὐκ αἷτιον τοῦ μετ' αὐτὸ, τῷ ἄλλο

τι πρὸ αὐτοῦ αἴτιον ἔχειν· μὴ ὄντος γὰρ ἐκείνου οὐκ ἂν τὸ δεύτερον ἦν, μὴ ὄντος δὲ οὐκ ἂν αἴτιον ἦν τὸ τρίτον. Δῆλον ἄρα ὡς αἴτιον τὸ πρῶτον τῶν μετ' αὐτό, ποιησάμενος δὲ τὸν λόγον ἐπὶ τριῶν, οὐδέν φησι διαφέρειν, ὡς πρὸς τὴν δεῖξιν, ἢ ἐν μέσον λαβεῖν ἢ πλείω ἢ ἄπειρα· ὁ γὰρ αὐτὸς λόγος ἐπὶ πάντων· ἐν πᾶσι γάρ, ὅσα ἂν ληφθῇ, τὸ πρῶτον αὐτῶν ἐστὶν αἴτιον κυρίως, ἀλλ' οὐ τὸ μέσον οὐδὲ τὸ ἔσχατον, τὸ μὲν ἔσχατον, ὅτι μὴδὲ τὴν ἀρχὴν τοῦτό τινος αἴτιον· οὐδὲ τῶν μεταξὺ δέ τι, ὅτι ἄλλου τοῦτο πρὸς ὃ εἶναι δεῖται, τῷ πρὸ αὐτοῦ· ἐκείνου γὰρ μὴ ὄντος οὐδ' ἂν ἦν. Δείξας δὲ τοῦτο, καὶ λαβὼν τὸ εἶναι τὸ πρῶτον ἐν ἅπασιν αἴτιον τῶν μετ' αὐτό, μέτεισιν ἐπὶ τὸ κατ' εὐθυωρίαν λεγόμενον ἄπειρον, ὃ

a 2. 994 a. Εὐρών ὅτι ἐν τῷ οὕτως ἀπείρῳ οὐδέν ἐστι πρῶτον, λαμβάνει τὸ ἀκόλουθον τούτῳ, ὅτι μὴδὲ αἴτιον· εἰ γὰρ ἐν πᾶσιν αἴτιον τὸ πρῶτον, ἀλλ' οὐχὶ τῶν μέσων τι, ἐφ' ὧν καὶ τοιαύτη τάξις, ἐν οἷς μὴδέν ἐστι πρῶτον ἀλλὰ μέσα πάντα, ἐν τούτοις οὐδὲ αἰτίον τί ἐστιν, οὐ μόνον τὸ πρῶτον, ἀλλ' οὐδὲ τῶν μεταξὺ τι. Τὸ δὲ "τοῦτον ἐν τρόπον" προσκείμενον τοῖς αἰτίοις τῷ κατ' ἐνέργειαν ἀπείρῳ δηλωτικόν ἐστιν· ἐν γὰρ τοῖς οὕτως ἀπείροις οὐδέν ἐστι πρῶτον, ὡς ἐπὶ τῶν ἀνομοειδῶν· τῶν ἀπείρων γὰρ ὁμοειδῶν δὲ πάλιν τὸ ληφθὲν ὁμοίως αἴτιον. Τὸ δὲ "μέχρι τοῦ νῦν" εἶπεν ἀντὶ τοῦ μέχρι τοῦ ἐσχάτου, ἀφ' οὗ ἡμῖν ἡ ἀρχὴ τῆς τῶν αἰτίων ζητήσεως. Ὁ δ' ἂν ἐν οἷς καὶ ἔστι πρότερόν τι ἢ δεύτερον λαβεῖν ἐν τῇ τάξει, ἐν τούτοις τὸ ἄλλο ἄλλου φῆσαι αἴτιον εἶναι ἴσως ἀληθές, εἰ καὶ μὴ ἀπλῶς αἴτιον· τὸ γὰρ

πρότερον τοῦ μετ' αὐτό. Ἐν οἷς δὲ μηδέν ἐστι τῶν μέσων ἄλλο ἄλλου πρότερον ἐν τῇ τοιαύτῃ τάξει τοῦ αἰτίου, ἐν δὲ τοῖς ἀπείροις οὐκ ἔστιν ἄλλου πρότερον· πάντα γὰρ ὁμοίως ἐστὶ μέσα, ὥς καὶ αὐτὸς εἶπεν. Εἰ γὰρ πρότερά ἐστι τὰ τῆς ἀρχῆς καὶ τῷ πρώτῳ ἐγγυτέρω, ἐν οἷς μηδέν ἐστιν ἀρχὴ μηδὲ πρῶτον, ἐν τούτοις οὐδὲ ἐγγυτέρω τί ἐστι τῆς ἀρχῆς ἢ πορρωτέρω· διὸ οὐδὲ τάξιν τὸ ἔχειν ἔτι τὰ μέσα· εἰ δὲ μὴ τοῦτο, οὐδὲ πρότερόν τι αὐτῶν ἔσται, οὐδὲ θάτερον θατέρω αἴτιον.

Русский перевод: «Из... средних». Что невозможно, чтобы в прямой линии был бесконечным какой-либо вид причин, он покажет обще, используя такое соображение. В тех случаях, где есть некие средние, так что есть нечто первое и нечто последнее или нечто между ними, необходимо, чтобы первое из них было причиной средних и того, что после него, если, конечно, они так относятся друг к другу, что одно из них есть причина, а другое — следствие. И через это он показывает, сделав рассуждение на трех [примерах]. Первое же или последнее он берет не по времени, но показывая различие причин по виду. Ибо среди однородных ничто не является по своей природе более первым, чем другое. Итак, если бы были взяты три [вещи], так относящиеся друг к другу, и нужно было бы указать, какая из них есть причина для других, мы бы сказали — первая. Ибо последнее не есть причина ни для чего из них, не имея ничего после себя. Но и среднее не есть причина; ибо оно может быть причиной толь-

ко для того, что после него; искали же, что из взятых вещей есть причина для других, поскольку как среднее относится к последующему, так первое к среднему; так что это не есть причина последующего, потому что имеет другую причину перед собой; ибо если бы ее не было, не было бы и второго, а если бы его не было, не было бы и третьего. Итак, ясно, что первое есть причина последующего. Сделав же рассуждение на трех [примерах], он говорит, что для доказательства не имеет значения, взять ли одно среднее или много или бесконечно; ибо то же рассуждение для всех. Во всех же, сколько бы ни было взято, первое из них есть причина в собственном смысле, но не среднее и не последнее: последнее — потому что оно вообще не есть причина чего-либо; ни одно из средних — потому что оно нуждается в другом, перед ним, для того, чтобы быть причиной; ибо если бы того не было, не было бы и этого. Показав это и приняв, что первое во всем есть причина для последующего, он переходит к бесконечному по прямой линии, и, найдя, что в таком бесконечном нет ничего первого, он принимает вытекающее из этого, что нет и причины. Ибо если во всем причина есть первое, а не какое-либо из средних, там же, где есть такой порядок, в котором нет ничего первого, но все средние, в них нет никакой причины, не только первой, но и ни одного из средних. А «таким образом» прибавлено к причинам в отношении бесконечного в действительности; ибо в таких бесконечностях нет ничего первого, как в случае разнородных; ибо в беско-

нечных, но однородных, взятое подобным образом есть причина. А «до сих пор» он сказал вместо «до последнего», от которого для нас начинается исследование причин. А в чем есть нечто первое или второе в порядке, в том сказать, что одно есть причина другого, возможно, истинно, если даже не просто причина; ибо первое есть причина последующего. В чем же ни одно из средних не есть первое другого в таком порядке причины, в бесконечном же нет первое другого; ибо все подобным образом суть средние, как он сам сказал. Ибо если первые суть те, что ближе к началу и к первому, то в том, где нет ни начала, ни первого, нет ничего ни ближе к началу, ни дальше; поэтому средние уже не имеют порядка; если же нет порядка, то ни одно из них не будет ни первое, ни причиной для другого.

Глава VIII. Доказательство невозможности бесконечного ряда причин (продолжение) (Книга А, Глава 2)

(A 2. 994 a – b)

Древнегреческий текст: "Ἀλλὰ --- ἀρχήν." Δείξας ὅτι οὐκ ἔστιν εἰς ἄπειρον τῶν αἰτίων κατ' εὐθυωρίαν ἐπὶ τὸ ἄνω ἢ πρόοδος, ἀλλ' ἀνάγκη, εἰ ἔστι τι αἷτιον ὅλως, εἶναί τι πρῶτον ἀρχήν, νῦν πάλιν δείκνυσιν ὅτι οὐδὲ ἐπὶ τὸ κάτω οἷόν τε κατ' εὐθυωρίαν ἄπειρον ἶέναι τὰ αἷτια, οὔσης ἀρχῆς τῶν αἰτίων ἢ πρώτου τινὸς δεῖ εἶναι πᾶν τὸ αἷτιατὸν ἄλλου πάλιν αὐτοῦ αἷτιον διαφέροντος κατ' εἶδος ἥδη γεγονότων. Εἰ δ' οὕτως γένοιτο ὥστε ταῦτὸν πάλιν τι γενέσθαι τῶν γεγονότων, ἀνακάμπτει ἂν καὶ οὐκ ἐπ' ἄπειρον κατ' εὐθυωρίαν τὰ αἷτια προῖοι· τῶν γὰρ αὐτῶν κατ' εἶδος τὰ αὐτὰ αἷτια τῷ εἶδει. Ὁ δὲ ἐδήλωσε διὰ τοῦ ἐπὶ τῆς ὕλης παραδείγματος, εἰπὼν "ὥστε ἐξ ὕδατος γῆν, ἐκ δὲ τούτου γῆν, καὶ οὕτως ἀεὶ ἄλλο τι γίνεσθαι, γένος," ἀντὶ τοῦ εἶδος. Ἐχει δ' οὖν ἡ λέξις δι' ὧν τὸ προκείμενον δείκνυσιν, ὃ δ' ἦν λεγόμενον δι' αὐτῆς ὡς συνελόντα εἰπεῖν τοιοῦτόν ἐστιν. Διχῶς λέγεται τὸ γίνεσθαι ἢ τὸ γεγονέναι τόδε ἐκ τοῦδε· ἢ μὲν ὡς ἐκ τοῦ γιγνομένου ἥδη

ἢ ἐπιτελουμένου τὸ γεγονός, ὡς τὸ τετελεσμένον ἐκ τῶν εἰς τοῦτο προϊόντων τελειότητα τὴν ἐν αὐτοῖς μεταβολήν· οὕτως γὰρ ἐκ παιδὸς ἀνὴρ γίνεται, καὶ ἐστὶν αὕτη μὲν ἡ γένεσις κατ' αὔξησιν, ἀλλὰ ἢ ἐκ τοῦ μανθάνοντος ὁ ἐπιστήμων αὕτη κατ' ἀλλοίωσιν· ἢ ἐκ τοῦ μὴ νοοῦντος ὁ νοῶν, κατ' εἶδος ἢ μεταβολή· τελειότης γάρ. Τοιαύτη καὶ ἡ ἐκ τοῦ πρῶτ' εἰς τὴν ἡμέραν μεταβολή· τελειοῖ γὰρ ὁ ὄρθρος προϊόν ἐπὶ τὴν ἡμέραν, ὡς τὸ προϊόν λαμβάνει. Τὴν μὲν οὖν τοιαύτην γένεσιν ἐκ τοῦ γιγνομένου γίνεσθαι φησιν ἐξ ἤδη γεγονότος ἢ ὄντος τινὸς εἰς τὸ τέλειον πρόοδον. Ἡ δέ τις

a 2. 994 a. Γένεσίς ἐστιν ἐκ τοῦ μηδέπω ὄντος εἰς τὸ εἶναι τόδε τι μεταβολή, ὡς λέγεται γίνεσθαι ἐξ ὕδατος ἀήρ, ἣν λέγει πάλιν ἐκ τῆς γενέσεως, ὅτι τὸ οὕτως γιγνόμενον οὔτε γεγονός ἢ προϋπάρχον τε καὶ γιγνόμενον γίνεται καὶ τελειοῦται, ἀλλ' ἔστω ἐξ αὐτῆς τῆς γενέσεως γιγνόμενον, οὐκ ὄν πρὸ τούτου. Οὐ γὰρ ἐκ τοῦ μηδ' ὅλως εἶναι εἰς τὸ εἶναι μεταβολή ἢ κυρίως γένεσις, ἥτις γίνεται ἐκ τῆς τοῦ προϋπάρχοντος φθορᾶς· γίνεται γὰρ ὁ ἀήρ ἐκ τοῦ ὕδατος, οὐ τοῦ ὕδατος γιγνομένου ἀέρος, ἀλλ' ἐκ φθορᾶς ὕδατος ἢ μεταβολῆς τοιαύτης. Εἰς δύο τούτους τοὺς τρόπους εὐρῶν διηρημένον τὸ ἔκ τινος εἷς τι μεταβάλλον ἢ γιγνόμενον, ὡς ἐξ αἰτίου τινὸς ἢ ὑποκειμένου --- παρητήσατο δὲ τὸ σημαινόμενον ἢ αὐτὸ δυνάμενον ἐκ τῆς λέξεως τῆς ἐκ τοῦδε γίνεσθαι λεγούσης· ἔστι δὲ τοῦτο τὸ τόδε μὴ τόδε· λέγεται γὰρ ἐξ Ἰσθμίων Ὀλύμπια ἢ ἀνάπαλιν, ὅτι γίνεται οὐκ Ἰσθμια Ὀλύμπια ἢ οὐκ Ὀλύμπια Ἰσθμια· οὐχ ὡς ἐξ αἰτίου

γιγνομένου τῷ ἑτέρῳ λέγεται ἐπὶ τῶν οὕτω γιγνομένων ἐκ τοῦδε τάδε γίνεσθαι· διὸ τὸ σημαινόμενον παρητήσατο τοῦτο· περὶ γὰρ αἰτίων καὶ τῶν ἐξ αἰτίων γινομένων ὁ λόγος ἐστὶν αὐτῷ, ταῦτα δὲ μόνον χρόνου τάξιν τινὰ σημαίνει· οὐ γὰρ θάτερον αὐτῶν εἰς θάτερον μεταβάλλει ἢ συντελεῖ τι. Λαβὼν δὴ τοὺς δύο τρόπους τοὺς προρρηθέντας, καθ' ὅς κατὰ μεταβολὴν τινος ὑποκειμένου τότε τι γίγνεται, δείκνυσι ὅτι μηδέτερον αὐτῶν ἐπ' ἄπειρον δυναμένην γενέσθαι τὴν πρόοδον. Τὰ μὲν οὖν κατὰ φθορὰν τινὸς ἐξ αὐτοῦ λεγόμενα γίνεσθαι ἐκ τῆς γενέσεως γίνεσθαι λέγει, οὐκ ἐκ τοῦ γενομένου ἤδη ἢ ὄντος, ἃ δὴ ἀνακάμπει εἰς ἄλληλα· ὥς γὰρ ἐξ ὕδατος ἀήρ, οὕτω καὶ ἐξ ἀέρος ὕδωρ γίγνεται, καὶ τοῦτο ἐναργές· διὸ καὶ ταύτη αὐτοῖς τὸ ὑποκείμενόν τε καὶ ἡ ὕλη. Τὰ δὲ ἀνακάμπτοντα δῆλον ὅτι οὐκ ἐπ' ἄπειρον πρόεισιν· ἐπὶ γὰρ ταῦτόν αὐτοῖς ἐπάνοδος. Τὰ δ' ἐκ τοῦ γεγονότος ἤδη ἢ ὑπομένοντος αὐτοῦ καὶ γιγνομένου μεταβάλλοντα, εἴτε κατ' αὕξῃσιν εἴτε κατ' ἀλλοίωσιν εἴτε τὴν κατ' εἶδος τελειότητα, οὐκ ἀνακάμπει δὴ εἰς ἄλληλα, ἀλλ' ἐπὶ τὸ τελειωθῆναι ἢ πρόοδος αὐτοῖς ἀπὸ τῶν μεταξύ. Τῶν μὲν οὖν οὕτως γιγνομένων ὥς τῶν μεταξύ ὑπομενονόντων καὶ τελειουμένων ὁρῶμεν ὅτι πάντων τέλος τι ἔστιν ὃ γίγνεται, καὶ οὐκ ἔστιν εἰς ἄπειρον ἢ εἰς τὴν τελειότητα τὴν οἰκείαν γιγνομένη πρόοδος αὐτῶν ἐκάστου. Τῶν δὲ κατὰ φθορὰν γιγνομένων θατέρου ὁρῶμεν ἀνακάμπουσιν τὴν γένεσιν· ἢ γὰρ τοῦ ἑτέρου φθορὰ

a 2. 994 a. θατέρα γένεσίς ἐστιν. Εἰ δὲ ἀνακάμπει, οὐκ ἐπ'

ἄπειρον πρόεισι κατ' εὐθυωρίαν ἐπὶ τὸ κάτω τὰ οὕτως αἷτια. Εἰ δὲ μήτε ἐπὶ τῶν οὕτως γιγνομένων μήτε ἐπὶ τῶν ἐκείνως ἐπ' ἄπειρον γίγνεται ἄλλο ἄλλου αἷτιον κατ' εὐθυωρίαν, οὕτως δ' οὕτως ἄλλο ἐξ ἄλλου γίγνεται, οὐδ' ὅλως ἂν εἴη ἐπ' ἄπειρον κατ' εὐθυωρίαν ἄλλο ἐξ ἄλλου γιγνόμενον.

Русский перевод: «Но... начало». Показав, что не может быть бесконечного восхождения по прямой линии в ряду причин, но необходимо, если вообще есть какая-то причина, чтобы было нечто первое — начало, теперь он снова показывает, что и нисхождение по прямой линии не может быть бесконечным, ибо если есть начало причин или нечто первое, то необходимо, чтобы все причинное было опять причиной другого, отличающегося по виду, раз уже существуют [причины]. Если же так случится, что опять станет тем же самым нечто из уже возникшего, то [ряд] возвращался бы назад и не уходил бы в бесконечность по прямой линии; ибо для одного и того же по виду [причины] те же самые причины по виду. Это он показал на примере материи, сказав: «так что из воды — земля, а из этого — земля, и так всегда нечто другое возникает — род», вместо «вид». Итак, выражение, с помощью которого он показывает предложенное, а что было сказано через него, если кратко сказать, таково. Двояко говорится о возникновении или о том, что нечто стало из чего-то: либо как из уже возникающего или завершающегося — возникшее, как завершённое из того, что к этому продвигается к завершённости — изменению в них; ибо так из

ребенка становится муж, и это возникновение по возрастанью, а из изучающего — знающий — это по изменению [качества]; или из непонимающего — понимающий — изменение по виду; ибо это завершенность. Таково и изменение из утра в день; ибо утро, продвигаясь к дню, завершает [день], так что берется как предшествующее. Такого рода возникновение он говорит происходит из уже возникшего или существующего чего-то в продвижении к завершенному. А другое возникновение есть изменение из еще не сущего в бытие чем-то, как говорится, что из воды возникает воздух; это он снова называет возникновением из самого возникновения, так что возникающее таким образом не есть уже возникшее или предсуществующее и возникающее, которое становится и завершается, но пусть будет возникающим из самого возникновения, не будучи прежде этого. Ибо не из совершенно не-сущего в бытие есть изменение — собственно возникновение, которое происходит из гибели предсуществующего; ибо воздух возникает из воды, не из воды, становящейся воздухом, но из гибели воды или такого изменения. Найдя, что «из чего-то во что-то» изменяющееся или возникающее делится на эти два способа — как из какой-то причины или из субстрата, — он оставил в стороне значение, которое само может следовать из выражения «возникать из того-то»; а это — «то-то не то-то»; ибо говорится «из Истмийских [игр] — Олимпийские» или наоборот, что возникают не Истмийские — Олимпийские или не Олимпийские — Истмийские;

не как из причины, возникающей для другого, говорится о таком возникновении из того-то того-то; поэтому он оставил это значение; ибо речь у него о причинах и о том, что происходит из причин, а это означает только некоторый порядок времени; ибо одно из них не переходит в другое и не содействует чему-то. Взяв же два упомянутых способа, согласно которым через изменение некоторого субстрата возникает нечто, он показывает, что ни в одном из них продвижение не может быть бесконечным. Итак, то, что, как говорится, возникает через гибель чего-то из него самого, он называет возникновением из возникновения, а не из уже возникшего или существующего; и это [возникающее] возвращается друг в друга; ибо как из воды — воздух, так и из воздуха — вода возникает, и это очевидно; поэтому и здесь для них [общим является] субстрат и материя. А возвращающееся, очевидно, не продвигается в бесконечность; ибо для них есть возврат к тому же самому. А изменяющееся из уже возникшего или из пребывающего и возникающего, будь то по возрастанию, или по изменению [качества], или по завершенности по виду, не возвращается друг в друга, но продвижение от средних к завершению [для них]. Итак, для возникающих таким образом, как средние, пребывающие и завершающиеся, мы видим, что для всех есть некоторый предел, который возникает, и нет бесконечного продвижения к свойственной каждому завершенности. Для возникающих же через гибель одного мы видим возвращающееся возникновение; ибо гибель

одного есть возникновение другого. Если же оно возвращается, то не бесконечно продвигается по прямой линии вниз такого рода причина. Если же ни для возникающих так, ни для возникающих иначе не происходит бесконечно, чтобы одно было причиной другого по прямой линии, и так и иначе одно возникает из другого, то вообще не могло бы быть бесконечного по прямой линии возникновения одного из другого.

(А 2. 994 а)

Древнегреческий текст: "Ὡς --- φαμέν." Δηλώσας τὸ διπλὸν τοῦ ἕκ τινος εἰς τι μεταβάλλειν λεγόμενον διὰ παραδειγμάτων, ἐκάτερον λαβὼν τῶν παραδειγμάτων, πῶς μὲν δείκνυσι, καὶ τίς αὐτῶν ἢ πρὸς ἄλληλα διαφορά. Τὰ μὲν δὴ οὕτως λεγόμενα γίνεσθαι, ὡς ἕκ παιδὸς ἀνὴρ καὶ ἕκ τοῦ μανθάνοντος ὁ ἐπιστήμων, ἴδιον ἔχει τὸ ἕκ τοῦ γιγνομένου τε καὶ ὄντος ἤδη ἢ τελειομένου καὶ μεταξὺ ὄντος μεταβεβληκέναι εἰς τὸ γεγονὸς ἢ τέλειον· ὃ τε γὰρ ἀνὴρ ἕκ παιδὸς γέγονεν, ὄντος ἤδη καὶ ὑπομένοντος τοῦ ἔξ οὗ γίγνεται, καὶ αὐτοῦ γιγνομένου καὶ μεταβάλλοντος εἰς τὸ τέλειον εἶδος τοῦ ἀνδρὸς ἕκ τοῦ ἀτελεστέρου. Ὅμοίως δὲ καὶ ὁ μαθητὴς ἕκ τοῦ μανθάνοντος, μεταβάλλοντος εἰς τελειότητα. Ὅμοίως δὲ καὶ ὁ νοῶν· γένεσις γὰρ ἢ κατὰ τὴν τελειότητα καὶ ἢ εἰς τὸ νοεῖν μεταβολή. Εἴη ἂν οὕτως τὸ γιγνόμενον εἰδὸς τε καὶ τελειότης τοῦ νοοῦντος, τοῦ νοῦ· πάντα τὰ οὕτως ἕκ τινος γιγνόμενα ὑπομένοντος, τοῦ ἔξ οὗ γίνεται σωζομένου καὶ εἰς τελειότητα μεταβάλλοντος

γίνεται. Εἰπὼν δὲ "ὥς ἐκ τοῦ γιγνομένου τὸ γεγονός," προσέθηκε τὸ "ἢ τοῦ ἐπιτελουμένου τὸ τετελεσμένον," οὐχ ὡς ἄλλο τι σημαινόμενον, ἀλλ' ὅτι τὸ αὐτὸ ἀμφοτέρως εἰπεῖν ἔστιν. Τὸ γὰρ οὕτως γεγονός ἐκ γιγνομένου καὶ ὄντος ἤδη γέγονε, καὶ ἐκ τοῦ ἐπιτελουμένου τετελείωται· τὸ γὰρ γιγνόμενον τὸ ἐπιτελούμενόν ἐστιν. Εἰπὼν δὲ οὕτω γίνεσθαι τὰ τοιαῦτα ὡς ἐκ γιγνομένου, δείκνυσιν ὅτι ἔστι τὸ γιγνόμενον μεταξὺ τοῦ τε ὄντος καὶ τοῦ μὴ ὄντος. Ὡς γὰρ τοῦ εἶναι καὶ τοῦ μὴ εἶναι μεταξὺ γένεσίς ἐστιν, ὅσα ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι μεταβολή, ἣτις ὅτε μὴ ὄν ἐστιν, ὅτε ὄν ἤδη (διὰ γὰρ γενέσεως τὸ μὴ εἶναι τι εἰς τὸ εἶναι μεταβολή), οὕτως ἀναλόγως ἔχει καὶ τὸ γιγνόμενον, ὃ ἐστιν ἡ γένεσις, πρὸς τε τὸ ἀπλῶς ὄν καὶ τὸ ἀπλῶς μὴ ὄν, μεταξὺ τούτων. Ἡ δεικνύοι δ' ἂν τοῦτο διὰ τὸ δοκεῖν πᾶν τὸ γινόμενον διὰ τινος μεταξὺ γίνεσθαι, καὶ ἔκ τινος μεταξὺ. Ὡς γὰρ ἐκ τῆς γενέσεως μεταξὺ οὔσης τοῦ εἶναι καὶ τοῦ μὴ εἶναι γίνεσθαι τὰ οὕτως γιγνόμενα, οὕτω καὶ τὸ ἐκ τοῦ γιγνομένου γιγνόμενον ἐκ μεταξὺ τινος καὶ αὐτῷ γίνεσθαι· μεταξὺ γὰρ τὸ γιγνόμενον

a 2. 994 a. τοῦ τε ὄντος καὶ τοῦ μὴ ὄντος. Πῇ μὲν γὰρ ὄν τὸ γιγνόμενον ἤδη, πῇ δὲ μὴ ὄν, ὅτε δὲ ἀπλῶς ὄν, ὅτι μὴ τέλειον (τὸ γὰρ ἐν τέλειόν τι ἤδη), ὅτε ἀπλῶς μὴ ὄν, διὸ οὐδὲ μεταξὺ τι τῆς ἀντιφάσεως· τὸ γὰρ σὴ ὄν καὶ αὐτὸ ὄν. Πῶς δὲ τὰ οὕτως ἔκ τινος γιγνόμενα ἐκ τοῦ γιγνομένου ἐπιτελεῖται, ἐπεδήλωσε παραθέμενος τὸν μανθάνοντα. Ὁ γὰρ μανθάνων ἐστὶν ὁ γιγνόμενος ἐπιστήμων, ὃς ἐκ τοῦ μανθάνοντος οὕτως

γίνεται, ὅτι ὁ μανθάνων γίνεται ὑπομένων καὶ πρόεισιν ἐπὶ τὸ ἐπίστασθαι, ἥτις ἐστὶ τελειότης τοῦ μανθάνοντος· οὐ γὰρ ἀπλῶς ὁ μανθάνων γίνεται, ἀλλ' ἐπιστήμων. Καὶ αὐτὸ τὸ μανθάνειν μεταξύ ἐστὶ τοῦ ἐπίστασθαι, ὃ κυρίως ὄν, καὶ τῆς τελείας ἀμαθίας, ὃ εἶη ἂν ἀπλῶς μὴ ὄν. Τὰ δὲ τοῦτον τὸν τρόπον ἔκ τινος γιγνόμενα ἐκ τοῦ μεταξύ τοῦ τε ὄντος ἤδη καὶ τοῦ μὴ ὄντος γίνεται.

Русский перевод: «Как... мы говорим». Объяснив двойственность того, что называется изменением из чего-то во что-то, на примерах, и взяв каждый из примеров, он показывает, каков каждый из них и в чем их различие друг от друга. Итак, те [вещи], которые, как говорится, возникают так, как из ребенка — муж и из изучающего — знающий, имеют особенность — происходить из возникающего и уже существующего или завершающегося и находящегося в середине, изменяясь в возникшее или заверщенное. Ибо муж произошел из ребенка, когда уже существовало и пребывало то, из чего он возникает, и само оно возникало и изменялось в заверщенный вид мужа из менее заверщенного. Подобным образом и знающий [происходит] из изучающего, изменяющегося в заверщенность. Подобным образом и понимающий; ибо возникновение по заверщенности и изменение в понимание есть возникновение. Таким образом, возникающее было бы видом и завершенностью понимающего, ума. Все так возникающее из чего-то происходит при пребывании того, из чего оно возникает, сохраняющегося и изменяющегося в за-

вершенность. Сказав же «как из возникающего — возникшее», он прибавил «или из завершающегося — завершённое», не как означающее нечто иное, но что одно и то же можно сказать обоими способами. Ибо так возникшее произошло из возникающего и уже существующего, и завершилось из завершающегося; ибо возникающее и есть завершающееся. Сказав же, что такие вещи возникают так, как из возникающего, он показывает, что возникающее есть нечто среднее между сущим и не-сущим. Ибо как между бытием и не-бытием есть возникновение — все, что есть изменение из не-сущего в бытие, которое когда есть не-сущее, когда уже сущее (ибо через возникновение есть изменение из не-бытия чего-то в бытие), так подобным образом относится и возникающее, которое есть возникновение, и к просто сущему, и к просто не-сущему, находясь между ними. Или это показывает, что все возникающее, как кажется, происходит через нечто среднее и из нечто среднего. Ибо как из возникновения, находящегося между бытием и не-бытием, возникают так возникающие вещи, так и возникающее из возникающего происходит из некоторого среднего и для себя; ибо возникающее есть среднее между сущим и не-сущим. В одном отношении возникающее уже есть сущее, в другом — не-сущее, когда оно просто сущее, поскольку не завершено (ибо находящееся в завершении уже есть нечто), когда просто не-сущее, поэтому оно не есть нечто среднее в противоречии; ибо и не-сущее есть нечто. Как же так возникающие из че-

го-то завершаются из возникающего, он показал на примере изучающего. Ибо изучающий есть тот, кто становится знающим, и он так возникает из изучающего, что изучающий, пребывая, продвигается к знанию, которое есть завершенность изучающего; ибо не просто изучающий становится, но знающим. И само изучение есть среднее между знанием, которое есть собственно сущее, и совершенным невежеством, которое было бы просто не-сущим. Так возникающие из чего-то происходят из среднего между уже сущим и не-сущим.

(A 2. 994 a – b)

Древнегреческий текст: "Τὸ --- θατέρω." Ἐπὶ τὸ ἕτερον σημαινόμενον τῶν ἐκ τῆς διαιρέσεως μετελήλυθεν, αὐτὸ τιθεὶς καὶ αὐτῷ παράδειγμα τὸ ὡς ἐξ ἀέρος ὕδωρ γίγνεται. Καὶ ὅτι μὴ ὁμοίως ὡς ἐκ μανθάνοντος ὁ ἐπιστήμων, μηδὲ ἐκ τοῦ μεταξὺ, δείκνυσι· φθειρομένου γὰρ τοῦ ἐτέρου λέγεται γίγνεσθαι ἢ γένεσις τοῦ γιγνομένου, ἀλλ' οὐχ ὑπομένουτος καὶ τελειομένου. "Διὸ ἐκεῖνα μὲν οὐκ ἀνακάμπει εἰς ἄλληλα," τὰ μὲν τὸ πρῶτον σημαινόμενον γιγνόμενα, ἣν δὲ τὰ κατὰ τὸ τελειοῦσθαι· οὐ γὰρ ἀνακάμπει ταῦτα ὥστε γίγνεσθαι ἐκ παιδὸς ἄνδρα καὶ πάλιν ἐξ ἀνδρὸς παῖδα, ὅτι τὸ τέλειον οὐκ ἐπάνεισιν ἐπὶ τὸ ἀτελές. Καὶ τὴν αἰτίαν ἀποδιδούς εἶπεν "οὐ γὰρ γίγνεται ἐκ τῆς γενέσεως τὸ γιγνόμενον, ἀλλὰ μὴν τὴν γένεσιν," τουτέστιν, οὐ γὰρ ἐκ τῆς ἄλλων φθορᾶς ἢ τῆς γενέσεως αὐτῆς τὸ οὕτω γιγνόμενον γίγνεται, ἀλλ' ἐκ τοῦ ἤδη γεγονότος· μόνον γὰρ τὴν γένεσιν τὸ γεγονέναι. Τὰ μὲν οὖν κατὰ φθορὰν τῶν

ἐξῴθεν γιγνόμενα ἀρχὴν τοῦ εἶναι τὴν γένεσιν ἔχει· ἡ γὰρ ἐκείνων μεταβολὴ καὶ φθορὰ τούτων γένεσις, ἀλλ' οὐκ ἐκεῖνα ὑπομένοντα ἢ γιγνόμενα. Τὰ δὲ τελειούμενα καὶ οὕτως ἔκ τινων λεγόμενα γίνεσθαι, οὐκ ἐκ τῆς γενέσεως καὶ τῆς πρώτης μεταβολῆς γίνεσθαι, ἀλλὰ μόνον τὴν γένεσιν· τὸ μὲν γιγνόμενον ἐστὶ τὸ ἐκ τῆς γενέσεως γεγονός, οἷον τὸ βρέφος ὃ προῖόν παῖς καὶ ἀνὴρ γίνεται, ὃ δὲ ἀνὴρ οὐκ ἐκ τῆς γενέσεως ἀλλ' ἐκ τοῦ γιγνομένου ἐκ τῆς γενέσεως καὶ τελειουμένου γίνεσθαι. Ὡστε οὐκ ἐκ τῆς γενέσεως ἀλλὰ μόνον τὴν γένεσιν γίνεται τὰ οὕτως γιγνόμενα. Εἰπὼν δὲ ὅτι μόνον τὴν γένεσιν, οὐκ ἐκ τῆς γενέσεως τὰ τελειούμενα γίνεσθαι, παρέθετο οὕτως γίνεσθαι, ὥς καὶ ἡμέραν ἐκ τοῦ πρωῒ, διότι οὐκ ἐκ τοῦ πρωῒ ἡμέρα γίνεσθαι, οὐκέτι δ' ἐξ ἡμέρας πρωῒ, πρωῒ τὸν ὄρθρον λέγων, ἀτελὲς γὰρ τὸ πρωῒ· οὐχ ὁμοίως γὰρ ἐκ τοῦ πρωῒ ἡμέρα καὶ ἐξ Ὀλυμπίων Ἰσθμια· ἐπὶ μὲν γὰρ ἐκείνων μόνον τόδε μὴ τόδε καὶ χρόνου τάξις, οὐκέτι δὲ ὑποκείμενον θατέρῳ θάτερον· τὸ δὲ πρωῒ ἡμέρα γίνεσθαι μεταβάλλον καὶ ὑπομέν

a 2. 994 b. ἔμενον· ἀτελὲς γὰρ ἡμέρα τὸ πρωῒ, τῷ μηδέπω διηρθρῶσθαι ἐν αὐτῷ τὸ λαμπρὸν φῶς, ἀλλ' ἔτι ἀμυδρὸν εἶναι. Τὸ δὲ ὅτι μόνον τοῦτο εἶπεν, ὅτι γενομένου ὄρθρου μὲν ταῦτα αὐτὸς τελειούμενος ἡμέρα γίνεσθαι. Εἰπὼν δὲ τὰ γιγνόμενα μὴ ἀνακάμπειν εἰς ἄλληλα, ὥς καὶ ἐκ τῶν παραδειγμάτων δῆλον καὶ ἐκ τῆς ῥηθείσης αἰτίας, λέγει περὶ τῶν κατὰ φθορὰν τινων ἐξ ἀλλήλων λεγομένων γίνεσθαι, ἃ εἶπεν ἐκ τῆς γενέσεως γίνεσθαι, ὅτι ταῦτα

ἀνακάμπτει εἰς ἄλληλα. Ὡς γὰρ ἐξ ὕδατος ἀήρ, οὕτως ἐξ ἀέρος ὕδωρ· οὐ γὰρ θατέρω θάτερον τέλος, ἀλλ' ἔστι πάντα τὰ τοιαῦτα, ὅσα ἐκ τῆς γενέσεως γίγνεται, οἰκείαν μὲν τινα ἔχοντα τελειότητα, κοινὴν δὲ ὕλην ἐπίσης δεκτικὴν. Ὅτι δὲ τὰ οὕτω γινόμενα ἀνακάμπτει εἰς ἄλληλα, δῆλον ἐκ τῆς ἐναργείας, καὶ ἐκ τοῦ μὴ εἶναι ἐπ' ἄπειρον τὴν κατ' εἶδος τῶν σωμάτων φοράν, ἥτις ἦν ἂν εἰ ἐπ' ἄπειρον τοῦτον τὸν τρόπον ἄλλο ἐξ ἄλλου ἐγίγνετο.

Русский перевод: «То... другому». Он перешел к другому значению из [предложенного] деления, полагая его и приводя в качестве примера то, как из воздуха возникает вода. И что не подобным образом, как из изучающего — знающий, и не из среднего, он показывает; ибо через гибель одного говорится, что происходит возникновение возникающего, но не через пребывание и завершение. «Поэтому те [вещи] не возвращаются друг в друга» — те, что возникают по первому значению, а именно по завершению; ибо они не возвращаются так, чтобы из ребенка стал муж и опять из мужа — ребенок, потому что завершенное не возвращается к незавершенному. И объясняя причину, он сказал: «ибо возникающее происходит не из возникновения, но [лишь] через возникновение», то есть так возникающее происходит не из гибели других или из самого возникновения, но из уже возникшего; ибо только через возникновение [происходит] стать возникшим. Итак, возникающее через гибель внешнего имеет начало своего бытия в возникновении; ибо измене-

ние и гибель тех [вещей] есть возникновение этих, но не те [вещи] пребывают или возникают. А завершающиеся и так называемые возникающие из чего-то происходят не из возникновения и первого изменения, но только через возникновение: возникающее есть то, что произошло из возникновения, например, младенец, который, продвигаясь, становится ребенком и мужем, а муж происходит не из возникновения, но из возникающего из возникновения и завершающегося. Так что так возникающие вещи происходят не из возникновения, но только через возникновение. Сказав же, что только через возникновение, а не из возникновения завершающиеся вещи возникают, он привел пример того, как и день [возникает] из утра, потому что не из утра возникает день, и не из дня — утро, называя утром рассвет, ибо утро незавершенно. Ибо не подобным образом из утра — день и из Олимпийских [игр] — Истмийские; ибо в тех [случаях] только «то-то не то-то» и порядок времени, но уже не субстрат для одного другого; а утро становится днем, изменяясь и пребывая; ибо утро есть незавершенный день, поскольку в нем еще не установился яркий свет, но он еще тусклый. А что он сказал только это, что когда наступает рассвет, то он сам, завершаясь, становится днем. Сказав же, что возникающие вещи не возвращаются друг в друга, как ясно из примеров и из сказанной причины, он говорит о тех, что через гибель друг друга, как говорится, возникают, которые он называл возникающими из возникновения, что они возвраща-

ются друг в друга. Ибо как из воды — воздух, так из воздуха — вода. Ибо одно не есть цель для другого, но все такие [вещи], сколько их возникает из возникновения, имеют некоторую свойственную им завершенность, но общую материю, одинаково восприимчивую. Что же так возникающие возвращаются друг в друга, ясно из очевидности и из того, что не может быть бесконечного круговорота тел по виду, который был бы, если бы таким образом одно из другого возникало бесконечно.

Глава IX. О том, что ряд причин не может быть бесконечным по виду (Книга А, Глава 2)

(А 2. 994 b)

Древнегреческий текст: "Τῶν --- εἶναι." Τῶν ἐκ τῶν μεταξὺ γιγνομένων, ἢ οὐκ ἐκ τῆς γενέσεως, ἀλλ' ἤδη ἔστιν ὄντα, λέγει, ὡς ἐγίγνετο τὰ τελειούμενα· τούτων γὰρ τέλος ἂν εἴη, καὶ ἔστι τινὰ ἤδη ὄντα μεταξὺ. Ταῦτα μὲν οὖν διὰ τοῦτο οὐκ εἰς ἄπειρον ἔχει τὴν ἐπὶ τὸ κάτω γένεσιν, ὅτι ἔχει τι τέλος ἐφ' ὃ διὰ τῶν μεταξὺ πρόεισιν· οὐδὲ δὲ διὰ τὸ εἰς ἄλληλα ἀνακάμπειν. Ὡς προσέθηκε τὸ "ἢ γὰρ θατέρω θατέρου γένεσίς ἐστιν." Δέδεικται δὲ τοῦτο ἐν τῇ Φυσικῇ Ἀκροάσει. Δύναται δὲ τὸ "τῶν δὴ ὄντων μεταξὺ" εἰρηκέναι ὡς ἴσον τῷ, ἐφ' ὧν μὲν ὄντων μεταξὺ, τούτων μεταξὺ τέλος τί ἐστιν.

"Μὴ --- εἶναι." Δείξας κοινῶς πρῶτον μὲν ὅτι οὐκ ἐπὶ τὸ ἄνω οἷόν τε εἶναι τὰ αἷτια, δεύτερον δὲ ὅτι μηδὲ ἐπὶ τὸ κάτω, νῦν περὶ ἐκάστου τῶν αἰτίων ἰδίᾳ δείκνυσιν ὅτι οὐκ ἐπ' ἄπειρόν τι αὐτῶν εἶναι οἷόν τε, καὶ πρῶτον μὲν ὅτι οὐχ ἡ ὑλικὴ αἰτία ἐπ' ἄπειρόν ἐστιν. Συγχρῆται δὲ εἰς τὴν δεῖξιν τῷ εἰς τὸ ἄνω ἐπ' ἄπειρον προϊόντα τὰ αἷτια, ὅτι τὸ πρῶτον ὑποκείμενον αἰδίδιον· εἰ γὰρ ἐγένετο, ἦν ἂν τι πρῶτον αὐτῷ, ἐξ οὗ ὑποκειμένου ἐγίγνετο, οὐκέτ' ἂν πρῶτον ἦν.

ἐπεὶ δὲ μὴ τοῦτο, αἰδίδιον καὶ ἀγέννητον γίγνεται τὸ πρῶτον ὑποκείμενον. Ἐξ οὗ ἄρα φθειρομένου γίγνεται τι, οὐκ ἔστι τοῦτο τὸ πρῶτον ὑποκείμενον· ἀλλ' αἰδίδιον τὸ φθειρόμενον, τὸ δὲ πρῶτον ὑποκείμενον αἰδίδιον. Οὐ γὰρ ἡ ὕλη φθείρεται, ἀλλ' ἡ αὐτὴ μένει. Πρώτου δὲ φθαρέντος εἶπεν ὡς οὐκ ἔξ οὗ καθ' αὐτό, ἀλλὰ καὶ κατὰ συμβεβηκὸς φθαρέντος ἐγένετό τι, καὶ αἰδίδιον εἶναι· κατὰ συμβεβηκὸς γὰρ ἡ ὕλη φθείρεται (ὅτι τὸ συμβεβηκὸς αὐτῇ καὶ στέρησις φθείρεται ἐν τῇ γενέσει τῶν ἐκ τῆς ὕλης γιγνομένων),

a 2. 994 b. τοῦτο δὲ τὸ καθ' αὐτὸ φθειρόμενον· καθ' αὐτήν δὲ ἄφθαρτος. Φθείροιτο δ' ἂν καθ' αὐτήν, εἰ ἐπ' ἄπειρον ἄλλο ἐξ ἄλλου γίγνοιτο καὶ μὴ πᾶσιν ἡ αὐτὴ μένοι τοῖς γιγνομένοις. Καὶ εἴη ἂν τὸ λεγόμενον ἴσον τῷ, ὁ λέγων ἄπειρον ἐπὶ τὸ ἄνω ἄλλο ἄλλου ὕλην γίγνεσθαι, οὗτος φθείρεσθαι λέγοι ἂν τὸ πρῶτον ὑποκείμενον, ὃ ἀνάγκη αἰδίδιον εἶναι, εἶγε τούτῳ μηκέτι ἄλλο ὑπόκειται· καὶ οὐκ ἐπ' ἄπειρον εἰς τὸ ἄνω τὰ αἷτια. Τοῦτο δὲ λέγοι ἂν φθείρεσθαι, εἰ μὴ πᾶσιν αὐτὸ ὑποκείμενον λέγοι τοῖς γιγνομένοις, ταῦτόν μόνον, ἀλλὰ λέγοι καὶ φθορὰν τοῦ ὑποκειμένου, τὸ μετ' αὐτὸ ὑποκείμενον φθαρέντος αὐτοῦ, καὶ τὸ ἐξ αὐτοῦ ἐγένετο οὐκ αἰδίδιον. Εἰ μὲν οὖν ἴσα ἢ ἐπὶ τὸ ἄνω τὰ αἷτια, δεῖ τι ἄρξασθαι, καὶ πρῶτόν γε ἐκ τῆς ὕλης τῆς πρώτης γενέσθαι· εἰ δὲ φθειρομένης αὐτῆς γίγνεται, ὅτε αἰδίδιος ἢ κίνησις εἴη, ὅτε ἔτι πρώτη καὶ αἰδίδιος αὐτὴ ἂν εἴη, καὶ πᾶσιν ὑποκειμένη πρώτη. Οὐκ ἐπ' ἄπειρον ἄρα ἡ ὑλικὴ αἰτία εἰς τὸ ἄνω πρόεισιν. Ἔστι γὰρ σφόδρα συντόμως τὸ εἰρημένον. Εἰπὼν

δὲ "ἅμα δὲ καὶ ἀδύνατον τὸ πρῶτον αἰδίδιον ὄν φθαρήναι," τὸ δεικτικὸν τοῦ εἶναι τὸ πρῶτον αἰδίδιον παρέθετο "ἐπεὶ οὐκ ἄπειρος ἡ γένεσις ἐπὶ τὸ ἄνω," οὐκέτι προθεῖς τὸ διὰ τοῦτο τὸ πρῶτον ὑποκείμενον αἰδίδιον. Εἰπὼν δὲ "τὰ δὲ εἰς ἄλληλα ἀνακάμπει· ἡ γὰρ θατέρου φθορὰ θατέρου γένεσις ἐστίν," ἐπισώσατο τοῦτο διὰ τοῦ τὸ πρῶτον ὑποκείμενον, ὃ ἐστίν ἡ κυρίως ὕλη, δεῖξαι αἰδίδιον ὄν· φθείροιτο γὰρ ἄν, εἰ μὴ ὑπομένοι καὶ σώζοιτο ἐν πᾶσι τοῖς γιγνομένοις, ἀλλὰ τὰ γιγνόμενα ἐξ αὐτοῦ φθειρομένου αὐτοῦ γίγνοιτο, καὶ πάλιν οὕτω τὰ ἐκ τούτων, καὶ ἐπ' ἄπειρον τοῦτον τὸν τρόπον ἡ ὑλικὴ αἰτία ἐπὶ τὸ κάτω προίει. Εἰ δὲ τοῦτο ἄτοπον (δεῖ γὰρ εἶναί τι τὸ πρῶτον ὑποκείμενον, ὡς δέδεικται, καὶ τοῦτο ἐν πᾶσι τοῖς γιγνομένοις ἀφθαρτον μένον ἐνυπάρχειν), οὕτως οὖν ἔχοντος εἰς ἄλληλα ἄν τὰ ἐξ αὐτοῦ γιγνόμενα ἀνακάμπτοι, ὡς τὴν θατέρου φθορὰν θατέρου γένεσιν εἶναι. Ἐν ᾧ γὰρ ἄν ἐνυπάρχη τῶν ἐξ αὐτῆς γιγνομένων, φυλάξει τε τὴν τοῦ δύνασθαι πάλιν ἐν τούτῳ γενέσθαι, τῷ εἶδει ἐξ οὗ μεταβάλλει δύναμιν. Καὶ αὕτη ἔσται εἰς τὰ γιγνόμενα μεταβάλλουσα, ἀλλ' οὐκ ἀεὶ ἀληθῶς ἐπ' ἄπειρον ἄλλο ἄλλω ὑποκείμενον γίγνεται,

a 2. 994 b. Δὲ μεταβάλλουσα εἰς τὰ ἐναντία μεταβάλλει, εἰς ἃ μεταβαλούσης ἀνακάμπτοι ἄν ἡ γένεσις. Καὶ αὕτη ἐστίν ἡ ἐν τῇ μεταβολῇ τῇ εἰς στέρησιν φθειρομένη (οὐκέτι γὰρ ἄν αἰδίδιος εἴη), ἀλλ' ἄλλο τί ἐστίν ἐξ οὗ οὐχ ἡ πρῶτως φθειρομένου γίγνεται· τοῦτο δὲ ἐδείχθη ἐν τῷ Α τῆς Φυσικῆς ἀκροάσεως περὶ στερήσεως. Δείξας δὲ ἐπὶ τῆς ὕλης ὅτι οὐχ

οἷόν τε ἐπ' ἄπειρον εἰς τὸ ἄνω τὰ ὕλαια αἵτια προΐεναι, ἐξῆς δείκνυσι πάλιν τὸ αὐτὸ ἐπὶ τῷ τελικῷ αἰτίῳ, λέγει δὲ "ἐπεὶ δὲ τὸ οὗ ἕνεκα τέλος, τοιοῦτον δὲ ὃ μὴ ἄλλου ἕνεκα." Καὶ τὸ λέγει ταῦτόν. Εἰ ἔστι τι οὗ ἕνεκα, τὸ τελικὸν αἷτιον, οὐκ ἐπ' ἄπειρον ἢ πρόοδος τῶν οὕτως αἰτίων· ἔστι γὰρ τὸ τελικὸν αἷτιον οὗ χάριν τὰ ἄλλα, αὐτὸ δὲ οὐδενός, καὶ τοῦτο ἔσχατον. Ὡστε εἰ ἔστιν ἔσχατον αἷτιον ἐν τοῖς φύσει γιγνομένοις, τοῦτο δὲ ἔστι τὸ τελικόν, οὐκ ἐπ' ἄπειρον ἢ πρόοδος ἐπὶ τὸ κάτω· εἰ γὰρ εἴη ἐπ' ἄπειρον, οὐκ ἔστι τὸ τελικὸν αἷτιον οὐδὲ τὸ οὗ ἕνεκεν ἐν τοῖς γιγνομένοις φύσει. Ἀλλὰ τὸ λέγειν μὴ εἶναι τὴν τοιαύτην ἐν τοῖς φύσει γιγνομένοις αἰτίαν ἐξαιρεῖν ἔστι τὸ ἀγαθὸν φύσιν ἐκ τῶν γιγνομένων· οὗ γὰρ ἕνεκα τᾶλλα γίγνεται, τὸ ἀγαθόν. Τοῦτο δὲ δῆλον ἐκ τῆς ἐπαγωγῆς· "πᾶσα γὰρ τέχνη καὶ πᾶσα μέθοδος, ὁμοίως πρᾶξις τε καὶ προαίρεσις, ἀγαθοῦ τινὸς ἐφίεται," ὡς εἶπεν ἀρχόμενος τῶν Νικομαχείων. Ἔστι δὲ τὸ κυριώτατον ἀγαθόν, οὗ πάντα ἐφίεται· ὥστε ἐν πᾶσι τοῖς κατὰ λόγον ἢ φύσιν γιγνομένοις τὸ ἀγαθόν ἐστίν· ὅτε γὰρ τὴν ἀρχὴν ἐγχειρεῖ τις πράττειν τι ἢ ποιεῖν, εἰ μὴ μέλλοι τέλος ἄξειν αὐτό. Ὡστε εἰ σκοπὸς τῶν πραττομένων τὸ τέλος καὶ τὸ οὗ ἕνεκα αἷτιον, εἰ τοῦτο μὴ εἴη, οὐκ ἂν τὴν ἀρχὴν εἴη τι γιγνόμενον. Ἔτι ἀναιρεῖται τὸ νῦν εἶναι κατὰ φύσιν ποιητικὰ ἐν τοῖς οὖσιν· πάντα γὰρ τὰ κατὰ φύσιν γιγνόμενα ἕνεκά τινος γίγνεται, μὴ ὄντος δὲ τοῦ οὗ ἕνεκα κατὰ φύσιν γιγνομένων, οὐκ ἂν κατὰ φύσιν τι γίγνοιτο. Ἔτι, ὡς εἶπεν ἐν τοῖς Ἠθικοῖς, μάτην ἂν ἢ ὀρεξις εἴη, εἰ μὴ εἴη τέλος τι

πάντων τῶν πρακτῶν, ἀλλ' ἐπ' ἄπειρον ἄλλο ἄλλου χάριν γίγνοιτο. "Καίτοι --- ἐγχειρήσειεν." Δι' ἐναργείας ἔδειξεν ὅτι ἀδύνατον τὴν τοιαύτην αἰτίαν ἐκ τῶν ὄντων ἀνελεῖν. Ἔτι δὲ εἰ ἔστιν ἐφ' ἐκάστῳ τῶν γιγνομένων τέλος ὠρισμένον, οὐκ ἂν ἄπειρον ἢ κατὰ τέλος αἰτία προῖοι. Συνιστήσας δὲ τὸ εἶναι κατὰ τέλος αἰτίαν, μεταλαβὼν τὸ τέλος εἰς τὸ πέρας, ἔδειξεν οὕτως ὅτι οὐκ ἐπ' ἄπειρον πρόεισιν· ὧν γὰρ πέρας ἐστί, ταῦτα οὐκ ἄπειρα.

Русский перевод: «Из... быть». Из возникающих из средних, или не из возникновения, но уже сущих, он говорит, как происходило завершающееся; ибо для них было бы некое завершение, и есть нечто уже сущее среднее. Итак, они поэтому не имеют бесконечного возникновения вниз, потому что имеют некоторый предел, к которому через средние продвигаются; и не потому, что возвращаются друг в друга. К чему он прибавил: «ибо гибель одного есть возникновение другого». Это доказано в "Физике". А «из сущего среднего» он мог сказать как равнозначное: для тех [вещей], где есть средние, для них среднее есть некоторый предел.

«Не... быть». Показав обще, во-первых, что причины не могут восходить в бесконечность, во-вторых, что они не могут и нисходить в бесконечность, теперь для каждой из причин в отдельности он показывает, что ни одна из них не может быть бесконечной, и сперва — что материальная причина не бесконечна. Для доказательства он использует [то, что] при восхождении причин в бесконечность первичный

субстрат был бы вечным; ибо если бы он возник, то было бы нечто первичное для него, из какого субстрата он возникал бы, и тогда он уже не был бы первым; но поскольку это не так, то первичный субстрат оказывается вечным и нерожденным. Итак, то, из гибели чего возникает нечто, не есть этот первичный субстрат; но гибнущее [вечно], а первичный субстрат вечен. Ибо материя не гибнет, но остается той же самой. О гибели же первого он сказал не как о том, из чего [оно возникает] само по себе, но и как о гибнущем по совпадению, что нечто возникает и [оно] вечно; ибо по совпадению материя гибнет (поскольку сопутствующее ей и лишенность гибнут в возникновении того, что из материи возникает), а гибнущее само по себе есть нечто иное; сама же по себе она негибнуща. Она гибла бы сама по себе, если бы одно из другого возникало бесконечно и не оставалось бы для всех возникающих тем же самым. И сказанное было бы равнозначно тому, что тот, кто говорит о бесконечном восхождении одной материи из другой, говорил бы о гибели первичного субстрата, который необходимо должен быть вечным, если для него уже нет другого субстрата; и [значит] причины не бесконечны в восхождении. Итак, он говорил бы, что [первичный субстрат] гибнет, если бы он не полагал его субстратом для всех возникающих, остающимся тем же самым, но говорил бы и о гибели субстрата, [так что] следующий субстрат [возникает] после его гибели, и то, что из него возникло, не вечно. Итак, если причины или восходят в бесконечность, необ-

ходимо нечто начать, и именно из первой материи возникнуть; если же она возникает [лишь] при ее гибели, то когда движение вечно, тогда и она была бы первой и вечной, и для всех первым субстратом. Итак, не в бесконечность восходит материальная причина. Ибо сказанное весьма кратко. Сказав же «и вместе с тем невозможно, чтобы первое, будучи вечным, погибло», он привел в доказательство того, что первое вечно, «поскольку возникновение не бесконечно вверх», уже не полагая, что поэтому первичный субстрат вечен. Сказав же «но [вещи] возвращаются друг в друга; ибо гибель одного есть возникновение другого», он сохранил это через то, что первичный субстрат, который есть материя в собственном смысле, показал вечным; ибо он гиб бы, если бы не пребывал и не сохранялся во всех возникающих, но возникающее происходило бы из него при его гибели, и опять так из них, и таким образом материальная причина уходила бы в бесконечность вниз. Если же это нелепо (ибо необходимо, чтобы был некий первичный субстрат, как доказано, и чтобы он, оставаясь негибнущим, присутствовал во всех возникающих), то, значит, так обстоит дело, что возникающее из него возвращается друг в друга, так что гибель одного есть возникновение другого. Ибо в чем бы из возникающего из нее [материя] ни присутствовала, она сохранит способность снова стать в этом [возникшем] тем видом, из которого она изменяется. И она будет изменяться в возникающие [вещи], но не всегда поистине в бесконечность одно будет субстратом для друго-

го, но, изменяясь в противоположности, [и] при изменении которых возникновение возвращалось бы назад. И это есть [материя], гибнущая в изменении в лишенность (ибо тогда она не была бы вечной), но есть нечто иное, из чего не при первичной гибели оно возникает; это было показано в первой книге "Физики" о лишенности. Показав на материи, что невозможно, чтобы материальные причины восходили в бесконечность, далее он снова показывает то же самое на целевой причине, говоря: «поскольку то, ради чего, есть цель, а таково то, что не ради другого». И сказать то же самое. Если есть нечто, ради чего, — целевая причина, то не бесконечно продвижение таких причин; ибо целевая причина есть то, ради чего другие, а само ни для чего, и это последнее. Так что если есть последняя причина в природных [вещах], а это есть целевая, то не бесконечно продвижение вниз; ибо если бы оно было бесконечным, то не было бы целевой причины и того, ради чего, в природных [вещах]. Но говорить, что нет такой причины в природных [вещах], — значит устранять благо из природы возникающих; ибо то, ради чего другое возникает, есть благо. Это ясно из индукции: «ибо всякое искусство и всякий метод, подобным же образом действие и выбор, стремятся к некоторому благу», как он сказал, начиная "Никомахову этику". А высшее благо есть то, к чему все стремится; так что во всем, что происходит по разуму или по природе, есть благо; ибо когда кто-то начинает действовать или производить, он [делает это] ради цели, если только не

намерен довести это до конца. Так что если цель и причина «ради чего» есть цель того, что делается, то если бы ее не было, вообще ничто не возникало бы. Далее, уничтожается то, что сейчас есть в сущем природные производящие [причины]; ибо все природное возникает ради чего-то, а если нет того, ради чего, то ничто не возникало бы по природе. Далее, как он сказал в "Этике", стремление было бы напрасным, если бы не было некоторой цели для всех дел, но одно ради другого уходило бы в бесконечность. «Однако... предпринял бы». Через очевидность он показал, что невозможно устранить такую причину из сущего. Далее, если для каждого из возникающих есть определенная цель, то причинная цепь по цели не могла бы быть бесконечной. Утвердив же существование причины по цели и заменив цель на предел, он показал таким образом, что она не уходит в бесконечность; ибо у чего есть предел, то не бесконечно.

Глава X. О том, что формальная причина не бесконечна, и о природе определений (Книга А, Глава 2)

(A 2. 994 b)

Древнегреческий текст: "Ἀλλὰ --- λόγῳ." Δείκνυσι δὲ ἐπὶ τῆς τοῦ εἶδους αἰτίας (τοῦτο γὰρ ἐστὶ τὸ τί ἦν εἶναι) μὴ γιγνομένην ἐπ' ἄπειρον τὴν πρόοδον, ὥς ἀεὶ τῷ ληφθέντος ὁρισμοῦ ἄλλον πάλιν ὁρισμὸν ἢ ἄλλο τι εἶδος εἶναι. Τοῦτο δὲ ἐδὴ-

a 2. 994 b. λωσε προσθεὶς τὸ "πλεονάζοντα τῷ λόγῳ." Δοκεῖ γὰρ ὁ ὁρισμὸς τοῦ ὁριστοῦ τῷ λόγῳ πλεονάζειν· ὁ γὰρ ἐστὶ τῇ λέξει ἴσον ἄνθρωπος ἢ ζῶον λογικὸν θνητόν· ἕκαστον δὲ ὁριστὸν ὀνόματος χώραν πρὸς τὸν ἀποδιδόμενον αὐτῷ ὁρισμὸν ἔχει. Δοκεῖ δέ μοι καὶ αὐτὸ τοῦτο ὥς ἄτοπον προσεῖναι· εἰ γὰρ πλεονάζει τὸ ὁριστὸν τῷ λόγῳ, ἐπ' ἄπειρον ἂν οἱ λόγοι αὕξοιντο δι' ὧν οἱ ὁρισμοί· τοῦτο δὲ ἄτοπον. Οὐ δὴ οἷόν τε ἀεὶ τῷ ἀποδοθέντι ὁρισμῷ ὁρισμὸν τινα εἶναι, ὥς εἶναι τὸ μὲν ζῶον τὴν οὐσίαν ἔμψυχον αἰσθητικὴν ὁρισμὸν, τῷ δὲ ὁρισμῷ τούτῳ πάλιν ἄλλον τινὰ ὁρισμὸν, ἢ ἐκάστου τῶν ἐν τῷ ὁρισμῷ. Ὅσῳ γὰρ ἂν πορρωτέρῳ προέλθοι τῷ προσεχεὶ λόγῳ τοῦ ἀνθρώπου ὃν ὠρίζετο, ἔλαττον ἀποδώσει

τὸ εἶδος τοῦ ἀνθρώπου, καὶ ἔλαττον αὐτὸν ὀριεῖ· αἰεὶ γὰρ ὁ πρῶτος καὶ προσεχὴς λόγος ἀποδοθεὶς ὀρισμὸς ἐστὶ τοῦ πράγματος, ὁ δὲ ὕστερος οὐκέτι ἐκείνου ἀλλὰ τοῦ περὶ ἐκείνου ἀποδοθέντος. Ἐφ' ὧν οὖν ὁ πρῶτος ἀποδοθεὶς μόνος ἐστὶν ὀρισμὸς, οὐδ' ἂν ὁ δεύτερος ἢ ὁ τρίτος ἢ ἄλλος τις εἴη· ἕκαστος γὰρ τούτων ὀρισμὸς γίνεται τοῦ πρὸ αὐτοῦ ἀποδοθέντος ὀρισμοῦ, ἀλλ' οὐ τοῦ πράγματος· εἰ δὲ μὴ ἐστὶ ὀρισμὸς τὸ πρῶτον ἀποδοθέν, τούτῳ πολὺ ἥττον ἂν εἴη ὀρισμὸς τὸ μὴ πρῶτον ἀποδοθέν. Εἰ γὰρ ὁ μὲν πρῶτος ἀποδοθεὶς ὡς τοῦ πράγματος ἀποδέδοται, ὁ δὲ δεύτερος ὡς τοῦ λόγου τοῦ περὶ τοῦ πράγματος ἀποδεδομένου, εἰ ὁ πρῶτος οὐκ ἔστι τοῦ πράγματος, οὐδ' ἂν ὁ δεύτερος αὐτοῦ εἴη· ἦν γὰρ ἂν οὗτος δυνάμενος αὐτοῦ εἶναι, εἰ ὁ πρῶτος ἀποδεδομένος, καὶ ὁ δεύτερος ἀποδοθείη, ἦν αὐτοῦ. Καθόλου γὰρ ἐν οἷς τὸ πρῶτον οὐκ ἔστιν, οὐδὲ τὸ δεύτερον· τὸ γὰρ δεύτερον πρῶτου τινὸς δεύτερον· ὥστε ὧν μὴ ἐστὶν ὀρισμὸς τις πρῶτος, οὐκ ἂν δεύτερος εἴη. Δύναται δὲ τὸ πρῶτον τὸν ἔσχατον εἰρηκέναι· ὁ γὰρ ἔσχατος λόγος καὶ ἡ ἐσχάτη αἰτία καὶ τὸ ἔσχατον εἶδος, μεθ' ὃ οὐκέτι τὸ διὰ τι ἀπαιτοῖμεν, οὗτος ἂν ὁ κυρίως ὀρισμὸς εἴη, ὃ μὴ ὄντος τοῦ ἐπ' ἄπειρον εἶναι τὴν πρόοδον, οὐκ ἂν τῶν πρὸ αὐτοῦ τις εἴη. Τινὲς ἤκουσαν τὸ "πλεονάζοντα τῷ λόγῳ," ὡς λέγοντος αὐτοῦ, αἰεὶ τῷ πρῶτῳ ἀποδοθέντι ὀρισμῷ προστίθεσθαί τι, ὡς πλεονάζειν τὸν δεύτερον τοῦ πρὸ αὐτοῦ κατὰ τὸν λόγον τῷ προστίθεσθαί τι αὐτῷ· οἷον τὸ ἄνθρωπον, εἰ ὁ μὲν πρῶτος εἴη ζῶον πεζὸν δίπουν, ἄλλον δὲ πάλιν ἄλλοᾶλλο μὴ

а 2. 994 **б.** ἔχοντα ἄλλην τινὰ τῶν προειρημένων διαφορὰν προσκειμένην, οἷον ζῶον, ἢ πάλιν τοῦτῳ ἄλλην, ὥς εἶναι ἐπ' ἄπειρον αὐξανόμενον τὸν πρῶτον ἀποδοθέντα ὄρον.

Русский перевод: «Но... определением». Он показывает на причине формы (а это есть суть бытия), что продвижение не происходит в бесконечность, как будто всегда для взятого определения есть другое определение или другой вид. Это он показал, прибавив «превосходящее в определении». Ибо кажется, что определение определяемого превосходит в [своем] определении; например, человек или разумное смертное животное — это одно и то же по выражению; но каждое определяемое имеет место имени по отношению к приписываемому ему определению. Мне кажется, что и это само по себе присуще как нелепость; ибо если определяемое превосходит в определении, то определения, через которые даются определения, возрастали бы в бесконечность; а это нелепо. Итак, невозможно, чтобы всегда для данного определения было другое определение, так что одно определение — «животное есть одушевленная чувствующая сущность», а для этого определения опять другое определение, или для каждого из того, что в определении. Ибо чем дальше кто-то продвинулся бы по ближайшему определению того человека, которого он определял, тем меньше он передал бы вид человека и тем меньше определил бы его; ибо всегда первое и ближайшее определение, данное, есть определение вещи,

а последующее — уже не ее, но того, что было дано о ней. Итак, в тех случаях, где первое данное есть единственное определение, не было бы ни второго, ни третьего, никакого-либо иного; ибо каждое из них становится определением данного перед ним определения, но не вещи; если же первое данное не есть определение, то для него еще меньше было бы определением не первое данное. Ибо если первое дано как определение вещи, а второе — как определение данного определения о вещи, то если первое не есть вещи, то и второе не было бы ее; ибо оно могло бы быть ее, если бы первое было дано, и если бы второе было дано, оно было бы ее. Вообще, там, где нет первого, нет и второго; ибо второе есть второе по отношению к некоторому первому; так что для чего нет первого определения, для того не было бы и второго. Можно [понять] «первое» как «последнее»; ибо последнее определение и последняя причина и последний вид, после которого мы уже не спрашиваем «почему», это и было бы определением в собственном смысле; а если не было бы бесконечного продвижения, то ни одно из предшествующих не было бы [определением]. Некоторые поняли «превосходящее в определении» как [означающее], что он говорит, что к первому данному определению всегда прибавляется нечто, так что второе превосходит первое по определению тем, что к нему прибавляется нечто; например, для человека, если бы первое было «животное, ходящее на двух ногах», а другое опять [другое], не имеющее другой из упомянутых раз-

личий, прибавленной, например, «животное», или опять к этому другое, так что первый данный термин возрастал бы в бесконечность.

(A 2. 994 b)

Древнегреческий текст: "Ἐτι -- ἐλθεῖν." Ἄτομα λέγει νῦν τὰ ἀμέσως ὑπάρχοντα· ἐκ γὰρ τῶν προσεχῶς ἢ ἀμέσως ὑπαρχόντων αἱ ἐπιστῆμαι, ὡς εἴρηται ἐν τοῖς Ὑστέροις Ἀναλυτικοῖς· ὁ ἀδύνατόν ἐστιν εἶναι, εἰ τῶν ἐν τῷ ὀρισμῷ παραλαμβανομένων πάντων εἶεν ὀρισμοί, καὶ ἐκ τούτων τῶν ὀρισμῶν ὁ ὀρισμὸς εἴη τῷ προκειμένῳ συμπληρούμενος. Νῦν γὰρ τὸ δι' οὗ ὀρισμὸν τινι ὑπάρχειν δειχθὲν κυρίως ὑπάρχειν αὐτῷ δοκεῖ· ἂν δὲ ἡ παντὸς ὀρισμοῦ ὀρισμὸς ἐπ' ἄπειρον, ἄπειρος μέσος ὅρος ἔσται τῷ τε αἰτίῳ δι' ὃ δείκνυται ὑπάρχον τί τινι, καὶ τῷ ὑποκειμένῳ ᾧ ὑπάρχειν τι δείκνυται. Οὐδέποτε δὲ δυνήσεται ἄμεσόν τι ὑπάρχον ληφθῆναι, εἰ ἀεὶ τὸ εἰλημμένον παντὸς ὀρισμὸς εἴη· οὐ γὰρ ἄμεσως τὸ ζῶον τῷ ἀνθρώπῳ ὑπάρξει, ἀλλὰ διὰ τὸ εἶναι αὐτὸν οὐσίαν ἔμψυχον αἰσθητικὴν· πάλιν δὲ αὖ ἡ οὐσία ἔμψυχος αἰσθητικὴ ὑπάρξει αὐτῷ διὰ τὸν ἴδιον ὀρισμόν, πάλιν κἀκεῖνα ὁμοίως δι' ἴδιον ὀρισμόν, καὶ τοῦτο ἐπ' ἄπειρον· ἀεὶ γὰρ οἱ λαμβανόμενοι ὀρισμοὶ τῶν ὀρισμῶν μέσοι ὅροι ἔσσονται, δι' ὧν ὑπάρξει τὰ ὧν οἱ ὀρισμοὶ τοῖς ὀριστοῖς. Ἀναιρεθήσονται ἄρα αἱ ἄτομοι καὶ ἄμεσοι προτάσεις, ἀναιρεθεισῶν δὲ ἀναιρεῖται ἐπιστήμη τε καὶ ἀπόδειξις. Τινὲς δὲ ἄτομα λέγουσι τὰ καθ' ἕκαστα, καὶ φασὶ τὰς ἐπιστήμας τότε ἐπιστητὸν ἔχειν, ὅταν περὶ ὧν εἰσίν,

εὐρίσκωσι ταῦτα τοῖς ἀτόμοις τοῖς οἰκείοις ἐφαρμόττοντα. Τότε γάρ τις ἐπιστήμην ἔχει τῶν τῷ ἀνθρώπῳ ὑπαρχόντων, ὅταν τοῖς καθ' ἑκάστα ἀνθρώποις ἐφαρμόζη τὰ λεγόμενα. Οὐχ οἷόν τε δὲ ἐπὶ τὰ ἄτομα ἐλθεῖν, ἐπ' ἄπειρον τῶν αἰτίων ἐπὶ τὸ κάτω τὴν πρόοδον λαμβανόντων· εἰ γὰρ μὴ ἔστι τὸ ἄτομον, οὐχ οἷόν τε δὲ ἐπὶ τοῦτο ἐλθεῖν ἀπείρων ὄντων τῶν μεταξὺ αἰτίων. Ὡς εἶναι τὸ λεγόμενον κοινῶς περὶ πάντων τῶν αἰτίων λεγόμενον, ἀλλ' οὐ περὶ τοῦ εἶδους τε καὶ ὁρισμοῦ μόνον.

Русский перевод: «Далее... прийти». Неделимыми он теперь называет непосредственно присущие [свойства]; ибо из ближайшим образом или непосредственно присущих [свойств] состоят науки, как сказано во "Второй аналитике". Это невозможно, если для всех [терминов], принимаемых в определении, были бы определения, и из этих определений определение восполнялось бы для данного [предмета]. Ибо теперь то, через что показано, что определение присуще чему-то, кажется присущим ему в собственном смысле; если же для всякого определения есть определение в бесконечность, то будет бесконечный средний термин как для причины, через которую показывается, что нечто присуще чему-то, так и для субстрата, которому показывается, что нечто присуще. Никогда не удастся взять нечто непосредственно присущее, если всегда взятое было бы определением всего; ибо не непосредственно животное будет присуще человеку, но через то, что он есть одушевленная чувствующая

сущность; опять же одушевленная чувствующая сущность будет присуща ему через собственное определение, опять и те [свойства] подобным образом через собственное определение, и это в бесконечность; ибо всегда взятые определения определений будут средними терминами, через которые то, чьи определения [даны], будет присуще определяемым. Итак, будут уничтожены неделимые и непосредственные предложения, а с их уничтожением уничтожается и наука, и доказательство. Некоторые же называют неделимыми единичные [вещи] и говорят, что науки тогда имеют познаваемое, когда находят, что то, о чем они [говорят], соответствует свойственным им неделимым. Ибо тогда кто-то имеет науку о том, что присуще человеку, когда сказанное соответствует единичным людям. Невозможно же дойти до неделимых, если принимать, что причины уходят в бесконечность вниз; ибо если нет неделимого, то невозможно дойти до него, если бесконечны средние причины. Так что сказанное [относится] обще ко всем причинам, а не только к виду и определению.

(A 2. 994 b)

Древнегреческий текст: "Ὡς -- ἔστιν." Τὸ λεγόμενον τοιοῦτόν ἐστιν. Εἰπὼν τῶν ἐνεργείᾳ ἀπείρων ἄληπτον γνῶσιν εἶναι, καὶ ὅτι οἱ οὕτως αὖξοντες τοὺς ὀρισμοὺς ἢ τὰ αἷτια (ὥς γὰρ ὁ περὶ πάντων λόγος) ἀναιροῦσι γνῶσιν, εἶγε ἐκ τῆς τῶν αἰτίων γνώσεως ἢ ἐπιστημονικῇ τῶν πραγμάτων γνῶσις, εἰπὼν δὲ τὰ ἄπειρα

a 2. 994 b. ἄγνωστα εἶναι, ἐπεὶ δοκεῖ καὶ τὰ συνεχῆ ἄπειρά πως εἶναι διὰ τὴν ἐπ' ἄπειρον τομήν, οὐ μὴν εἶναι ἄγνωστα (ἔστι γὰρ τούτων τῆς ἐπ' ἄπειρον τομῆς νόησις), ὅτι οὐχ ὁμοίως ἔνεστιν ἐν ἐκείνοις τε ἡ ἀπειρία καὶ ἐν τοῖς αἰτίοις ἢ ἐπ' ἄπειρον κατ' εὐθυωρίαν πρόοδος, δείκνυσιν ἔξις εἰπὼν "τὸ --- νοεῖν," λέγων τὰ ἐνεργεῖα ἐπ' ἄπειρον. Καὶ γὰρ ἡ γραμμὴ διαιρεῖται ὁμολογουμένως τῷ μὴ ἑξαυτῆς τὴν τομήν, ἀλλ' ἡμεῖς γε οὐδέποτε νοοῦμεν αὐτὴν εἰς ἄπειρα διηρημένην, ἀλλ' ὅταν νοῶμεν, τὰς τομὰς ἰστώμεν καὶ πανόμεθα τοῦ τέμνειν, καὶ λαμβάνομεν πεπερασμένας· πῶς γὰρ ἐπ' ἄπειρον ἡ τομὴ γίνεται τῆς γραμμῆς ἢ ὅλως τῶν συνεχῶν νοοῦμεν, οὐ μὴν τὰς ἀπείρους αὐτῆς ἔτι διαιρέσεις; ἀεὶ γὰρ ὡς νοοῦμεν πεπερασμένας νοοῦμεν. Τοῦτο γὰρ ἔστι τὸ "νοῆσαι δὲ οὐκ ἔστι μὴ φήσαντα ἢ τοὺς γὰρ πεπερασμένους νοοῦμεν." Διὸ οὐδὲ ὁ διεξιὼν τὴν συνεχῆ γραμμὴν τὴν ἐπ' ἄπειρον διαιρετὴν, ἀριθμῶν τὰς τομὰς καὶ ἐνεργεῖα λαμβάνων καθόσον οἶόν τε τμηθῆναι αὐτὴν, ἦν διέξεισιν. Οὐδέποτε γὰρ ἂν διεξέλθοι ὁ οὕτως αὐτὴν διεξιὼν. Εἶπε δὲ "τὴν ἄπειρον διεξιὼν" ἀντὶ τοῦ τὴν ἐπ' ἄπειρον διαιρετὴν. Ἀλλὰ κατ' ἀθρόα μόρια διέξεισι διὰ τὸ μὴ εἶναι ἐν αὐτῇ ἐνεργεῖα τὴν ἀπειρίαν, ἀλλὰ δυνάμει. Ἐπὶ δέ γε τῶν αἰτίων, εἰ ἐπ' ἄπειρον εἰς τὸ κάτω ἐστὶν ἄλλο ἄλλου αἷτιον, ἀδύνατον ἔσται γινῶσιν τῶν αἰτίων γενέσθαι πάντων, ἄπειρα δὲ γίγνεται τὰ πάντα ἐνεργεῖα. Εἰ δὴ ἥρτηται ἡ τῶν ὄντων γινῶσις ἐκ τῆς τῶν αἰτίων γνώσεως, ὡς προεῖρηται, ἄγνωστα δὲ τὰ αἷτια δι' ἀπειρίαν, ἄγνωστα καὶ τὰ ὧν αἷτια

ता॒त्ता.

Русский перевод: «Чему... есть». Сказанное таково. Сказав, что для бесконечных в действительности [вещей] знание непостижимо, и что те, кто так увеличивают определения или причины (ибо это относится ко всем), уничтожают знание, если научное знание вещей зависит от знания причин; сказав же, что бесконечные [вещи] непознаваемы, поскольку кажется, что и непрерывные [величины] бесконечны в некотором смысле из-за бесконечного деления, однако не являются непознаваемыми (ибо возможно мышление их бесконечного деления), то, поскольку не одинаковым образом в тех [вещах] содержится бесконечность и в причинах — бесконечное продвижение по прямой линии, он показывает далее, сказав «то... мыслить», говоря о бесконечных в действительности. Ибо линия делится, правда, в том смысле, что деление не от нее самой, но мы никогда не мыслим ее разделенной на бесконечные [части], но когда мыслим, мы останавливаем деления и перестаем делить, и берем конечные; ибо как мы мыслим бесконечное деление линии или вообще непрерывных [величин], но не их бесконечные деления? Ибо всегда, когда мы мыслим, мы мыслим конечные. Это и есть «мыслить же нельзя, не сказав, что мы мыслим конечные». Поэтому и тот, кто проходит непрерывную линию, бесконечно делимую, считая деления и беря в действительности, насколько возможно ее рассечение, не прошел бы ее. Ибо никогда не прошел бы тот, кто так бы ее проходил.

Сказал же «проходя бесконечную» вместо «бесконечно делимую». Но он проходит [ее] по совокупным частям, потому что в ней нет бесконечности в действительности, но в возможности. В случае же причин, если одно есть причина другого в бесконечность вниз, невозможно будет получить знание всех причин, а все [причины] становятся бесконечными в действительности. Если же знание сущего зависит от знания причин, как сказано ранее, а причины из-за бесконечности непознаваемы, то непознаваемы и те [вещи], причины которых они [суть].

(А 2. 994 b)

Древнегреческий текст: "Ἀλλὰ ---- ἀνάγκη." Τὸ ἄπειρον ἄγνωστον εἶναι τῇ αὐτοῦ φύσει παρατίθεται σημεῖον τὴν ὕλην, ἐπεὶ δοκεῖ καὶ ἐν αὐτῆς λόγῳ ἄπειρος εἶναι, ἀνζητήσας ὅσα κατὰ τὴν ἰδίαν φύσιν οἰκεῖον πέρας οὐκ ἔχουσα. Τῷ δὲ τοιαύτην αὐτὴν εἶναι οὐδὲ ἐπιστήμην αὐτῆς ἔχομεν· κινουμένῳ γάρ τιτι γινώσκομεν αὐτήν· δοξαστὴ γάρ ἐστιν, οὐκ ἐπιστητή, ὡς μὲν ὁ Πλάτων φησί, νόθῳ λογισμῷ γνωστή, ὡς δὲ Ἀριστοτέλης, ἀναλογίᾳ γνωστή καὶ δοξαστή, ὡς καὶ τοῦτο εἶρηκεν ἐν τοῖς Φυσικοῖς. Τὸ αὐτὸ δὲ σημαίνει ἂν καὶ εἰ εἴη γεγραμμένον "ἀλλὰ τὴν ὕλην ἐν κινουμένῳ νοεῖν ἀνάγκη." Τινὲς δὲ "κινουμένην" γράφουσι, καὶ ἐξηγοῦνται τὴν λέξιν ὅτι οὐκ ἔστιν ἄπειρος ὡς τὰ ἐνερgeία ἄπειρα. Διὸ ἐκεῖνα μὲν ἄγνωστα, αὕτη δὲ ἄπειρος οὕσα λέγεται κατὰ τὸ ἀεὶ ἐν κινήσει ἢ μεταβολῇ

a 2. 994 b. καὶ τῷ μὴ ἔχειν οἰκεῖον σχῆμα ἢ τινα ποιότητα,

ἄλλοτε ἄλλο σχῆμα ἢ εἶδος λαμβάνειν ἢ μεταβάλλειν· οὕτω δὴ οὕσα ἄπειρος ὥς διὰ τὸ κινεῖσθαι συνειλεγμένη, τοιαύτην νοητὴ τέ ἐστι καὶ ἐπιστητή. Οὐ γὰρ ὁμοίως τοῖς ἀγνώστοις. Εἴη ἂν ἴσον τὸ εἰρημένον τῷ, ἀλλὰ τὴν ὕλην κινουμένην αἰεὶ καὶ ἐν ῥύσει καὶ διὰ τοῦτο ἄπειρον εἶναι λεγομένην, ὥσπερ καὶ τὴν γραμμὴν διὰ τὸ τὰς τομὰς νοεῖν ἀνάγκη, ἐπεὶ μὴ ἐκείνως ἐστὶν ἄπειρος. Ἡ "κινουμένην νοεῖν" λέγει ὥς κινουμένην καὶ ἐν ῥύσει καὶ τῇ τοιαύτῃ ἀπειρίᾳ οὕσαν· διὰ τοῦτο γὰρ ἡ ὕλη ἐπιστητή. Εἰπὼν δὲ ταῦτα ἐπιφέρει καθολικόν· "τῷ ἀλείφῳ οὐδενί ἐστιν εἶναι."

Русский перевод: «Но... необходимо». Что бесконечное по своей природе непознаваемо, он приводит в качестве признака материю, поскольку кажется, что и в своем определении она бесконечна, [исследуя] все, что по своей собственной природе не имеет свойственного предела. Итак, поскольку она такова, мы не имеем и науки о ней; мы познаем ее через нечто, движущееся; ибо она есть предмет мнения, а не науки, как, по словам Платона, познаваема незаконнорожденным рассуждением, а по Аристотелю — познаваема по аналогии и есть предмет мнения, как и это сказано в "Физике". То же самое означало бы, если бы было написано «но материю необходимо мыслить в движущемся». Некоторые же пишут «движущуюся» и объясняют выражение так, что она не бесконечна, как бесконечные в действительности. Поэтому те [вещи] непознаваемы, а она, будучи бесконечной, называется так из-за того, что всегда в движении или измене-

нии и не имеет собственной формы или какого-либо качества, но принимает или изменяет то одну форму, то другую; будучи же бесконечной таким образом, как бы собранной воедино из-за движения, она таким образом и мыслима, и познаваема. Ибо не подобным образом [она относится] к непознаваемым. Сказанное могло бы быть равнозначным: но материю, всегда движущуюся и текущую, и поэтому называемую бесконечной, подобно тому, как и линию необходимо мыслить через деления, поскольку она не есть бесконечная таким образом. Или «мыслить движущуюся» он говорит, как движущуюся и текущую, и находящуюся в такой бесконечности; ибо поэтому материя познаваема. Сказав же это, он прибавляет общее: «для бесконечного нет бытия ни у чего».

(A 2. 994 b)

Древнегреческий текст: "Εἰ --- εἶναι." Ὁ δὲ λέγει τοιοῦτόν ἐστιν. Ὡς περ ὁ ἄνθρωπος καὶ τὸ τί ἦν εἶναι διαφέρει, καὶ ἐπὶ πάντων ἐφ' ὧν τὸ πρᾶγμα σύνθετον --- τὸ γὰρ πρᾶγμα καὶ ὁ λόγος καὶ τὸ εἶδος· ὁ μὲν γὰρ ἄνθρωπος ἐξ ὕλης καὶ εἶδους, τῷ ἀνθρώπῳ εἶναι ἀπλοῦν· καὶ τὸ εἶδος ἐστιν αὐτῷ τὸ εἶναι ἀνθρώπῳ. Ἐπὶ μὲν τῶν ἀσωμάτων ταῦτόν ἐστι τὸ πρᾶγμα καὶ τὸ εἶναι αὐτῷ (ταῦτόν γὰρ ἡ ψυχὴ καὶ τὸ εἶναι ψυχῇ), ἐπὶ δὲ τῶν ἐν ὕλῃ τὸ εἶναι ἐχόντων διαφέρει. Εἰ οὖν τὸ ἄπειρον ἐνεργεῖα ἀγνωστόν ἐστιν, ἀλλὰ τῷ ἀπείρῳ αὐτὸ εἶναι οὐκ ἄπειρόν ἐστιν, ἀλλ' ἔστιν· ὁ γὰρ λόγος ὁ δηλῶν αὐτοῦ τὴν φύσιν καὶ τὸ εἶδος οὐκ ἄπειρος οὐδὲ ἀγνωστος. Εἰπὼν δὲ καὶ "ἀπείρῳ οὐδενὶ ἔστιν εἶναι,"

ὁ ἴσον ἐστὶ τῷ, τὸ ἄπειρον οὐκ ἐνεργεῖα εἶναι, ἐπήνεγκε "τὸ εἰ δὲ μή, οὐκ ἄπειρόν γε ἐστὶ, τῷ ἀπείρῳ" τουτέστι καθὸ γνωστόν ἐστὶ τὸ ἄπειρον (γνωστόν δέ ἐστὶ κατὰ τὸν λόγον), οὐκ ἄπειρον· οὐδὲ γὰρ τὸ ἄπειρον ἄγνωστον καθὸ ἄπειρον. Τὸ δὲ "ἢ ἀπείρῳ οὐδενὶ ἔστιν εἶναι" ἦτοι εἶπεν ἀντὶ τοῦ ἄπειρον οὐδέν ἐστιν ἐνεργεῖα, ἢ ὅτι οὐδέν ἐστὶ τῷ ἀπείρῳ λόγος ἐφαρμόζει, τῷ δηλονότι μηδὲν εἶναι ἄπειρον. Οὐδὲ γὰρ ἂν τεθείη ἐφαρμόζειν τινί, ἀλλ' αὐτός γε ὁ λόγος καθ' ὃν ἡ γνῶσις ἡ ἡμετέρα, οὐκ ἄπειρος. Οὐκέτι δὲ ὅτι μηδὲ τὰ ποιητικὰ αἷτια ἄπειρα ἰδίᾳ εἶναι φανερά· εἰ γὰρ μηδὲ τὰ γιγνόμενα ἄπειρα κατ' εἶδος, ἀλλ' ἀνακάμπτει, δῆλον ὡς πολὺ μᾶλλον οὐκ ἂν εἴη αὐτὰ τὰ ποιητικὰ αἷτια ἄπειρα. Ἀλλὰ μὴν καὶ εἰ ἄπειρά γε ἦσαν πλήθει τὰ εἶδη τῶν αἰτίων." Προθέμενος δεῖξαι ὅτι οὐκ ἔστιν ἄπειρα τὰ αἷτια μήτε εἰς εὐθυωρίαν μήτε ἐπὶ τὸ κάτω, ὅτι μηδὲ κατ' εἶδος οἷόν τε ἄπειρα εἶναι τὰ αἷτια νῦν.

Русский перевод: «Если... быть». Сказанное им таково. Как человек и его суть бытия различаются, и во всех [вещах], где вещь сложна — ибо вещь, и определение, и вид [различны]; человек, например, состоит из материи и вида, а бытие для человека просто; и вид есть для него бытие человеком. Для бестелесных [вещей] одно и то же — вещь и ее бытие (ибо одно и то же — душа и бытие душой), а для имеющих бытие в материи они различаются. Итак, если бесконечное в действительности непознаваемо, то по бесконечности быть [этим] не есть бесконечное, но оно есть; ибо определение,

выражающее его природу и вид, не бесконечно и не непознаваемо. Сказав же и «для бесконечного нет бытия ни у чего», что равнозначно тому, что бесконечное не существует в действительности, он прибавил: «если же нет, то оно не есть бесконечное по бесконечности», то есть поскольку бесконечное познаваемо (а познаваемо оно по определению), оно не бесконечно; ибо и бесконечное не непознаваемо, поскольку оно бесконечно. А «или для бесконечного нет бытия ни у чего» он сказал либо вместо «бесконечного ничто не существует в действительности», либо что ничто не соответствует определению бесконечного, так как, очевидно, ничто не бесконечно. Ибо не могло бы быть положено, что [определение] соответствует чему-то, но само определение, согласно которому наше знание [о нем], не бесконечно. Далее, что и производящие причины не бесконечны в отдельности, очевидно; ибо если и возникающее не бесконечно по виду, но возвращается, то ясно, что гораздо более сами производящие причины не могли бы быть бесконечными. Но, конечно, и если бы виды причин были бесконечны по множеству..." Поставив целью показать, что причины не бесконечны ни по прямой линии, ни вниз, теперь [он показывает], что и по виду невозможно, чтобы причины были бесконечны.

Глава XI. О том, что причины не бесконечны по виду (Книга А, Глава 2, продолжение)

(А 2. 994 b)

Древнегреческий текст: Λέγει, συγχρώμενος τῷ προειρημένῳ, τῷ τὰ ἄπειρα τὰ κατ' ἐνέργειαν ἄγνωστα εἶναι, τὰ δὲ κατ' εἶδος ἄπειρα, δηλονότι ἐνεργεία, ὥστε ἄγνωστα. Εἰ δὲ τὰ αἷτια ἢ αἱ ἀρχαί, δηλονότι ἄγνωστα καὶ τὰ ἐκ τούτων· τότε γὰρ εἰδέναι τι οἰόμεθα, ὅταν τὰ αἷτια αὐτοῦ γνωρίσωμεν. Ὡστε τοιαύτης οὔσης τῆς τῶν αἰτίων ἀπειρίας ἀναιρεῖται ἐπιστήμη, ἀναιρουμένης τῆς τῶν ἀρχῶν γνώσεως. Τὸ δὲ ἐξῆς εἰρημένον "τὸ δ' ἄπειρον κατὰ τὴν πρόσθεσιν οὐκ ἔστιν ἐν πεπερασμένῳ διεξελθεῖν" τοιοῦτόν ἐστιν. Πᾶσα νόησις περιληψίς τις, ὅσα τῷ νοουμένῳ ἐν πεπερασμένῳ γίγνεται χρόνῳ· τὸ δὲ ἄπειρον τῇ προσθέσει, τουτέστι κατ' ἐνέργειαν (ἔστι γὰρ τὸ κατ' ἐνέργειαν ἄπειρον, οὗ λαμβανόντων αἰεὶ τι ἔξω, καὶ ἐφ' ᾧ παντὶ τῷ λαμβανομένῳ ἔστι τι ἐκτός), τὸ δὴ οὕτως ἄπειρον οὐχ οἷόν τε ἐν πεπερασμένῳ χρόνῳ διεξελθεῖν· τὸ μὲν γὰρ δυνάμει καὶ διχοτομία οἷόν τε ἐν πεπερασμένῳ χρόνῳ διεξελθεῖν, τὸ δὲ ἐνεργεία καὶ τῇ προσθέσει ἀδύνατον, τῷ αἰεὶ τῷ περιληφθέντι ἢ νοηθέντι ἄλλο τι ὑπολειπόμενον προστίθεσθαι. Εἰ δὴ ὁ νοῦς ἂν νοεῖ

ἐν πεπερασμένῳ χρόνῳ νοεῖ τε καὶ διέξεισι, τὰ δὲ ἄπειρα ἀδύνατον ἐν πεπερασμένῳ χρόνῳ διεξελθεῖν τε καὶ νοῆσαι, τῷ ἀεὶ τι τοῖς περιειλημμένοις ἢ νενοημένοις προστίθεσθαι, οὐκ ἂν ὁ νοῦς νοοίῃ τὰ ἄπειρα. Αὐτὸς μὲν οὕτως ἐφοδεύσας ἔδειξεν ὅτι μὴ οἷόν τε ἄπειρα εἶναι τὰ αἷτια· ὁ δὲ ἡμέτερος Ἀριστοτέλης καὶ αὐτὸς ἐπιχειρῶν ἐδείκνυεν. Ἐπεὶ ἔστιν αἷτια τῶν ὄντων, ἥτοι πλείω ταῦτά ἐστιν ἢ ἓν. Ἀλλ' ἐν μὲν οὐχ οἷόν τε μόνον αἷτιον εἶναι τῶν ὄντων τε καὶ γινομένων, ὥς ἐν ἄλλοις δέδεικται· δεῖ γὰρ ὑποκειμένου τινὸς τῷ γιγνομένῳ καὶ τοῦ ποιοῦντος. Ἀλλὰ καὶ κατ' εἶδος δείκνυται τι γίγνεσθαι· ὥστε οὐκ ἂν ἐν εἴῃ τὸ αἷτιον. Πλείω ἄρα. Εἰ δὲ πλείω, ἥτοι πάντα ἄπειρα ἢ τινά, ἢ ἓν. Πάντα μὲν οὖν ἢ τινὰ ἄπειρα εἶναι ἀδύνατον· οὐ γὰρ οἷόν τε πολλὰ ἄπειρα εἶναι. Ἀλλ' οὐδὲ ἐν μὲν ἄπειρον, τὰ ἄλλα δὲ πεπερασμένα λέγειν οἷόν τε· τὸ γὰρ ἄπειρον πανταχῇ ὄν ἄλλῳ παρείσδυσιν, εἴτε ἀπείρῳ εἴτε πεπερασμένῳ, οὐ δίδωσιν. Ἀλλὰ μὴν οὐδ' εἰ ἐν μόνον αἷτιον εἴῃ, οἷόν τε τοῦτο ἄπειρον εἶναι· οὐδενὸς γὰρ ἔσται αἷτιον· οὐ γὰρ ἔξει χώραν ᾧ ἐστὶν αἷτιον, τῷ αἷτιον ὄντος πανταχῇ. Δῆλον γὰρ ὥς ἄπειρον ὄν ποσὸν τι ἔσται κατ' αὐτὸ τοῦτο, εἴτε κατὰ τὸ ποσὸν εἴτε πανταχῇ εἴτε μὴ κατὰ χρόνον. Δοκεῖ δὲ ἡ ἐπιχείρησις ἔχειν μὲν τι διαλεκτικὸν καὶ εἶναι λογική, οὐ μὴν ὁμοίως οἰκεία τοῖς προειρημένοις εἶναι.

Σημείωσις· δεῖ δὲ προθεῖναι ὅτι μήτε κατ' εἶδος, καὶ δείξας ὅτι μὴ ἐστὶν ἄπειρα εἰς εὐθυωρίαν.

Русский перевод: Он говорит, используя ранее сказан-

ное, что бесконечные в действительности [вещи] непознаваемы, а бесконечные по виду — очевидно, в действительности — так что непознаваемы. Если же причины или начала [непознаваемы], то, очевидно, непознаваемы и то, что из них [происходит]; ибо мы считаем, что знаем нечто, когда познаем его причины. Так что при такой бесконечности причин уничтожается наука, поскольку уничтожается знание начал. А следующее сказанное «бесконечное же по прибавлению невозможно пройти в конечное время» таково. Всякое мышление есть некоторое охватывание, поскольку оно происходит в конечное время; бесконечное же по прибавлению, то есть в действительности (ибо бесконечное в действительности есть то, у чего, сколько бы мы ни взяли, всегда есть нечто вне, и для всего взятого есть нечто внешнее), такое бесконечное невозможно пройти в конечное время; ибо то, что в возможности и через деление пополам, можно пройти в конечное время, а в действительности и через прибавление — невозможно, поскольку к охваченному или помысленному всегда прибавляется нечто остающееся. Если же ум мыслит и проходит то, что мыслит, в конечное время, а бесконечное невозможно пройти и помыслить в конечное время, поскольку к охваченному или помысленному всегда прибавляется нечто, то ум не мог бы мыслить бесконечное. Итак, он, пройдя таким образом, показал, что невозможно, чтобы причины были бесконечны. А наш Аристотель и сам, пытаясь [доказать], показывал. Поскольку существуют причины

сущего, их либо много, либо одна. Но одна не может быть единственной причиной сущего и возникающего, как доказано в других [книгах]; ибо нужен некоторый субстрат для возникающего и производящее. Но и по виду показывает, что нечто возникает; так что причина не могла бы быть одной. Значит, их много. Если же много, то либо все бесконечны, либо некоторые, либо одна. Итак, все или некоторые быть бесконечными невозможно; ибо невозможно, чтобы было много бесконечных. Но нельзя сказать, что одно бесконечно, а другие конечны; ибо бесконечное, существуя повсюду, не допускает внедрения другого, будь то бесконечного или конечного. Но, конечно, и если бы была только одна причина, невозможно, чтобы она была бесконечной; ибо она не была бы причиной ничего, так как не имела бы места для того, чему она причина, поскольку она причина повсюду. Ибо ясно, что, будучи бесконечным, она будет некоторым количеством в этом самом отношении, будь то по количеству, или повсюду, или не по времени. Кажется, что это рассуждение имеет нечто диалектическое и логично, но не столь же свойственно ранее сказанному.

Примечание: нужно предпослать, что [причины не бесконечны] ни по виду, и, показав, что они не бесконечны по прямой линии.

Глава XII. О том, что слушатели должны быть подготовлены (Книга А, Глава 3)

(А 3. 994 b – 995 a)

Древнегреческий текст: (3) "Αἱ --- συμβαίνουσιν." Διὰ τούτων ἡμᾶς διδάσκει τίνες τῶν τοιούτων λόγων εἶναι δέοντα, καὶ ὅτι πεπαιδεῦσθαι δεῖ καὶ ἡσκήσθαι ἄκρως τοὺς ἐσομένους τῶν λόγων. Αἱ γὰρ ἀκροάσεις γίνονται κατὰ τὴν ἰδίαν τῶν ἐθῶν ἕξιν· οἷς γὰρ συνειθίσμεθα, τούτοις ἀξιοῦμεν καὶ τὰ λεγόμενα συμφωνεῖν, τὰ δὲ παρὰ τὰ συνήθη ἡμῖν τῶν λεγομένων ἀγνωστότερα φαίνεται τῷ ξένῳ εἶναι, διὸ καὶ τὸ "ἔτι τὰ λεγόμενα, ὥς τὰ παρὰ ταῦτα οὐχ ὅμοια φαίνεται." Καὶ δὲ τὸ ἔτι περιττὸν εἶναι. Εἰ δὲ εἴη γεγραμμένον, λείποι ἂν τὸ ἔτι τὸ λεγόμενον ἄλλως· τὸ γὰρ ἄλλως λέγεσθαι τινα, ὥς μὴ εἰθίσμεθα ἀκούειν, διὰ τὸ παρὰ ταῦτα, ἀγνωστότερα ποιεῖ τὰ λεγόμενα. Τοῦτο εἰπὼν καὶ δείκνυσι πόσῃν ἰσχύϊ ἔχει τὰ συνήθη. Πολλὰ γὰρ οἱ νομοθέται μυθώδη κατασκευάζοντες διὰ τὸ χρήσιμα εἶναι πιστεύουσιν οὕτως ἔχειν, ἔχουσι πεπεισμένως τεθραμμένως τῷ νόμῳ διὰ τὴν τῶν λεγομένων συντροφίαν, οἷον ὅτι αὐτόχθονές τινες ἐγένοντο ἐκ τῆς γῆς φύντες, ἢ ἄλλοι ὅτι ἐξ ὀδόντων σπαρέντων ἄνδρες, ἢ διὰ τοῦτο χρή ὑπερμαχεῖν ὥς μητρὸς τῆς γῆς, ἢ ὅτι θεοὶ περὶ πόλεως

ἤρισαν· οὕτως ἀξιοσπούδαστά ἐστιν. Τὸ δὲ "μεῖζον ἰσχύει τὸ γινώσκειν τούτων διὰ τὸ ἔθος" ἴσον ἐστὶ τῷ μεῖζον ἰσχύει τῆς περὶ αὐτὰ ἀληθείας, ἢ γὰρ τὴν ἀλήθειαν γνῶσις. Εἰπὼν δὲ ταῦτα καὶ ἐνδειξάμενος διὰ τούτων τὴν τῶν ἐθνῶν ἰσχύν, ἐπὶ τούτοις λέγει τὰς διαφορὰς τῶν ἀκροατῶν, ἃς δεῖ ἔθῃ ἔχειν πρὸς ἀλλήλους. Οἱ μὲν τοῖς μαθήμασιν εἰθισμένοι μαθηματικῶν τῶν λεγομένων πάντων τὰς ἀκριβεῖς ἀποδείξεις ἀπαιτοῦσιν, ἢ τῶν ἄλλως λεγομένων οὐκ ἀποδέχονται· οἱ δὲ διὰ παραδειγμάτων ἐθιωμένοι μανθάνειν τοῖς τοιούτοις λόγοις ἡδονταί· οἱ δὲ τοῖς ποιήμασι χαίροντες, τούτοις σύντροφοι, οὐκ ἀποδέχονται τοὺς λέγοντας, ἂν μὴ ὡς ποιητὴν τῶν λεγομένων παράσχωνται μάρτυρα· οἱ δὲ πάντα ἀκριβῶς ἐξετάζουσιν· εἰσὶ δὲ οἱ τῇ ἀκριβολογίᾳ ἀχθόμενοι, διὰ τὸ μὴ δύνασθαι ἐπακολουθεῖν (τοῦτο γάρ ἐστι τὸ "συνεῖρειν"), ἀλλὰ κάμνειν, ἢ διὰ τὸ προειληφέναι ὅτι τὸ ἄκρως ἀκριβολογεῖσθαι μικρολογία· τοῦτο γάρ ἐστι καὶ ἡ μικρολογία. Τοιαύτην γάρ τινα φαντασίαν ἀποτελεῖ ἢ ἄγαν τῶν λεγομένων ἀκρίβεια, ἀπὸ τῶν συναλλαγμάτων καὶ τῆς περὶ τὰ ἐν τοῖς συναλλάγμασιν ἀκριβείας σπάσασα τήνδε τὴν δόξαν· ἀνελεύθερον γάρ τισιν ἤδη δοκεῖ τὸ ἐν τοῖς λόγοις ἄγαν ἀκριβές, ὡς περὶ τῶν μικρῶν ἐξεταστικόν, ὥσπερ καὶ ἐν τοῖς συναλλάγμασι. Προειπὼν δὲ ταῦτα καὶ δείξας τὴν τῶν ἐθνῶν

a 3. 995 a. ἰσχύν, καὶ διότι κατ' οἰκειότητα τὴν κατὰ τὰ ἔθῃ τὰ λεγόμενα ἀποδέχονται, ἐπιφέρει "διὸ δεῖ πεπαιδεῦσθαι πῶς ἕκαστα ἀποδεκτέον," ἴσον λέγων τῷ καὶ αὐτῷ. Ἐν

τοῖς Ἡθικοῖς εἰρημένῳ τῷ πεπαιδευμένῳ γάρ ἐστιν ἐπὶ τοσοῦτον τὰκριβὲς ἐπιζητεῖν καθ' ἕκαστον γένος, ἐφ' ὅσον ἢ τοῦ πράγματος φύσις ἐπιδέχεται, ὃ διὰ τῶν Ὑστέρων Ἀναλυτικῶν δείκνυται, ἐνδεικνύμενος ἡμῖν ὅτι καθόλου δεῖ πεπαιδεῦσθαι καὶ εἰδέναι πῶς χρή τῶν λεγομένων ἀκούειν ἐκάστῳ (οὐ γὰρ πάντα ὅμοια, οὐδὲ ἴσην τὴν ἀκρίβειαν ἐπιδεχόμενα), ἐξαιρέτως δὲ τοὺς τούτων τῶν ῥηθησομένων ἀκούοντας (οὐ γὰρ ἐστιν αἰσθητὰ ἢ περὶ αἰσθητῶν, οὐδὲ συνήθη τε καὶ ἐν ποσί). Ταῦτα δὲ λέγων ἐνδείκνυται ἡμῖν ὅτι δεῖ πρῶτον ἐν τοῖς ἀναλυτικοῖς ἐγγυμνάζεσθαι καὶ τοῖς λογικοῖς ὅλως, καὶ εἰδέναι τοὺς τρόπους τῶν ἀποδείξεων καὶ τὰς τῶν λόγων συναγωγάς· ἄτοπον γὰρ ἅμα ζητεῖν ἐπιστήμην τινός, καὶ περὶ αὐτῆς τῆς ἐπιστήμης ζητεῖν τίνα τρόπον γίγνεται καὶ ἀναλαμβάνεται· οὐδὲ γὰρ τὸ ἕτερον ἤδη τούτων εὐρίσκεται ῥάδιον. Ὅπερ δὲ εἶπε καὶ αὐτὸς ἐν τῷ πρώτῳ τῶν Νικομαχείων Ἡθικῶν λέγων πῶς ἐκείνους τοὺς λόγους ἀποδέχεσθαι δεῖ (εἶπε γὰρ "παραπλήσιον γὰρ μαθηματικοῦ πιθανολογοῦντος ἀποδέχεσθαι, καὶ ῥητορικοῦ ἀποδείξεις ἀπαιτεῖν"), τοῦτο καὶ νῦν λέγει. Τὴν ἀκριβολογίαν γὰρ φησι τὴν μαθηματικὴν οὐκ ἐν ἅπασιν ἀπαιτητέον, ἀλλ' ἐν τοῖς αὐτοῖς, ὁποῖα ἐστὶ τὰ ἐξ ἀφαιρέσεώς τε καὶ μαθηματικά, ἴσως ἐνδεικνύμενος ἡμῖν ὅτι τοιαύτης ἀκριβολογίας χρεία καὶ πρὸς τὰ παρόντα· περὶ αὐτῶν γὰρ καὶ περὶ τῶν πρώτων ἀρχῶν ὁ λόγος καὶ ὁ συνήθης. Τὸ δὲ "διόπερ ὥς φυσικὸς ὁ λόγος" ἦτοι λέγει ὅτι ἀκριβής· προεῖρηκε γὰρ τοῦτο. Γράφεται δὲ καὶ "ὁ

τρόπος," καὶ εἶη ἂν ὁ λόγος ὡς καὶ φυσικοῦ. Ἡ τὸ λεγόμενον τοιοῦτόν ἐστιν. Τὰ φυσικὰ δοκεῖ πάντα σὺν ὕλῃ εἶναι, ἅυλα δὲ τὰ μαθηματικά, διὸ καὶ ἀκριβολογίαν ἐπιδέχεται, τὰ δὲ φυσικὰ οὐχ ὁμοίως. Οἱ δὴ περὶ τῶν μαθηματικῶν λόγοι περὶ τῶν ἀϋλῶν ὄντες οὐκ εἰσὶ φυσικοί. Οὐ γὰρ τοσαύτην ἀκριβολογίαν τὰ φυσικὰ ὄντα γε σὺν ὕλῃ χωρεῖ. Δύναται δὲ καὶ περὶ τῶν προκειμένων λόγων λέγειν, ὅτι οὐκ εἰσὶ φυσικοί· ἅυλα γὰρ περὶ ὧν λέγειν ἡμῖν πρόκειται, καὶ ἀκριβεστέρων λόγων ἢ κατὰ φυσικὰ δεόμενα. Τὸ δὲ "ἴσως" τῷ "ἅπαντα γὰρ φύσις ἔχει ὕλην" προσέθηκεν, ἐπεὶ καὶ τὸ κυκλοφορικὸν σῶμα φυσικὸν μέν, οὐ μὴν ὕλῃ τῷ τούτῳ ὑποκείμενον. Τὸ δὲ ἐξῆς εἰρημένον ἐπ' αὐτῷ "διὸ σκεπτέον πρῶ-

a 3. B 1. 995 a. τον τί ἐστιν ἡ φύσις· οὕτω γὰρ καὶ περὶ τίνων ἡ φυσική, δῆλον ἔσται." Εἰ ἀπλῶς οὕτως εἶη εἰρημένον ὡς δοκεῖ, δεικτικὸν ἂν εἶη τοῦτο τὸ βιβλίον οὐ τῆς Μετὰ τὰ Φυσικὰ εἶναι πραγματείας, ὡς καὶ ἀρχόμενοι αὐτοῦ ἐπεσημηνάμεθα, ἀλλὰ προγραφόμενόν τι πάσης τῆς θεωρητικῆς φιλοσοφίας, ἥς ὡς πρὸς ἡμᾶς πρώτη ἡ φυσική, ἣν ὁποῖα τίς ἐστι καὶ περὶ τίνων, εὔροιμεν ἂν εἰ πρῶτον τί ποτέ ἐστιν ἡ φύσις ἐπισκεψαίμεθα. Εἰ δέ τις ἀκούει τὸ λόγον οὕτως εἰρημένον πρὸς διάκρισιν τῶν τε φυσικῶν λόγων καὶ τῶν κατὰ τήνδε τὴν πραγματείαν (ὁ γὰρ ἐπεσκεμμένος πρῶτον τί ἐστι φύσις, καὶ εἰδὼς περὶ τίνων ἡ φυσική, οἶδεν οὗτος ὅτι οἶδε οἱ λόγοι οὐ φυσικοί, ἀλλ' ἀκριβέστεροί τε καὶ περὶ ἀϋλῶν), οὐχ ὅτι

δὲ χρὴ νῦν ἐπισκέπτεσθαι τί ἐστὶ φύσις λέγοι ἄν, ἀλλ' ὅτι πρὸ τῆσδε τῆς πραγματείας δεῖ περὶ τῶν φυσικῶν πεπραγματεῦσθαι· αὕτη γὰρ ἡ τάξις τῶν πραγματειῶν, καὶ ὁ ἐν τῇ περὶ ἐκείνων θεωρίᾳ γεγυμνασμένος οὕτως ἂν καὶ τοῖς εἰς τήνδε συντείνουσι παρακολουθεῖν δύναιτο. "Αἱ δὲ ἀκροάσεις κατὰ τὰ ἔθνη συμβαίνουσιν." Ἔστι μὲν ἡ λέξις ἐξ ὧν ὑπεμνηματίσμεθα, δύναται δὲ καὶ οὕτως ἑξακούεσθαι. Προειπὼν ὅτι ἡ γνῶσις καὶ αἱ μαθήσεις ἐκ προγινωσκομένων (ὧν γὰρ τὰ αἴτια ἄγνωστα, καὶ αὐτὰ τοιαῦτα), εἰς πίστιν τοῦ ἐκ τῶν προγινωσκομένων γίγνεσθαι τὰς γνώσεις παρέθετο τὸ κατὰ τὰ ἔθνη καὶ τὰς ἀκροάσεις γίγνεσθαι, καὶ οὕτως ἕκαστον τῶν λεγομένων ἀκούειν βούλεται, ὥς προσειθίσθαι, ὥς κατ' οἰκειότητα καὶ τὸ προειδέναι διὰ τὰ ἔθνη ἀποδεχομένων τὰ λεγόμενα τῶν ἀκουόντων.

Русский перевод: (3) «Слушания... происходят». Через это он учит нас, какими должны быть [слушатели] таких рассуждений, и что те, кто будет слушать их, должны быть образованными и хорошо подготовленными. Ибо слушания происходят в соответствии с собственным навыком привычек; ибо к чему мы привыкли, тому мы требуем, чтобы и сказанное соответствовало, а то, что противоречит нашим привычкам, кажется более непонятным из-за своей чуждости; поэтому и [сказано]: «еще сказанное, как то, что противоречит этому, кажется не подобным». И "еще" было бы излишним. Если же это написано, то "еще" означало бы, что сказанное

иначе; ибо когда что-то говорится иначе, чем мы привыкли слышать, из-за того, что это противоречит [привычкам], это делает сказанное более непонятным. Сказав это, он показывает, какую силу имеют привычки. Ибо законодатели, создавая многое из мифического, потому что это полезно, верят, что оно так и есть, будучи убеждены и воспитаны законом через привычку к сказанному, например, что некоторые были автохтонами, рожденными из земли, или другие — что из посеянных зубов возникли мужи, или поэтому нужно сражаться за землю как за мать, или что боги спорили о городе; столь важными они кажутся. А «большую силу имеет знание этого через привычку» равнозначно тому, что большую силу имеет [знание] об истине в них; ибо знание есть познание истины. Сказав же это и показав через это силу привычек, он затем говорит о различиях слушателей, которые должны иметь привычки по отношению друг к другу. Одни, привыкшие к математическим [наукам], требуют точных доказательств для всего сказанного, иначе они не принимают сказанное; другие, привыкшие учиться через примеры, радуются таким рассуждениям; третьи, любящие поэзию и воспитанные на ней, не принимают говорящих, если те не приводят поэта в качестве свидетеля сказанного; четвертые же все тщательно исследуют; есть и те, кому докучает точность рассуждений, потому что они не могут следить за ними (это и есть "связывать"), но устают, или потому что они заранее считают, что чрезмерная точность есть мелочность; это

и есть мелочность. Ибо чрезмерная точность в речах создает такое представление, заимствуя это мнение из торговых сделок и точности в них; ибо чрезмерная точность в речах уже кажется некоторым несвободной, как исследующая мелочи, подобно тому, как и в сделках. Сказав же это и показав силу привычек, и что они принимают сказанное по свойству своих привычек, он прибавляет: «поэтому должно быть образованным, чтобы знать, как следует принимать каждое [сказанное]», говоря равнозначное тому, что и сам он сказал в "Этике": ибо образованному свойственно в каждом роде искать точность настолько, насколько позволяет природа предмета, что показано через "Аналитики", указывая нам, что вообще должно быть образованным и знать, как следует слушать сказанное каждому (ибо не все подобно и не все допускает одинаковую точность), и особенно тем, кто будет слушать то, что будет сказано [здесь] (ибо это не чувственное или о чувственном, не привычное и не обыденное). Говоря же это, он показывает нам, что сперва нужно упражняться в аналитиках и вообще в логике, и знать способы доказательств и выводы рассуждений; ибо нелепо одновременно искать науку о чем-то, и искать, каким образом она возникает и приобретает; ибо ни то, ни другое не находится легко. То же, что он сказал и в первой книге "Никомаховой этики", говоря, как следует принимать те рассуждения (ибо сказал: «подобно тому как принимать вероятные рассуждения от математика и требовать доказательств от риторика»), он говорит

и теперь. Ибо он говорит, что математической точности не следует требовать во всем, но в бестелесном, каковы [вещи], получаемые через отвлечение и математические, возможно, показывая нам, что такая точность нужна и для настоящего [исследования]; ибо речь идет о бестелесном и о первых началах. А «поэтому как естественнонаучное рассуждение» — он говорит либо что оно точно; ибо он сказал это ранее. Пишется и «способ», и это рассуждение было бы [таким], как и естественнонаучное. Или сказанное таково. Все естественное, кажется, существует с материей, а математическое — бестелесно, поэтому оно и допускает точность, а естественное — не подобным образом. Итак, рассуждения о математическом, будучи о бестелесном, не являются естественнонаучными. Ибо естественное, будучи с материей, не допускает столь большой точности. Можно сказать и о предложенных рассуждениях, что они не естественнонаучны; ибо мы намерены говорить о бестелесном и нуждаемся в более точных рассуждениях, чем естественнонаучные. А «возможно» он прибавил к «ибо всякая природа имеет материю», поскольку и тело, движущееся по кругу, есть естественное, но не имеет материи как субстрата для него. А следующее сказанное после этого «поэтому следует сперва рассмотреть, что такое природа; ибо тогда и о чем [говорит] физика, будет ясно». Если бы это было сказано просто, как кажется, то это было бы указанием на то, что эта книга не принадлежит к учению "Метафизики", как мы отметили и в начале ее, но является

некоторым введением ко всей теоретической философии, из которой для нас первой является физика, какова она и о чем [говорит], мы могли бы узнать, если бы сперва исследовали, что такое природа. Если же кто-то понимает это рассуждение как сказанное для различения естественнонаучных рассуждений и рассуждений согласно этому учению (ибо тот, кто сперва исследовал, что такое природа, и знает, о чем физика, знает, что эти рассуждения не естественнонаучны, но более точны и о бестелесном), то он говорит не о том, что нужно теперь исследовать, что такое природа, но что прежде этого учения нужно было заниматься физическими [предметами]; ибо таков порядок учений, и тот, кто упражнялся в теории о них, мог бы таким образом следить и за тем, что относится к этому [учению]. «Слушания же происходят в соответствии с привычками». Это выражение из того, что мы прокомментировали, но его можно понять и так. Сказав ранее, что знание и учения происходят из предварительного знания (ибо то, причины чего непознаваемы, и само таково), для подтверждения того, что знания происходят из предварительного знания, он привел [пример] того, что [слушания] происходят в соответствии с привычками и слушаниями, и хочет, чтобы каждое из сказанного слушали так, как привыкли, так что слушатели принимают сказанное по свойству и предварительному знанию через привычки.

Книга В

Глава XIII. Начало Книги В: О необходимости предварительного рассмотрения трудностей (Книга В, Глава 1)

(В 1. 995a)

Древнегреческий текст: ΕΙΣ ΤΟ В.

ΕΙΣ ΤΟ

В. 995a. "Ανάγκη πρῶτον." ἡ ἐπιζητουμένη ἐπιστήμη καὶ προκειμένη νῦν αὕτη ἐστὶν ἡ σοφία τε καὶ ἡ θεολογική, ἦν καὶ Μετὰ τὰ Φυσικὰ ἐπιγράφει τῷ τῇ τάξει μετ' ἐκείνην εἶναι πρὸς ἡμᾶς. λέγει δὲ αὐτὴν καὶ πρώτην σοφίαν, ὅτι τῶν πρῶτων καὶ τιμιωτάτων ἐστὶ θεωρητική. διὸ τὸ αὐτὸ δὲ τοῦτο καὶ θεολογική· περὶ γὰρ τὸ αἷτιον καὶ εἶδος, ὃ πάντῃ ἄνυλόν ἐστιν οὐσία κατ' αὐτόν, ἦν καὶ πρῶτον θεὸν καὶ νοῦν καλεῖ, ὃ λόγος ἐν τούτοις προηγουμένως αὐτῷ γίνεται. φησὶ δὲ ἀναγκαῖον εἶναι πρὸς τὴν εὕρεσιν τῆς τε ἐπιστήμης αὐτῆς καὶ τῶν κατὰ τὴν ἐπιστήμην ταύτην ζητουμένων πρῶτον ἐπελθεῖν καὶ ἐξαριθμήσασθαι περὶ ὧν ἀπορῆσαι δεῖ πρῶτον, εἶτα ἀπορῆσαι περὶ αὐτῶν· καὶ οὕτως

ποιεῖ. δύναται τις ἀκοῦσαι καὶ καθολικώτερον τὸ εἰρημένον
περὶ ὧν ἀπορῆσαι δεῖ πρῶτον διὰ τὸ καὶ τούτων ἢ τῶν
ἐπιστημῶν εὗρεσις· εἰ δὲ πρὸς πᾶσαν, καὶ τὴν προκειμένην.
τίνα δὲ δεῖ ἀπορεῖν καθ' ἐκάστην ἐπιστήμην προσέθηκε διὰ
τοῦ "ταῦτα δὲ ἐστὶν ὅσα τε περὶ αὐτῶν ἄλλως ὑπειλήφασιν
τινες." τοῦτο δ' ἂν σημαίνοι ἢ τὸ μὴ προσηκόντως ἢ
δεόντως ἀλλὰ διημαρτημένως, ἢ ὅτι ἄλλοι ἄλλως· ταῦτα
γὰρ μάλιστα ἀπορίας παρέχει, περὶ ὧν προκαταβέβληνται
διάφοροι δόξαι ὑπὸ τῶν πραγματευσαμένων περὶ αὐτά· ἢ
ὅσα παρεώραται ὑπὸ τῶν πρόσθεν, καίπερ ἀναγκαῖα ὄντα
γινώσκεσθαι. ὥς δὲ καὶ περὶ τούτων διαπρησόμενος λέγει.
εἰπὼν δὲ ἀπορῆσαι δεῖν, ἐξῆς καθόλου κατασκευάζει τε
καὶ δείκνυσιν ὅτι χρήσιμον πᾶσι τοῖς πραγματευσομένοις
περί τινος πρὸς τὴν τῶν ζητουμένων εὗρεσιν τὸ πρῶτον
περὶ αὐτῶν διαπορεῖν· ἢ γὰρ εὐπορία καὶ ἡ εὗρεσις
αὐτῶν καὶ κατασκευὴ ἐκ τῆς εὐρέσεως τῶν ἠπορημένων
ῥηται. εἴη δὲ ἂν καταλληλότερον, εἰ ἀντὶ τοῦ "ἔστι δέ"
εἴη γεγραμμένον "ἔστι γὰρ"· ἢ γὰρ ὕστερον εὐπορία λύσις
τῶν προειρημένων ἀπόρων ἐστίν. ἴσον δὲ ἐστὶ τοῦτο τῷ ἢ
λύσις τῶν προηπορημένων αἰτία τῆς ὕστερον γιγνομένης
εὐπορίας. ἢ οὕτως· ἢ ὕστερον εὐπορία γιγνομένη ἐκ τῆς
λύσεως τῶν πρώτων ἠπορημένων γίγνεται. ἔστι δὲ αὐτῷ
τῆς προκειμένης πραγματείας ἐντεῦθεν ἡ ἀρχή· καὶ γὰρ
τῶν ἀναγκαίως συντεινόντων εἰς τὰ προκείμενα ἐνταῦθα
λέγειν ἄρχεται· ἃ δὲ ἐν τοῖς πρώτοις εἴρηται, προλεγόμενα
ἂν εἴη αὐτῆς καὶ εἰς τὴν προκατάστασιν συντελοῦντα. διὸ

τισιν ἔδοξε τῆς Μετὰ τὰ Φυσικὰ πραγματείας τοῦτο εἶναι πρῶτον.

Русский перевод: К КНИГЕ В.

В. 995а. «Необходимо сначала». Искомое и предлагаемое теперь учение есть мудрость и теологическое [учение], которое он называет "Метафизикой", поскольку по порядку оно следует за [физикой] для нас. Он называет ее и первой мудростью, потому что она созерцает первые и наиболее ценные [вещи]. Поэтому же она и теологическая; ибо речь у него в этих [книгах] идет преимущественно о причине и виде, которая, по его мнению, есть целиком бестелесная сущность, которую он называет и первым богом, и умом. Он говорит, что необходимо для нахождения как самого этого учения, так и того, что исследуется согласно этому учению, сперва пройти и перечислить то, относительно чего нужно сперва затрудниться, затем затрудниться относительно них; и так он и делает. Можно понять сказанное и более обще: «относительно чего нужно сперва затрудниться», поскольку и от этого зависит нахождение наук; если же [это относится] ко всякой [науке], то и к предлагаемой. Что же нужно ставить под вопрос в каждой науке, он прибавил через «это же есть все то, что относительно них иначе предположили некоторые». Это может означать либо [то, что они предположили] несоответственно или недолжным образом, но ошибочно, либо что одни — так, другие — иначе; ибо это особенно вызывает затруднения, о чем уже высказаны различные мнения теми, кто за-

нимался этим; либо то, что было упущено предшественниками, хотя и необходимо для познания. И он говорит, что намерен разобрать и это. Сказав же, что нужно затрудняться, далее он вообще устанавливает и показывает, что полезно для всех, кто намерен заниматься чем-то, для нахождения искомого, сперва ставить вопросы об этом; ибо возможность решения и нахождения их и установления зависит от нахождения того, в чем были затруднения. Было бы более правильно, если бы вместо «есть же» было написано «ибо есть»; ибо последующая возможность решения есть разрешение предшествующих затруднений. Это равнозначно тому, что разрешение предварительно поставленных вопросов есть причина последующей возможности решения. Или так: последующая возможность решения возникает из разрешения первых затруднений. Отсюда у него начинается предлагаемое учение; ибо и то, что необходимо относится к предлагаемому, он начинает говорить здесь; а что сказано в первых [книгах], было бы введением к нему и служило бы к предварительному установлению. Поэтому некоторым показалось, что это есть начало "Метафизики".

Глава XIV. О пользе предварительного рассмотрения трудностей (Книга В, Глава 1)

(В 1. 995a)

Древнегреческий текст: "τὸν δεσμόν." εἰ ἡ εὕρεσις καὶ κατασκευὴ τῶν ζητουμένων ἡρτῆται τῆς τῶν ἀπορουμένων λύσεως, λύειν δὲ οὐχ οἷόν τε δεσμόν τινα μὴ πρότερον αὐτὸν γνόντα, τουτέστι καθὸ δέδεται (πῶς γὰρ ἂν λύσαι τις κατ' ἐπιστήμην ὃν μὴ οἶδε δεσμόν;), δεσμός δὲ ἐν τοῖς ζητούμενοις ἢ τῆς διανοίας ἀπορία (ἢ γὰρ δεσμουμένη διάνοια δέδεται ἐπὶ τοῦ πράγματος), ἀναγκαῖον πρῶτον τὸ περὶ τῶν μελλόντων δείκνυσθαι ἀπορεῖν, εἷγε καὶ εὐρεῖν ἐκ τοῦ λύειν τὰ ἡπορημένα, λύειν δὲ οὐχ οἷόν τε μὴ εἰδότας πῶς ἡπόρηται. "ἢ γὰρ τῆς διανοίας ἀπορία δηλοῖ τοῦτο περὶ τοῦ πράγματος." ἴσον ἐστὶ τῷ ἐν τῷ "ἀλλ' ἢ τῆς διανοίας ἀπορία δηλοῖ τὸν δεσμόν ὃν ἐν τῷ πράγματι ἔχει." ἀκούσας δὲ δεσμόν τὴν ἀπορίαν, καὶ τί ὅμοιον ἐστὶ δεσμῷ ἐπήνεγκε· καθάπερ γὰρ ὁ δεσμός τῆς εἰς τὸ πρόσθεν καὶ εἰς τὸ προκείμενον προόδου τε καὶ πορείας κωλυτικός, τοῦτο δὲ καὶ ἡ ἀπορία ποιεῖ· ἢ γὰρ διάνοια εἰς τὸ πρόσθεν προῖέναι κωλύεται διὰ τὴν περὶ τοῦ πράγματος ἀπορίαν.

"ἀδύνατον δὲ πρόσθεν." πρότερος μὲν ὅτι ὁ ἀπορῶν οὐ δύναται εἰς τὸ πρόσθεν καὶ τὸ προκείμενον αὐτοῖς

ὁδεύειν διὰ τὸ μὴ γνωρίζειν τὸν δεσμόν, εἰ μέλλει τις λύσειν αὐτόν, οὗ φησιν εἶναι προαπορεῖν, καὶ διὰ τὸ τοὺς χωρὶς τοῦ διαπορεῖν ζητοῦντας εἰσικέναι τυφλοῦ πορείαις· οὐκ ἔχουσι γὰρ σκοπὸν οἱ χωρὶς τοῦ ἐπεσκέφθαι τὰ ἡπορημένα περὶ τῶν ζητουμένων λέγοντες περὶ αὐτῶν, πρὸς ὃν χρὴ τὰ λεγόμενα συνείρειν τε καὶ συντείνειν. ὁδηγεῖ γὰρ τὰ προειρημένα τοὺς ἀποροῦντας· πρὸς ὃ καὶ τὰς ζητήσεις ποιοῖντο καὶ τοὺς λόγους· οἱ δὲ χωρὶς τοῦ ἀπορῆσαι περί τινων, οὐκ εἰδότες περὶ ὧν δεῖ ζητεῖν ζητοῦσι. προστίθησι δὲ περὶ τοὺς ζητοῦντας περί τινος μηδέποτε εἰ εὐπόρηταί τι καὶ τέλος ἐπικείμενον γνωρίζειν δύνασθαι· οὗ αἰτίαν ἀποδέδωκε τὸ τοῖς οὕτω ζητοῦσιν τοῦ τέλους μὴ εἶναι γνώριμον τὸ τέλος τοῦ ζητουμένου· διὰ τοῦτο καὶ εἶναι αὐτοὺς ὁμοίως τοῖς ποῖ βαδίζειν ἀγνοοῦσιν, οἷς ἀγνοεῖται καὶ αὐτοῖς δὲ οὐδ' εἴ ποτε εὔρηται γνώριμον καὶ τέλος καὶ ὁ σκοπός· ἡ γὰρ τῶν ἀπορουμένων περί τινα λύσις τὸ τέλος τε καὶ εὔρεσις αὐτοῦ. προστίθησι τοῖς προειρημένοις καὶ ἄλλην αἰτίαν τοῦ τὸ προαπορεῖν ἀναγκαῖον εἶναι· ἔστι γὰρ ὅτι ὥσπερ ἐν ταῖς κρίσεσιν ἄμεινον κρίνουσιν οἱ ἀμφοτέρων τῶν ἀντιλεγόντων ἀκούσαντες ἢ μὴ μόνου θατέρου, οὕτως καὶ ἐπὶ τῶν ζητουμένων βεβαιότερα ἢ κρίσις ἢ περὶ αὐτῶν γίγνεται, εἰ πάντα τις τὰ ἀπορού-

B 1. 995b. μενα καὶ λέγεσθαι πρὸς τὴν κατασκευὴν αὐτῶν καὶ θέσιν προεπέλθοι τε καὶ λύσαι. διὰ δὲ τῶν προειρημένων περὶ τοῦ δεῖν διαπορεῖν πρῶτον εἶη ἂν αὐτῷ δεικνύμενον καὶ τὸ χρήσιμον τῆς διαλεκτικῆς πρὸς φιλοσοφίαν καὶ τὴν

τῆς ἀληθείας εὗρεσιν· τῆς γὰρ διαλεκτικῆς ἐστὶ διαπορεῖν καὶ ἐπιχειρεῖν εἰς ἑκάτερα. ἀληθὲς ἄρα τὸ ἐν τοῖς Τοπικοῖς εἰρημένον τὸ χρήσιμον εἶναι τὴν διαλεκτικὴν πρὸς τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ζητήσεις.

Русский перевод: «узел». Если нахождение и установление искомого зависит от разрешения затруднений, а разрешить какой-либо узел невозможно, не узнав его прежде, то есть как он завязан (ибо как мог бы кто-то научно разрешить узел, который он не знает?), а узлом в искомом является затруднение ума (ибо ум, связанный [затруднением], связан в отношении вещи), то необходимо сперва ставить вопросы о том, что предстоит доказать, если только можно найти [решение] через разрешение затруднений, а разрешить невозможно, не зная, в чем состоит затруднение. «Ибо затруднение ума показывает это относительно вещи». Это равнозначно тому, что «но затруднение ума показывает узел, который он имеет в вещи». Поняв же затруднение как узел, он прибавил, что подобно узлу: ибо как узел препятствует продвижению вперед и к предложенной цели, так и затруднение делает; ибо ум препятствуется продвигаться вперед из-за затруднения относительно вещи.

«Невозможно же вперед». Во-первых, потому что затрудняющийся не может двигаться вперед и к предложенной [цели] из-за того, что не знает узла, если кто-то намерен разрешить его, о чем он говорит, что следует предварительно ставить вопросы; и потому что те, кто ищет без предварительно-

го рассмотрения вопросов, подобны слепым в своих путях; ибо у тех, кто говорит об искомом, не рассмотрев предварительно затруднения, нет цели, к которой нужно связывать и направлять сказанное. Ибо предварительно сказанное ведет затрудняющихся; к этому они должны направлять и свои исследования, и рассуждения; те же, кто без предварительного рассмотрения вопросов, ищут, не зная, о чем следует искать. Он добавляет, что те, кто ищет о чем-то, никогда не могут знать, решено ли что-то и есть ли положенная цель; причину этого он указал в том, что для таких ищущих цель не познаваема; поэтому они подобны тем, кто не знает, куда идти, кому неизвестно, найдено ли что-то, и цель, и задача; ибо разрешение затруднений относительно чего-то есть его цель и нахождение. Он добавляет к сказанному и другую причину того, что предварительное рассмотрение вопросов необходимо: [она в том], что подобно тому как в судах лучше судят те, кто выслушал обе спорящие стороны, чем те, кто [выслушал] только одну, так и относительно искомого более надежным становится суждение о них, если кто-то предварительно рассмотрит все затруднения и то, что говорится для их установления и положения, и разрешит их. Через сказанное о необходимости предварительного рассмотрения вопросов у него показывается и полезность диалектики для философии и для нахождения истины; ибо диалектике свойственно ставить вопросы и испытывать обе стороны. Итак, истинно сказанное в "Топике", что диалектика полезна для философов.

ских исследований.

Глава XV. Перечень апорий: Одна ли наука о всех причинах или много? (Книга В, Глава 1)

(В 1. 995b)

Древнегреческий текст: "περὶ ὧν διηπορήσαμεν." οὐ τὴν ἀπορίαν, ἣν τίθησι, φησὶν ἠπορηῆσθαι ἐν τοῖς πεφροισμασμένοις· ἔστι γὰρ ἡ ἀπορία ἡ πρώτη, ὡς λέγει, ὀφείλουσα ἀπορηθῆναι περὶ τοῦ πότερον μιᾶς ἐπιστήμης θεωρῆσαι τὰς πάντων αἰτίας ἢ πλειόνων, ὡς ἄλλην ἐπιστήμην ἄλλων ἀρχῶν καὶ αἰτίων εἶναι θεωρητικὴν ταύτην δὲ τὴν ἀπορίαν δοκεῖ κεκινηκέναι ἐν τοῖς πρὸ τούτου βιβλίοις· ἐν τῷ πρώτῳ περὶ ἀρχῶν δοκεῖ αὐτῆς μεμνημονευκέναι. διὸ εἴη ἂν τὸ εἰρημένον, περὶ ὧν ἠπορήσαμεν ἐν τοῖς πεφροισμασμένοις ἡμῖν, πρώτη ἐστὶν ἀπορία, καὶ ὡς πρώτην τίθησιν· ἠπόρησε γὰρ καὶ ἐν ἐκείνοις περὶ αἰτίων· περὶ δὲ τῶν αἰτίων δὴ πρώτην φησὶν ἀπορίαν εἶναι ἥς μνημονεύει. διηπόρησε δὲ περὶ αἰτίων ἐν τῷ μείζονι Α ζητῶν πόσα τὰ εἶδη τῶν αἰτίων, καὶ τὰς τῶν ἄλλων δόξας ἐκθέμενος περὶ αἰτίων καὶ πρὸς αὐτὰς εἰπὼν, ἐπισώσατο εἶναι τέσσαρα αἷτια εἶδη· ἐν δὲ τῷ ἐλάττονι ζητήσας εἰ ἐπ' ἄπειρόν ἐστι τὸ αἷτιον ἢ κατ' εὐθυωρίαν ἢ κατ' εἶδος, ἢ ἴσταται καὶ ἔστι πεπερασμένον. πρώτη δὲ ἀπορία ἡ περὶ τούτων εἴη ἂν ἢ νῦν λεγομένη. ἢ γοῦν τοῦτ' ἐστὶν ὃ λέγει,

ἢ ὅτι ἡ πρώτη ἀπορία ἐστὶ περὶ τούτων περὶ ὧν ἐν τοῖς πεφροισμασμένοις διηπορήσαμεν, ὥς οὐ πασῶν περὶ τούτων οὐσῶν περὶ ὧν ἐν ἐκείνοις ἡπορήσαμεν, ζητοῦντες εἰ ἔστι καὶ πόσα ἐστίν· περὶ τούτων γὰρ νῦν ἀπορήσομεν πρώτη ἀπορία ἔσται· περὶ ἀρχῶν καὶ αἰτίων καὶ αὐτῇ. τινὲς μέντοι διὰ τὸ νῦν εἰρημένον ὑπ' αὐτοῦ ἐπὶ τέλει τοῦ ἐλάττονος αὐτὴν τὴν ἀπορίαν προσγράφουσι, κατ' οὐδένα λόγον ἐκκειμένην. τῷ δὲ "πότερον μᾶς ἢ πολλῶν ἐπιστημῶν θεωρῆσαι," σημαίνοι ἂν τὸ ἴσον τῷ, εἰ ὧν ἐθέμεθα καὶ αἰτίων τεσσάρων μία ἐστὶ θεωρητικὴ πάντων ἐπιστήμη, ἢ ἄλλου αἰτίου ἄλλη ἐπιστήμη, ὥς ὕστερον ἀπορῶν ἐπιχειρήσει. ὁ οὖν εὐλόγως λέγων τὸ περὶ ὧν ἐν τοῖς πεφροισμασμένοις διηπορήσαμεν· καὶ γὰρ ἐν τῷ Α τῷ μείζονι εἰ τέσσαρα τὰ τῶν αἰτίων εἶδη ἐζήτησε, περὶ ὧν καὶ ὕστερον ζητήσει νῦν, εἰ μᾶς ἐπιστήμης ἐστὶν ἡ γνῶσις αὐτῶν.

Русский перевод: «относительно чего мы поставили вопросы». Он говорит не о том затруднении, которое он [теперь] ставит, что оно было поставлено во введениях; ибо первое затруднение, как он говорит, которое должно быть поставлено, касается того, принадлежит ли [способность] созерцать все причины одной науке или многим, так что другая наука есть созерцательница других начал и причин. Это затруднение он, кажется, затронул в предыдущих книгах; в первой книге о началах он, по-видимому, упомянул о нем. Поэтому сказанное было бы: «относительно чего мы поставили вопросы во введениях» — это есть первое затруднение,

и он ставит его как первое; ибо и в тех [книгах] он ставил вопросы о причинах; а о причинах он говорит, что первое затруднение есть то, которое он упоминает. Он ставил вопросы о причинах в большей книге А, исследуя, сколько видов причин, и, изложив мнения других о причинах и возразив на них, заключил, что есть четыре вида причин; а в меньшей [книге] он исследовал, бесконечна ли причина по прямой линии или по виду, или же останавливается и конечна. И первое затруднение об этом было бы тем, о котором он теперь говорит. Или же это то, что он говорит, или что первое затруднение есть о том, о чем мы поставили вопросы во введениях, поскольку не все [затруднения] касаются того, о чем мы ставили вопросы в тех [книгах], исследуя, существует ли и сколько их; ибо об этом мы теперь будем ставить вопросы, и это будет первым затруднением; и оно [также] о началах и причинах. Некоторые же, из-за того что он теперь сказал это, в конце меньшей книги А приписывают это затруднение, без всякого основания помещая его. А «принадлежит ли созерцать [их] одной или многим наукам» означало бы то же самое, что: если из четырех причин, которые мы положили, одна есть наука, созерцающая их все, или же для одной причины — одна наука, для другой — другая, как он, ставя вопросы в дальнейшем, будет доказывать. Итак, тот, кто правильно говорит, [имеет в виду] то, о чем мы поставили вопросы во введениях; ибо и в большей книге А он исследовал, четыре ли вида причин, о чем он и теперь будет исследовать

далее, принадлежит ли знание их одной науке.

(В 1. 995b)

Древнегреческий текст: "μόνον." ἡ δευτέρα ἀπορία ἐστὶ περὶ ἧς φησὶ δεῖν ἀπορῆσαι, εἰ τοῦ πρώτου φιλοσόφου καὶ τῆς πρώτης ἐπιστήμης ἐστὶ μόνον τὸ τὰς ἀρχὰς ἰδεῖν τὰς πρώτας, ἣ οἰκεῖόν ἐστιν αὐτῇ καὶ τὰς ἀποδεικτικὰς ἀρχὰς, ἐξ ὧν αἱ ἀποδείξεις κοινῶν ἀρχῶν οὐσῶν γίνονται, ἃ ἀξιώματα καλεῖται καὶ ταῦτα πάσης ἐπιστήμης. ὅτι δὲ τοῦτο λέγει, ἐδήλωσε διὰ τοῦ "καὶ μόνον." λείπειν δὲ τῇ λέξει δόξει τὸ ἀκόλουθον καὶ τῷ "περὶ τῶν ἀρχῶν." ἀξίωμα δὲ ἐστὶν ὃ μὴ ἐνδέχεται ἅμα τὴν ἀληθεῖ καὶ ψευδῇ εἶναι, ὥσπερ καὶ τὸ τὰ τῷ αὐτῷ ἴσα καὶ ἀλλήλοις ἴσα εἶναι, καὶ τὸ ἐὰν ἀπὸ ἴσων ἴσα ἀφαιρεθῇ, καὶ τὰ καταλειπόμενα ἴσα εἶναι, καὶ ἔφεσιν ἢ ἀγαθοῦ ἢ φαινομένου ἀγαθοῦ εἶναι, καὶ τὰ τούτοις ὅμοια. κοινὸν γε τὸ τῆς ἀντιφάσεως ἀπάντων τῶν ἀξιωματῶν· ἀληθὲς γὰρ καὶ ψεῦδος.

Русский перевод: «только». Второе затруднение, о котором он говорит, что должно его поставить, таково: принадлежит ли первому философу и первой науке только [способность] усматривать первые начала, или же ей свойственны также и доказательные начала, из которых, как из общих начал, происходят доказательства, которые называются аксиомами и которые [принадлежат] также всякой науке. Что он говорит это, он показал через «и только». В выражении, по видимому, пропущено продолжение: «и только относительно начал». Аксиома же есть то, что не может одновремен-

но быть истинным и ложным, как, например, что равные одному и тому же равны и между собой, и что если от равных отнять равные, то и остающиеся [части] равны, и что стремление есть или к благу, или к кажущемуся благу, и тому подобное. Общим же [для всех аксиом] является [положение] о противоречии; ибо [одно из противоречащих] истинно, [другое] ложно.

(В 1. 995b)

Древнегреческий текст: "καὶ πλείονες." τὸ τρίτον τῶν προτιθεμένων ἐστίν, εἰ ἔστι τῆς προκειμένης ἐπιστήμης περὶ τῆς οὐσίας τῶν αἰτίων τῆς οὐσίας θεωρεῖν, πλείους τε καὶ νοηταὶ αἱ δὲ αἰσθηταί, ὥστε καὶ αἱ ἀρχαὶ διάφοροι· πότερον οὖν τῶν ἀρχῶν, αἱ τῶν οὐσιῶν εἰσὶν ἀρχαί, τῆς προκειμένης ἐπιστήμης ἐστὶ θεωρῆσαι ὥς μίαν εἶναι τὴν πασῶν τῶν ἀρχῶν γνωστικὴν, αἱ τῶν οὐσιῶν πλείους εἰσὶ καὶ διαφέρουσαι τῶν ἀρχῶν, αἱ τῶν διαφερουσῶν εἰσὶν ἀρχαί. ἀλλὰ καὶ εἰ πλείους, ἄξιόν φησιν εἶναι ἐπὶ τούτῳ ἀπορηθῆναι, εἰ αἱ πλείους ἐπιστῆμαι συγγενεῖς εἰσὶν ἀλλήλαις καὶ πάσας αὐτὰς δεῖ σοφίας καλεῖν, ἥ οὐκ εἰσὶ σοφαὶ πᾶσαι, ἀλλ' αἱ μὲν τινες σοφαὶ, αἱ δὲ ἄλλο τι γένος ἔξουσιν. εἰπὼν δὲ ταῦτά φησι καὶ αὐτὸ δὴ τοῦτο ἄξιον ἀπορῆσαι, πότερον αἱ μόνον αἱ αἰσθηταὶ εἰσὶν οὐσίαι ἢ καὶ παρὰ ταύτας εἰσὶν ἄλλαι· οὐδὲ γὰρ καὶ αὐτὸ γνώριμον οὐδὲ ἀναμφίλεκτον. διαφέρει δ' ἂν αὕτη τῆς πρώτης καὶ τῷ ἐν ἐκείνῃ ἀπλῶς περὶ τῶν αἰτίων εἰρησθαι, οὐ τῶν τῆς οὐσίας, ἐν ταύτῃ δέ, εἰ τῶν τῆς οὐσίας αἰτίων μία ἐπιστήμη

ἢ πλείους, καὶ εἰ πλείους, πότερον πᾶσαι συγγενεῖς καὶ σοφαί, ἢ αἱ μὲν σοφαί αἱ δὲ ἄλλο ἐπιστημῶν εἶδος. ἐξῆς τοῖς προειρημένοις προστίθουσιν ὥς ἄξιον ἀπορῆσαι καὶ τὸ πότερον μοναχῶς, τουτέστι καθ' ἓνα λόγον, οὐσίαι πᾶσαι εἰσὶν οὐσιῶν εἶδη καὶ πλείους λόγοι, ὃ πῶς εἴρηκε δηλοῖ δι' ὧν ἐπιφέρει "οἱ ποιοῦντες τὰ τε εἶδη καὶ τὰ μαθηματικὰ μεταξὺ τούτων τε καὶ τῶν αἰσθητῶν."

Русский перевод: «и больше». Третье из предлагаемых [затруднений] таково: принадлежит ли предлагаемой науке [способность] созерцать сущность причин, [причем] одни из них суть многие и умопостигаемые, а другие — чувственные, так что и начала различны; так вот, [принадлежит ли ей] созерцать начала сущностей, поскольку они суть начала сущего, как [нечто] единое, как знающее все начала, или начала сущностей суть многие и отличающиеся от начал [других вещей], и начала [вещей], отличающихся [друг от друга], суть различные. Но и если [начал] много, он говорит, что стоит поставить вопрос: родственны ли эти многие науки друг другу и следует ли все их называть мудростями, или же не все они мудрости, но одни из них — мудрости, а другие будут иметь иной род. Сказав это, он говорит, что и это самое стоит исследовать: существуют ли только чувственные сущности, или же помимо них есть и другие; ибо и это не ясно и не бесспорно. Отличалось бы это затруднение от первого и тем, что в том [затруднении] речь шла просто о причинах, а не о причинах сущности, в этом же — если причин

сущности [касается] одна наука или много, и если много, то все ли они родственны и [суть] мудрости, или одни из них — мудрости, а другие — иной вид наук. Вслед за сказанным он добавляет, что стоит поставить вопрос и о том, существуют ли все сущности единообразно, то есть согласно одному определению, или [существуют] многие виды и определения сущностей; как это сказано, он показывает через то, что прибавляет: «те, кто полагает и идеи, и математические [вещи] между ними и чувственными».

(В 1. 995b)

Древнегреческий текст: τῶν αἰσθητῶν· "οἱ καὶ τὰς ιδέας θέμενοι οὐσίας ἔλεγον τὰ μαθηματικά, οὐσίας δὲ καὶ αὐτὰ ὄντα οὔτε ταῖς ιδέαις οὔτε ταῖς αἰσθηταῖς οὐσίαις ὁμοίους εἶναι, ἀλλὰ ταύτην αὐτῶν φύσιν ἔλεγον εἶναι μεταξὺ ἐκείνων, ὡς εἶναι τρίτην τινὰ οὐσίαν, ὡς περὶ Πλάτωνος εἶρηκεν ἐν τῷ μείζονι Α. καὶ εἴη ἂν πλεον τι ἔχουσα τῆς πρὸ αὐτῆς ἢ ζήτησις αὕτη. οὐ ζητεῖ ἐν αὐτῇ εἰ πλείω οὐσιῶν εἶδη (τοῦτο γὰρ ἔκειτο), ἀλλ' εἰ τὰ αὐτὰ ἢ ταῦτα ἃ τινες εἰρήκασι. καὶ εἴη ἂν τὸ πότερον μοναχῶς ὡς ἀκόλουθον εἰρηκῶς τῷ προειρημένῳ. προειπὼν γὰρ πότερον τὰς αἰσθητὰς εἶναι μόνον φατέον ἢ καὶ παρὰ ταύτας ἄλλας, ἐπήνεγκεν καὶ πότερον μοναχῶς παρὰ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας· οἱ ποιοῦντες μεταξὺ τῶν τε εἰδῶν καὶ τῶν αἰσθητῶν δῆλον ὡς πλείω εἶδη ἐποιοῦν οὐσιῶν παρὰ τὰς αἰσθητάς.

Русский перевод: [чувственных]: «те, кто, полагая идеи

как сущности, говорили, что математические [вещи] суть сущности, и, будучи сами сущностями, они не подобны ни идеям, ни чувственным сущностям, но говорили, что их природа есть нечто среднее между теми, так что есть некая третья сущность», как он сказал о Платоне в большей книге А. И это исследование имело бы нечто большее, чем предшествовавшее ему. В нем он исследует не то, много ли видов сущностей (ибо это было положено), но то, те же ли они по [своей] природе, что некоторые сказали. И [выражение] «единообразно ли» было бы сказано как следующее за предшествовавшим. Ибо сказав прежде: следует ли признавать только чувственные [сущности] или же помимо них есть и другие, он прибавил: и единообразно ли помимо чувственных сущностей [существуют другие]; те, кто полагает нечто среднее между идеями и чувственными [вещами], очевидно, полагали многие виды сущностей помимо чувственных.

(В 1. 995b)

Древнегреческий текст: "οὐσίαις." τὰ συμβεβηκότα λέγει τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα, ἢ λεγόμενον, πότερον περὶ τῶν οὐσιῶν ὁ σοφὸς μόνον διαλήψεται ἢ καὶ περὶ τῶν καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων. ἔστι δὲ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα κυρίως τὰ ἐν τοῖς ὀρίσμοις παραλαμβανόμενα. περὶ τούτων ἀναγκαῖος ὁ λόγος αὐτῷ· οὐ γὰρ ἄλλως οἷόν τε περὶ τινῶν ἐπιστήμην λαβεῖν χωρὶς τοῦ γινώσκειν τὰ οὕτως ὑπάρχοντα. λέγει δὲ τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα ἀχώριστα καὶ ἴδια καὶ ἐγγὺς οὐσιώδη, δι' ὧν εἰώθασι καὶ δι' ὑπογραφῆς γινόμενοί

τινων λόγοι ἀποδίδοσθαι, οἷον τῷ τριγώνῳ εἶη ἂν καθ' αὐτὸ συμβεβηκὸς τὸ τὰς τρεῖς γωνίας δυσὶν ὀρθαῖς ἴσας ἔχειν καὶ τὰς δύο πλευρὰς τῆς λοιπῆς μείζους εἶναι πάντῃ μεταλαμβανομένας (ἐκ δὴ τούτων ὁ ὁρισμὸς αὐτῷ), ἢ τῷ ἀριθμῷ τὸ περιττῷ εἶναι ἢ ἀρτίῳ, ἢ ἐκάστῳ τῶν ὄντων τὸ καὶ εἶναι ἐν καθὼ τόδε τι ἔστι, ἢ ὅσα οὕτως ὑπάρχει τῶν συμβεβηκότων.

Русский перевод: «сущностям». Привходящими он называет присущие сами по себе [свойства], или [спрашивается]: будет ли мудрец рассматривать только сущности или также и присущие сами по себе [свойства]. Присущие сами по себе в собственном смысле суть те, которые принимаются в определениях. Рассуждение о них необходимо для него; ибо иначе невозможно получить науку о чем-либо, не зная таких присущих [свойств]. Он называет привходящими сами по себе неотделимые, собственные и близкие к сущности [свойства], через которые обычно даются и описательные определения некоторых [вещей], например, для треугольника привходящим самим по себе было бы иметь три угла, равные двум прямым, и иметь две стороны, большие оставшейся, каким бы образом их ни брать (ибо из этого [состоит] его определение), или для числа — быть нечетным или четным, или для каждого из сущего — быть единым, поскольку оно есть нечто определенное, или сколько бы ни было таких привходящих [свойств].

(B 1. 995b)

Древнегреческий текст: "πρὸς τὴν οὐσίαν." ζητεῖ εἰ καὶ περὶ τούτων οἷς ἡ διαλεκτικὴ κέχρηται, οὓσα ἐξ ἐνδόξων ἐπιχειρητική τε καὶ δεικτική τῶν προκειμένων, τοῦ σοφοῦ ἐστὶ τὸ πρὸς ἀλήθειαν καὶ ἐπιστήμην διαλαβεῖν περὶ ταῦτα· εἰ καὶ τὸ διαλεκτικοῦ καὶ ἐνδόξως αὐτὸν διαλαμβάνειν, τίνος καὶ ἀληθῶς; προτίθεται δὲ ζητεῖν καὶ περὶ τούτων, ἐπειδὴ αὐτὸς χρῆται αὐτοῖς τοῖς ἀποδεικνυμένοις πρὸς αὐτὸ κατὰ τήνδε τὴν πραγματείαν· καὶ τῷ αὐτῷ ὅπερ ἐπὶ τῶν οὐσιῶν λέγει χρῆται. ζητεῖ οὖν εἰ αἱ αὐταὶ εἰσι πᾶσαι αἱ οὐσίαι ἀλλήλαις ἢ οὐ, ἀλλ' ἕτεραι. ἀλλὰ καὶ τοῖς ἄλλοις οἷς κατέλεξε πᾶσιν ἐν ταῖς ἀποδείξεσιν ἀναγκαῖον αὐτῷ προχρῆσθαι· κοινὰ ταῦτα ὄργανα τοῖς ἀποδεικνύουσι. προελθὼν δὲ αὐτὸς δείξει τίς καὶ ἡ περὶ τούτων ζήτησίς τε καὶ θεωρία οἰκεία τῷ πρώτῳ φιλοσόφῳ. καὶ λογικὴ ἡ πραγματεία, ὥς τινων.

Русский перевод: «к сущности». Он исследует, принадлежит ли мудрецу [способность] относительно того, чем пользуется диалектика, которая есть искусство испытывать и доказывать предложенное на основе правдоподобного, рассматривать это в отношении истины и науки; и если диалектику свойственно рассматривать [это] правдоподобно, то кому же [свойственно] истинно? Он ставит целью исследовать и об этом, поскольку он сам пользуется этим в доказываемом для себя согласно этому учению; и он пользуется тем же самым, что говорит о сущностях. Итак, он исследует, все ли сущности одни и те же или нет, но различны. Но и в дру-

гих [вещах], которые он перечислил, ему необходимо в доказательствах пользоваться [этим] как предпосылкой; ибо это общие орудия для доказывающих. В дальнейшем он сам покажет, каково исследование и теория об этом, свойственные первому философу. И это учение есть логическое, как [говорят] некоторые.

(В 1. 995b)

Древнегреческий текст: "διὰ τὸ πολλὰ τοιαῦτα ζητεῖν ἐν αὐτῇ· καὶ γὰρ δι' αὐτῶν περὶ τούτων διαλαμβάνει, οὐ τοῦτο ποιεῖ σκοπόν, ἀλλ' ὅτι τῆς πρώτης φιλοσοφίας καὶ τῆς περὶ τοῦ ὄντος ἥ ὄν θεωρητικῆς ἐστὶ τὸ καὶ περὶ τῶν κοινῶς τῷ ὄντι ὑπαρχόντων τὴν θεωρίαν ποιεῖσθαι. τοιαῦτα δὲ καὶ ταῦτα, ὡς δείξει.

"Ἴσον." ἐξηγήσατο τίνα λέγει τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα διὰ τοῦ εἰπεῖν "μὴ μόνον τί ἐστίν" ἐν οἷς καὶ τῷ τί ἐστὶ τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα ἐμπεριέχεται. φησὶν εἶναι τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα, οἷον πάσης ἐναντιότητος καθ' αὐτὸ συμβεβηκὸς τὸ ἕμμεσον, τὸ ἄμεσον, καὶ οἷόν ἐστι τὸ ὑπ' αὐτοῦ προστιθέμενον περὶ τοῦ εἰ ἐν ἐνὶ ἐναντίον ἐστίν, ἢ μὴ ἐν, ὃ καὶ αὐτὸ δοκεῖ θεώρημα εἶναι διαλεκτικόν· δεῖ γάρ, φησὶν, ἐπισκέψασθαι εἰ καὶ περὶ τούτων τὴν ἀλήθειαν ἐξετάσαι τοῦ σοφοῦ ἐστίν.

Русский перевод: «из-за того что много такого ищется в ней; ибо через них он рассматривает об этом, не делая этого целью, но потому что первой философии и [философии], созерцающей сущее как сущее, свойственно иметь теорию и

о том, что обще присуще сущему. Таковы же и эти [вещи], как он покажет.

«равное». Он объяснил, что называет привходящими сами по себе, сказав «не только что есть», в чем и в [определении] «что есть» содержатся присущие сами по себе [свойства]. Он говорит, что привходящие сами по себе суть, например, для всякой противоположности привходящее само по себе — среднее, непосредственное, и каково то, что он прибавляет о том, есть ли одно противоположно одному, или не одно, что и само, кажется, есть диалектическое положение; ибо нужно, говорит он, исследовать, принадлежит ли мудрецу исследовать истину и об этом.

(В 1. 995b)

Древнегреческий текст: "καὶ πότερον αἱ ἀρχαὶ ἕκαστον." περὶ οὗ νῦν φησὶ δεῖν ζητεῖν, ἐστὶν, εἰ τὰ γένη ἀρχαὶ τούτων ὧν ἐστὶ γένη (δοκεῖ γὰρ τὰ γένη πρῶτα εἶναι τῇ φύσει, τὰ δὲ πρῶτα ἀρχαί), ἢ ὥς οὐσία δοκεῖ εἰς ὕλην τε καὶ εἶδος, ἢ τὰ τέσσαρα στοιχεῖα, ἂν τις ὑπόθῃται τοιαῦτα. εἰς ἃ καὶ ταῦτα διαιρεῖται, ἐξ ὧν σύγκειται ἕκαστον πρῶτων. ταῦτα δὲ ἐκάστου ἀρχαὶ δοκοῦσιν εἶναι, ἐξ ὧν πρῶτων σύγκειται, ὥς τῆς φωνῆς τὰ στοιχεῖα. ἀλλ' εἰ καὶ τὰ γένη ἀρχαί, πάλιν φησὶν ἄξιον εἶναι ζητεῖν πότερον τὰ ἀνωτάτω γένη ἢ τὰ προσεχῇ τοῖς ἀτόμοις, ἃ εἶδη ὄντα ἄτομα κοινότερον γένη ὠνόμακε καὶ αὐτά, τῷ τοῦ γένους ὀνόματι ἀντὶ τοῦ κοινοῦ χρώμενος.

Русский перевод: «и начала ли каждое». О том, о чем

он теперь говорит, что должно исследовать: суть ли роды началами того, чего они роды (ибо кажется, что роды первичны по природе, а первичное есть начала), или же как сущность, как кажется, [делится] на материю и вид, или четыре элемента, если кто-то предположит таковые. Ибо и это делится на то, из чего состоит каждое из первых [начал]. Это и кажется началами каждого, из чего оно первично состоит, как для звука — элементы. Но если и роды суть начала, он снова говорит, что стоит исследовать: высшие ли роды или ближайшие к неделимым [индивидам], которые, будучи видами и неделимыми, он называл родами в более общем смысле, пользуясь именем рода вместо общего.

(В 1. 995b)

Древнегреческий текст: "μάλιστα δὲ καὶ αὐτό." ὁ λέγει τοιοῦτόν ἐστιν. τῶν ἀρχαίων φυσικῶν τινὲς τὴν ὕλην αἰτίαν ὑποθέμενοι μόνον καθ' αὐτήν, τὰ ταύτης πάθη καὶ συμβεβηκότα αἷτια ἔλεγον, οὐ καθ' αὐτά. καθ' αὐτὸ αἷτιον ἦν αὐτοῖς ὁ ἄῃρ ἢ καὶ μεταξὺ τι ἄλλο, ὃ ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον ὑπετίθεντο, ἐπεὶ καὶ μόνον καθ' αὐτὰ ὄντα τούτων ἕκαστα κατ' αὐτούς, τὰ δὲ συμβεβηκότα δὲ ἡ μανότης καὶ πυκνότης, ἡ σύγκρισις καὶ διάκρισις. οὗτοι καὶ τὴν ὕλην καθ' αὐτὸ αἷτιον λέγοντες τὸ ὑποκείμενον, ἐτίθεντό τι αἷτιον καὶ ἄλλο, ἀλλὰ καὶ συμβεβηκός· συμβεβηκέναι καὶ ταῦτα τῇ ὕλῃ. αὐτὸς δὲ νῦν οὐκ εἰ παρὰ τὴν ὕλην ἔστι τι συμβεβηκός αἷτιον ζητεῖν φησὶ δεῖν, ἀλλ' εἰ καθ' ἑαυτό, ὥς ἔδειξεν ἐν τῇ Φυσικῇ Ἀκροάσει· οὐδὲ γὰρ ἔλαττον ἀλλὰ καὶ μᾶλλον ἂν

φανεῖεν αἷτια τὰ ἄλλα τῆς ὕλης. ἀλλ' εἰ καὶ ἔστι τι καθ' αὐτὸ αἷτιον παρὰ τὴν ὕλην, καὶ ἄλλο τί φησι δεῖν ἐπισκέψασθαι, πότερον τοῦτό ἐστι κεχωρισμένον ὕλης καὶ αὐτὸ καθ' αὐτὸ ὑφεστώς, ἢ ἐν τῇ ὕλῃ, ὁποῖόν ἐστι τὸ ἔνυλον εἶδος, ἢ ὡς τοῖς ἀπὸ τῆς Στοᾶς ἔδοξεν ὁ θεὸς καὶ τὸ ποιητικὸν αἷτιον ἐν τῇ ὕλῃ εἶναι. καὶ εἰ ἔτι τι αἷτιον χωριστὸν καὶ ἄνυλον, πότερον τοῦτο κατ' ἀριθμὸν ἓν ἐστὶν ἢ πλείω, περὶ ὧν αὐτὸς ἐν τῷ Λ.

Русский перевод: «и особенно само». Сказанное им таково. Некоторые из древних физиков, полагая материю причиной только саму по себе, говорили, что ее состояния и привходящие [свойства] суть причины, но не сами по себе. Причиной самим по себе был у них воздух или нечто иное среднее, что они полагали началом и элементом, поскольку каждое из них существует само по себе по их мнению, а привходящие [свойства] — разреженность и плотность, соединение и разделение. Эти [физики], называя материю причиной самого по себе — субстрат, полагали некоторую причину и другую, но и привходящую; ибо и это привходит к материи. Он же теперь говорит, что нужно исследовать не то, есть ли помимо материи нечто привходящее как причина, но то, есть ли [причина] сама по себе, как он показал в "Физике"; ибо не менее, но даже более, чем материя, другие [причины] оказались бы причинами. Но если и есть нечто само по себе причина помимо материи, он говорит, что следует исследовать и другое: отделено ли это от материи и существует ли само по себе, или же в материи, каковым является вид в ма-

терии, или же, как показалось стоикам, бог и действующая причина находятся в материи. И если есть еще какая-то причина отделимая и бестелесная, то одна ли она по числу или много, о чем он сам [говорит] в книге Λ.

(В 1. 995b)

Древнегреческий текст: "καὶ τὸ σύνολον καὶ τῆς ὕλης." σύνολον ἦτοι τὸ κοινὸν λέγει, καὶ τῶν καθ' ἕκαστα καὶ τῶν ἐν ὕλῃ εἰρηκῶς· καὶ εἰ τοῦτο λέγει τὸ σύνολον, λέγοι ἂν, εἰ ἔστι τι παρὰ τὸ κοινὸν καὶ τὸ σύνολον, ὃ τοῦ ἐνύλου κατηγορεῖται, ἄλλο τι εἶδος κεχωρισμένον, ἢ οὐδέν ἐστι παρὰ τὸ κοινὸν εἶδος τι καὶ ἰδέα, ἢ τῶν δέ, ὡς δοκοῦσι λέγειν οἱ λέγοντες μήτε τῶν παρὰ φύσιν μήτε τῶν τεχνητῶν ἰδέας εἶναι. τὸ σύνολον λέγει τὸ συναμφότερον. εἰπὼν δὲ σύνολον, πῶς σύνολον τί ἐστιν ἐδήλωσε, προσθεὶς "ὅταν κατηγορηθῇ τι τῆς ὕλης," τουτέστιν ὅταν ἡ ὕλη μετὰ τινος εἶδους ληφθῇ. ἢ σύνολον τὸ ἔνυλον· καὶ εἴη ἂν ζητῶν πότερον ἔστι τι εἶδος κεχωρισμένον παρὰ τὸ ἔνυλον (τοῦτο καὶ τῆς ὕλης κατηγορεῖται, καὶ ἔστι τὸ σύνολον ἢ ὕλη σὺν τῷ ἐν αὐτῇ εἶδει) ἢ οὐδέν ἐστι τοιοῦτον, ἢ τὰ μὲν τινα εἶδη ἐστὶ κεχωρισμένα ὕλης, τὰ δὲ οὐ· τοῦτο καὶ λέγοι ἂν διὰ τὸ τῶν δέ· εἰ εἰσὶν ὅλως ἄνυλά τινα εἶδη, ὅποσα ταῦτά ἐστι, περὶ ὧν, ὡς προεῖπε, ποιήσεται λόγον ἐν τῇ περὶ τῶν ἀνελιπτουσῶν θεωρίᾳ. εἴη δ' ἂν διὰ τῆς καὶ ταύτης ἀπορίας ζητῶν εἰ ἔστι τι παρὰ τὴν ὕλην καὶ ἄλλο αἷτιον καθ' αὐτό, καὶ εἰ ἔστι, πότερον κεχωρισμένον ὕλης ἢ σὺν ὕλῃ καὶ αὐτό, διὰ δὲ τῆς δευτέρας ἀπλῶς εἰ ἔστι τι εἶδος ἄνυλον.

Русский перевод: «и целое и материи». Целым он называет либо общее, сказав [это] и о единичных [вещах], и о [вещах] в материи; и если он говорит это о целом, то он говорит, есть ли нечто помимо общего и целого, что сказывается о [вещи] в материи, — некий иной отделенный вид, или же нет ничего помимо общего вида и идеи, или же [есть] одни, а других нет, как, по-видимому, говорят те, кто говорит, что нет идей ни для противоестественного, ни для искусственного. Целым он называет соединение [материи и формы]. Сказав же «целое», он показал, что такое целое, добавив: «когда нечто сказывается о материи», то есть когда материя берется вместе с некоторым видом. Или целое есть [вещь] в материи; и он исследовал бы, есть ли некий вид, отделенный от [вещи] в материи (это и сказывается о материи, и целое есть материя вместе с находящимся в ней видом), или же нет ничего такого, или же одни виды отделены от материи, а другие нет; это он и говорил бы через «одних [есть], других нет»: если вообще есть какие-то бестелесные виды, то сколько их, о чем, как он сказал ранее, он будет вести речь в теории о неразложимых [сущностях]. Через это затруднение он исследовал бы, есть ли помимо материи и иная причина сама по себе, и если есть, то отделена ли она от материи или же вместе с материей; а через второе — просто, есть ли некий бестелесный вид.

Глава XVI. Продолжение перечня апорий: О конечности начал, о возможности и действительности, о движущих и неподвижных началах (Книга В, Глава 1)

(В 1. 995b – 996a)

Древнегреческий текст: "ἔτι πότερον ὠρισμένοι. ζητῆσαι, φησί, δεῖ καὶ περὶ τῶν ἀρχῶν καὶ αἰτίων, εἰ εἰσὶ πεπερασμένοι, πότερον κατ' ἀριθμὸν ἢ κατὰ εἶδος μόνον ἐστὶ πεπερασμένοι ὥς εἶναι ἓν κατὰ ἀριθμὸν τὸ ποιητικὸν καὶ μίαν ἀριθμῷ ὕλην, καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ὁμοίως· ἢ εἰ καὶ μὴ ἓν ἀριθμῷ τὸ αἷτιον καθ' ἕκαστον εἶδος αἰτίου, ἀλλὰ πεπερασμένον γε. ὁ καὶ κατ' εἶδος ἀπείρους ὑποτιθέμενος τὰς ἀρχὰς ὥς ἄτοπὸν τε παρητήσατο καὶ ὥς δεδειγμένον ἐν τῷ πρὸ τούτου. δέδεικται δὲ ἐν τῷ πρὸ τούτου ὅτι καθ' ἕκαστον εἶδος αἰτίου πεπερασμένα τὰ αἷτια. ζητῆσαι δὲ φησιν ὁμοίως δεῖν τοῦτο περὶ τε τῶν εἰδικῶν αἰτίων (ταῦτα γὰρ εἰσὶ τὰ ἐν τῷ λόγῳ· ταῦτα καὶ καθ' ἃ ὁ λόγος ἐκάστου καὶ ὁ ὀρισμός) καὶ περὶ τῶν ὕλικῶν· ταῦτα γὰρ τὰ ὑποκείμενα. εἰ δὲ καὶ τὸ ποιητικὸν καὶ τὸ τελικὸν αἷτια εἶδη καὶ αὐτά, ὥς εἶπεν ἐν Φυσικῇ Ἀκροάσει, περὶ πάντων ἂν εἴη τῶν αἰτίων εἰρηκώς. δύναται καὶ τὰ ἐν τοῖς λόγοις αἷτια εἰρηκέναι περὶ

τῶν ἐν ταῖς ἀκολουθίαις (αὗται δὲ εἰσι τὰ ἀξιώματα· καὶ ἤδη τούτων ἐμνημόνευσε, τῷ ὑποκειμένῳ τὰς τῶν οὐσιῶν ἀρχάς· ὑποκείμεναι γὰρ αἱ οὐσίαι). ἐν δὲ ταύτῃ τῇ ἀπορίᾳ ὡς ἄξιον προσαπορεῖται, πότερον αἱ αὐταὶ ἀρχαὶ τῶν φθαρτῶν καὶ τῶν ἀφθάρτων ἢ ἕτεραι· καὶ εἰ ἄλλαι, πότερον πᾶσαι ἀφθαρτοὶ ἢ αἱ τῶν φθαρτῶν φθαρταί, ἀφθαρτοὶ δὲ αἱ τῶν ἀφθάρτων.

Русский перевод: «еще определены ли». Нужно исследовать, говорит он, и о началах и причинах, конечны ли они, и конечны ли по числу или только по виду, так что действующее [начало] есть одно по числу и одна по числу материя, и так же о других [причинах]; или если и не одно по числу причина в каждом виде причин, то по крайней мере конечна. И тот, кто полагает начала бесконечными и по виду, [это] он отверг как нелепое и как доказанное в предшествующей [книге]. Доказано же в предшествующей [книге], что в каждом виде причин причины конечны. Исследовать же это, говорит он, следует одинаково как о видовых причинах (ибо они суть те, что в определении; и они суть то, согласно чему определение каждого и определение), так и о материальных; ибо они суть субстраты. Если же и действующая, и целевая причины суть также виды, как он сказал в "Физике", то он говорил бы обо всех причинах. Можно [понять] и как сказанное о причинах в определениях, [то есть] о [причинах] в [логических] следованиях (а это суть аксиомы; и он уже упоминал о них, [прибавив] к субстрату начала сущностей; ибо

сущности суть субстраты). В этом же затруднении он ставит как достойное дополнительный вопрос: одни ли и те же начала у гибнущих и негибнущих [вещей] или разные; и если разные, то все ли они негибнущи, или начала гибнущих гибнущи, а начала негибнущих негибнущи.

(В 1. 996a)

Древнегреческий текст: "ἔτι πότερον ἐν καὶ τὸ ὄν." εἰ ἐν καὶ τὸ ὄν αὐτὰ οὐσίαι εἰσὶ καὶ τῶν ὄντων ἀρχαί (τοῦτο γὰρ καὶ τὸ "ἄλλ' οὐσίαι τῶν ὄντων," ὡς δοκεῖ τοῖς Πυθαγορικοῖς καὶ Πλάτωνι αὐτὸ τὸ ἐν καὶ αὐτὸ τὸ ὄν· ἐμνημόνευσε δὲ τῆς δόξης ταύτης καὶ ἐν ἀπειροῖς λόγοις ἐν τῷ Γ τῆς Φυσικῆς Ἀκροάσεως καὶ ἐν τῷ Α τῆσδε τῆς πραγματείας τῷ μείζονι· ἢ ἄλλαι τινὲς φύσεις ὑπόκεινται, ταῦτα δὲ καὶ τὸ ἐν ἐκείναις συμβέβηκεν, ὡς ἔλεγον οἱ φυσικοί, ἢ ὕδωρ ἢ ἀέρα ἢ πῦρ ἢ τι τοιοῦτον ὑποτιθέμενοι τῶν ὄντων ἀρχήν· ἐκείνοις γὰρ καὶ ἔλεγον συμβεβηκέναι τό τε ἐν καὶ τὸ ὄν.

ἔτι πότερον αἱ ἀρχαὶ ἐν τοῖς οἰκείοις εἰσὶ καὶ καθ' αὐτάς ὡς τὰ καθ' ἕκαστα τῶν ὄντων, ἢ οὐ, ἀλλ' ὡς τὰ καθόλου καὶ κοινά, οἷς ἐν τῷ κατηγορεῖσθαι τῶν καθ' ἕκαστα τὸ εἶναι; εἴη δ' ἂν αὕτη ἡ ἀπορία διαφέρουσα τῆς ἀπορηθείσης πρὸ ὀλίγου τῆς "πότερον αἱ ἀρχαὶ καὶ τὰ στοιχεῖα τὰ γένη ἐστὶν ἢ εἰς ἃ διαιρεῖται ἐνυπάρχοντα," τῷ ἐπ' ἐκείνης μὲν ζητεῖσθαι εἰ τὰ ἐνυπάρχοντα τοῖς καθ' ἃ διαιρεῖται ἀρχαὶ αὐτῶν, μὴ τὰ κοινὰ τὰ κατηγορούμενα αὐτῶν, ἐνταῦθα δὲ καὶ κοινῶς καὶ καθόλου ζητεῖ περὶ τῶν ἀρχῶν, πότερον οὕτως εἰσὶν αἱ ἀρχαὶ ὡς τὰ καθ' ἕκαστα ἢ οὕτως ὡς τὰ καθόλου καὶ κοινά.

καὶ ἔτι πότερον δυνάμει εἰσὶν αἱ ἀρχαί, ὥς ἡ ὕλη δοκεῖ, ἢ κατ' ἐνέργειαν, ὥς καθ' ὃ πῦρ ἢ τι τῶν σωμάτων στοιχείων ἐστίν.

Русский перевод: «еще одно и сущее». [Исследуется], суть ли само единое и само сущее сущностями и началами сущего (это и значит «но сущности сущего», как кажется пифагорейцам и Платону, [полагавшим] само единое и само сущее; он упоминал об этом мнении и во многих рассуждениях в книге Г "Физики" и в большей книге А этого учения); или же [это] некоторые иные природы лежат в основе, а единое и сущее привходят к ним, как говорили физики, полагая началом сущего воду, или воздух, или огонь, или нечто подобное; ибо им, говорили они, привходят и единое, и сущее.

Далее, [исследуется], находятся ли начала в [своих] собственных [вещах] и сами по себе, как единичные [вещи] сущего, или нет, но как общее и всеобщее, для которых бытие состоит в сказывании о единичных [вещах]? Это затруднение отличалось бы от поставленного незадолго перед этим: «суть ли начала и элементы роды или то, на что [род] делится и что в нем содержится?» — тем, что в том [вопросе] исследовалось, суть ли то, что содержится в том, на что [нечто] делится, его началами, а не общее, сказываемое о них, здесь же он исследует обще и вообще о началах, суть ли они так, как единичные [вещи], или так, как общее и всеобщее.

И еще, суть ли начала в возможности, как кажется материя, или в действительности, как, например, огонь или нечто

из тел, что есть элемент.

(В 1. 996а)

Древнегреческий текст: "ἔτι πότερον κινητικαὶ ἢ ἀκίνητοι." ὁ ζητεῖ ἐστίν, ὅτι πότερον αἱ ἀρχαὶ ἀρχαὶ εἰσι τῷ κινεῖν τὰ ὧν εἰσὶν ἀρχαὶ ἢ ἄλλως· δοκεῖ ἡ μὲν τις εἶναι κινητικὴ ἢ ποιητικὴ, ἡ δὲ οὐκέτι, ὥς ἡ ὑλική. δύναται λέγεσθαι καὶ τοιοῦτόν τι, πότερον οὔσαι αὗται αἱ ἀρχαὶ αἰτίαι τοῖς ἐξ αὐτῶν ἢ αὐταὶ ἀκίνητοί εἰσιν, ὥς τὰς ιδέας ἔλεγον οἱ λέγοντες· τοιοῦτον δὲ καὶ τὸ πρῶτον αἷτιον. ἢ δύναται ἐκ τοῦ προειρημένου ἀκούεσθαι, πότερον αἱ ἀρχαὶ κινουσι καὶ μεταβάλλουσιν εἰς ἄλληλα ἢ εἰσὶν ἀμετάβλητοι.

πρὸς δὲ τούτοις ἄξιόν φησιν ἀπορῆσαι καὶ περὶ τῶν μαθηματικῶν· μαθηματικὰ δὲ οἷ τε ἀριθμοὶ καὶ τὰ μήκη καὶ τὰ σχήματα (λέγοι δ' ἂν τὰ ἐπίπεδα, τρίγωνον, τετράγωνον, κύκλον, τὰ τοιαῦτα), ἔτι αἱ στιγμαί· περὶ δὲ τούτων πότερον οὐσίαι καὶ ταῦτα, ὥς δοκεῖ τισίν, ἢ οὔ, καὶ εἰ οὐσίαι, πότερον κεχωρισμέναι τῶν αἰσθητῶν καὶ αὐταὶ καθ' αὐτὰς ἢ ἐν τούτοις τὸ εἶναι τοῖς μαθηματικοῖς.

Русский перевод: «еще движущие ли или неподвижные». Он исследует, суть ли начала началами благодаря тому, что движут то, чего они суть начала, или иначе; кажется, что одни из них суть движущие или производящие, другие же нет, как, например, материальная. Можно сказать и нечто такое: будучи этими началами, суть ли они причинами для происходящего из них, или же сами неподвижны, как говорили те, кто [утверждал] идеи; таково же и первое начало.

Или можно понять из предшествующего: движут ли начала и изменяются ли друг в друга, или же они неизменны.

Кроме того, он говорит, что стоит поставить вопрос и о математических [вещах]; математические же [вещи] суть числа, длины и фигуры (он имел бы в виду плоскости, треугольник, квадрат, круг и тому подобное), а также точки; [исследуется], суть ли и они сущности, как кажется некоторым, или нет, и если сущности, то отделены ли они от чувственных и существуют ли сами по себе, или же их бытие состоит в этих математических [вещах].

(В 1. 996a)

Древнегреческий текст: προειπὼν δὲ περὶ ὧν φησὶ δεῖν προαπορῆσαι, φησὶν ὅτι περὶ τούτων μόνον χαλεπὸν εὐρεῖν τὴν ἀλήθειαν πῶς ἔχει (ἔστι γὰρ καὶ ἡ εὕρεσις τῆς ἐν τοῖς προειρημένοις ἀληθείας τὸ κεφάλαιον τῆς προκειμένης ἐπιστήμης), ἀλλὰ καὶ τὸ διαπορῆσαι αὐτῶν χαλεπόν.

ὥς καὶ ἐπανεισὶ γε ἐπὶ τὸ περὶ οὗ πρῶτον ἀπορήσειν προέθετο, ἣν δὲ τοῦτο, πότερον μᾶς ἐπιστήμης περὶ πασῶν τῶν ἀρχῶν καὶ πάντων τῶν αἰτίων εἰπεῖν ἢ πλειόνων, καθ' ἕκαστον εἶδος αἰτίου ἄλλης. καὶ πρῶτον εἰς τὸ μὴ εἶναι τῆς αὐτῆς ἐπιστήμης τὸ περὶ πάντων εἰπεῖν τῶν αἰτίων ἐπιχειρεῖ. πρὸς δὲ πρῶτον καὶ τοιούτῳ τινὶ δυνάμει λόγῳ χρῆται. ὧν διαφερόντων κατ' εἶδος ἡ αὐτὴ ἐπιστήμη, ταῦτα ἐναντία ἀλλήλοις, τὰ δὲ αἷτια οὐκ ἔστιν ἐναντία ἀλλήλοις, οὐκ ἄρα ἡ αὐτὴ ἐπιστήμη τῶν διαφερόντων κατ' εἶδος αἰτίων. ἔστι δὲ ὁ λέγων ἐν δευτέρῳ σχήματι,

ὅσον ἐπὶ τῷ τρόπῳ ὑγιῆς τε ὁ συλλογισμός, ἔχει δὲ τὴν πρῶτην εἰλημμένην πρότασιν οὐκ ἀληθῆ· οὐ γὰρ ἀληθὲς τὸ ὦν διαφερόντων κατ' εἶδος ἢ αὐτὴ ἐπιστήμη, ταῦτα ἐναντία ἀλλήλοις, ἀλλ' ἔστιν ὑγιᾶς τὸ τῶν ἐναντίων τὴν αὐτὴν ἐπιστήμην εἶναι· διὸ καὶ τούτῳ ἀντιστρέφον τὸ ὦν μὴ ἔστιν ἢ αὐτὴ ἐπιστήμη, ταῦτα μὴ εἶναι ἐναντία, οὐκ ἔστι τῷ προειρημένῳ τῷ, ὦν ἢ αὐτὴ ἐπιστήμη ταῦτα ἀλλήλοις ἐναντία, ταυτόν· ἐκείνως ἀξιοῖ μόνων τῶν διαφερόντων κατ' εἶδος, εἰ ἐναντία εἶεν, τὴν αὐτὴν ἐπιστήμην εἶναι (τοῦτο γὰρ καὶ λέγει ὁ λέγων μιᾶς καὶ τῆς ἐπιστήμης πῶς ἂν εἴη μὴ ἐναντίας οὓσας τὰς ἀρχὰς γνωρίζειν;), ἐνταῦθα δὲ εἴληπται τῶν ἐναντίων καὶ τὴν αὐτὴν ἐπιστήμην εἶναι, οὐ μὴν καὶ μόνων· καὶ κεκώλυται εἶναί τινων ἢ αὐτὴ ἐπιστήμη καὶ μὴ ἐναντίων· οὐ γάρ ἐστι τὰ κατὰ γεωμετρίαν ἐναντία ἀλλήλοις· ἀλλὰ καὶ ἡ φυσικὴ καὶ ἡ πρακτικὴ φιλοσοφία διαφέρουσαι κατ' εἶδος, μὴ οὔσαι ἐναντία, ὑπὸ μίαν ἐπιστήμην εἰσίν· ἔτι ἔρεῖ τις δύνασθαι τὰς ἀρχὰς ἀνάγεσθαι εἰς ἀντικείμενα τό τε ποιητικὸν καὶ τὸ παθητικόν, εἴγε ἡ ὕλη παθητικὴ, τὰ δὲ παρὰ τὴν ὕλην τρία αἴτια εἰς τὸ εἰδικὸν ἀνάγεται, τοῦτο δὲ ποιητικόν· πᾶν γὰρ ποιεῖ τὸ εἶδος καὶ τὴν τελειότητα ἣν ἔχει ποιεῖ.

Русский перевод: Предварительно сказав о том, относительно чего, по его словам, нужно предварительно ставить вопросы, он говорит, что относительно этого одного трудно найти истину, как обстоит дело (ибо нахождение истины в предварительно сказанном есть главное в предлагаемой на-

уке), но и ставить вопросы об этом трудно.

И он возвращается к тому, относительно чего он сначала намеревался ставить вопросы, а именно: принадлежит ли [способность] говорить обо всех началах и всех причинах одной науке или многим, согласно каждому виду причины — иной. И сначала он пытается доказать, что не одной и той же науки [дело] говорить обо всех причинах. Для этого он пользуется таким примерно рассуждением. Если одна и та же наука [имеет дело] с различающимися по виду [вещами], то они противоположны друг другу; но причины не противоположны друг другу; значит, не одна и та же наука [имеет дело] с различающимися по виду причинами. Это рассуждение [построено] по второй фигуре, и, насколько это касается способа, силлогизм правилен, но первая посылка не истинна; ибо не истинно, что если одна и та же наука [имеет дело] с различающимися по виду [вещами], то они противоположны друг другу, но правильно, что одна и та же наука [имеет дело] с противоположностями; поэтому и обратное этому — что если не одна и та же наука, то [вещи] не противоположны — не есть то же самое, что предшествующее: если одна и та же наука, то они противоположны друг другу. Там он утверждает, что только для различающихся по виду [вещей], если бы они были противоположностями, [была бы] одна и та же наука (это и говорит тот, кто говорит: как могла бы одна наука познавать не противоположные начала?); здесь же взято, что для противоположностей есть одна и та же наука, но не

только для них; и не запрещено, чтобы одна и та же наука была [и для вещей], не являющихся противоположностями; ибо [вещи] по геометрии не противоположны друг другу. Но и физика, и практическая философия, различаясь по виду, не будучи противоположными, подводятся под одну науку. Далее, кто-то скажет, что начала можно свести к противоположностям: действующее и страдательное, если материя страдательна, а три причины помимо материи сводятся к видовой, а она есть действующая; ибо вид всегда производит и производит ту завершенность, которую имеет.

(В 2. 996а)

Древнегреческий текст: "ἔτι δὲ οὐ πᾶσαι καὶ αὕτη ἡ ἐπιχείρησις πρὸς τὸ μὴ εἶναι πάντων τῶν αἰτίων μίαν ἐπιστήμην γνωστικὴν. ἀπὸ δὲ τῶν ἐπιστητῶν ποιεῖται τὴν ἐπιχείρησιν· εἰ μὴ φαίνοιτο πάντα τὰ ἐπιστητὰ πάσας ἔχοντα τὰς αἰτίας, αἱ δὲ ἐπιστῆμαι τῶν οἰκείων ἐπιστητῶν εἰσὶ γνωστικαί, δηλονότι καὶ τὰ αἷτια ταῦτα ἂν εἰδεῖν ἐκάστη, ἃ ἔστιν ἐν τοῖς οἰκείοις ἐπιστητοῖς αὐτῆς. οὕτω τε ἂν ἄλλη ἄλλων εἶη γνωστικὴ ἐπιστήμη αἰτίων, τῶν ἐν τοῖς οἰκείοις ἐπιστητοῖς. ὅτι δὲ οὐκ εἰσὶ πᾶσαι αἱ αἰτίαι ἐν πᾶσι τοῖς ἐπιστητοῖς δείκνυσιν ἐπὶ τῶν ἀκινήτων· τὰ ἀκίνητα ἂν εἶη λέγων τὰ ἀγένητά τε καὶ ἄφθαρτα, κινήσεως δὲ ἀρχὴν λέγει τὸ ποιητικὸν αἷτιον. ἐν δὲ τοῖς ἀκινήτοις τίθησι καὶ τὰ μαθηματικά· ἐν γὰρ τούτοις οὐτε τὸ ὅθεν ἡ ἀρχὴ τῆς κινήσεως ἔστιν αἷτιον, τοῦτο δὲ ἔστι τὸ ποιητικόν· πῶς γὰρ ἂν εἶη ἐν τοῖς ἀγενήτοις καὶ ἀκινήτοις αἷτιον ποιητικόν

ἢ κινητικόν; ἀλλ' οὐδὲ ἡ τοῦ ἀγαθοῦ φύσις (αὕτη δέ ἐστι τὸ τέλος καὶ τὸ οὗ ἕνεκα) ἐν τούτοις ἐστίν· τὸ γὰρ ὡς ἀγαθὸν αἷτιόν ἐστι τὸ οὗ χάριν τὰ ἄλλα, αὐτὸ δὲ οὐδενός, καὶ διὰ τοῦτο τέλος. ἀλλὰ μὴν τὸ τέλος καὶ τὸ τινὸς χάριν τὰ πρὸ τοῦ τέλους ποιεῖν ἐν πράξεσιν ἐστι καὶ ἐν ταῖς ποιητικαῖς καὶ πρακτικαῖς τῶν ἐπιστημῶν· ἐν οἷς δὲ ποίησις καὶ πρᾶξις, καὶ κίνησις ἐν τούτοις, ὥστε ἐν τοῖς ἀκινήτοις οὐκ ἂν εἴη οὐδὲ αὕτη ἡ αἰτία ἡ τελική, ἣτις ἐστὶ τὸ ἀγαθὸν τῇ αὐτοῦ φύσει καὶ ἀπλῶς· τοῦτο γὰρ καὶ λέγοι ἂν διὰ τὸ καθ' αὐτὸ καὶ διὰ τὴν αὐτοῦ φύσιν, καὶ αὐτοαγαθὸν εἶπε. βουλόμενος δὲ δεῖξαι ὅτι οὐδὲ ἡ κατὰ τέλος αἰτία ἐν πᾶσιν ἐστίν, ὥσπερ οὖν οὐδὲ ἡ ποιητική (ἐν δὲ τοῖς ἀκινήτοις οὐδετέρα), οὐκ αὐτὸ τοῦτο εἶπε τὴν κατὰ τέλος αἰτίαν μὴ εἶναι ἐν αὐτοῖς, ἀλλὰ τὴν τοῦ ἀγαθοῦ φύσιν καὶ συμβέβηκε τέλει εἶναι· διὸ καὶ προβιβάζει ἀπὸ τοῦ ἀγαθοῦ ἀρξάμενος, ὅτι μὴδὲ ὡς τέλος αἰτία ἐστίν ἐν τοῖς ἀκινήτοις, δεικνὺς τὸ ἀγαθὸν τέλος ἐν πᾶσιν ὄν. ἐπεὶ δὲ ἐστὶ τινα ἀγαθὰ καὶ ποιητικά, ποῖα ἀγαθὰ τελικά ἐστιν ἐδήλωσεν εἰπὼν "εἵπερ πᾶν, ὃ ἂν ᾗ ἀγαθὸν καθ' αὐτὸ καὶ διὰ τὴν αὐτοῦ φύσιν, τέλος ἐστίν." λαβὼν δὲ τὸ ἀγαθὸν τὸ καθ' αὐτὸ ὡς τέλος αἷτιον εἶναι, δείξας ὅτι τὸ ὡς τέλος αἷτιον πράξεώς τινός ἐστι τέλος, αἱ δὲ πράξεις πᾶσαι μετὰ κινήσεως (αἱ τε γὰρ κατὰ τὰς ἀρετὰς ἐνέργειαι σκοπὸν ἔχουσαι τὸ καλὸν μετὰ κινήσεως γίνονται, ἀλλὰ καὶ τῶν τεχνῶν ἐκάστη ἀγαθοῦ τινὸς ἐφιεμένη δι' ἐνεργείας τε καὶ κινήσεως αὐτοῦ τυγχάνει), διὰ τούτων ἔδειξεν ὅτι ἐν τοῖς ἀκινήτοις οὐκ ἔστιν

ἡ τοῦ ἀγαθοῦ τε καὶ τοῦ τέλους αἰτία. τὸ δὲ οὐδὲ εἶναι τι αὐτοαγαθὸν τῇ αὐτοῦ φύσει, τὸ δὲ οὕτως ἀγαθὸν εἶπεν εἶναι τέλος. ὅτι δὲ τοῦτο οὕτως ἔχει, παρέθετο τὰ μαθηματικά· ἐν γὰρ τούτοις οὐκ ἔστιν οὔτε ποιητικὴ οὔτε ἡ ὡς τέλος αἰτία, οὐδὲ ἐστὶν ἀπόδειξις τις ἐν γεωμετρίᾳ τινὸς προσχρωμένη τῷ βέλτιον καὶ οὕτως, οἷον τῷ τὰς τοῦ τριγώνου γωνίας δυσὶν ὀρθαῖς ἴσας εἶναι, διότι τοῦτο ἄμεινον, ὥσπερ ἐπὶ τῶν φύσει γιγνομένων καὶ τῶν κατὰ τέχνην κινουμένων τὸ ἕνεκα· οὐδὲ τὴν ἀρχὴν μέμνηται τις γεωμετρῶν τοῦ ὡς τέλους αἰτίου. τούτου δ' οὕτως ἔχοντος ἄλλαι ἄλλων ἂν εἶεν ἐπιστήμαι αἰτίων γνωστικά· τοῦ γὰρ καὶ τοῦτο λαβεῖν χάριν ἐκείνων ἐμνημόνευσεν. εἰπὼν δὲ περὶ τῶν μαθηματικῶν ὅτι μὴ ἐστὶν ἐν αὐτοῖς τὸ τελικὸν αἷτιον, ὅπερ ἐστὶ τὸ ἀγαθόν, εἰς βεβαίωσιν τούτου παρατίθεται τὴν τῶν σοφιστῶν ἱστορίαν, καὶ Ἀριστίππου μνημονεύει, ὃς καὶ αὐτὸς ὁμοίως ἄλλοις τισὶ τῶν σοφιστῶν ἔλεγε τὰς μαθηματικὰς ἐπιστήμας ὡς καὶ τῶν εὐτελεστάτων τεχνῶν καταδεεστέρας· ἐκείνων γὰρ καὶ ἐκάστης εἶναι τι τέλος καὶ ἀγαθὸν προσκείμενον καὶ μεμνησθαι αὐτοὺς ἐν τοῖς γιγνομένοις ὑπ' αὐτῶν τοῦ ὅτι βέλτιον οὕτως, τὰς δὲ μαθηματικὰς μηδὲν ἔχειν αἷτιον τοιοῦτον μηδὲ ποιεῖσθαι τινα λόγον περὶ ἀγαθῶν καὶ κακῶν. δοκεῖ δὲ ἐν τῷ λόγῳ τούτῳ παραγωγὴ τις πάλιν εἶναι· καὶ γὰρ εἴ τισι τῶν ἐπιστητῶν μὴ πάντα ἐστὶ τὰ αἷτια, διὰ τοῦτο οὐκ ἔσται μιᾶς καὶ περὶ πάντων εἰδέναι. τῷ γὰρ αὐτῷ λόγῳ προχρωμένους ἔνεστι δεῖξαι ὅτι ἐπεὶ τισιν ἐπιστητοῖς πάντα εἰσὶ τὰ αἷτια μιᾶς ἐπιστήμης εἴη τὸ εἰδέναι αὐτά· εἰ δὲ μὴ

πάσαι πάντα, ἀλλ' εἰσὶ τινες ἐν αἷς τινὰ ἐξ αὐτῶν, ἤδη διὰ τοῦτο οὐδεμία ἔσται ἢ πάντα εἰσομένη, ὥς μετ' ὀλίγον καὶ αὐτὸς ἐνδείξεται ζητῶν, ἐν οἷς πάντα τὰ αἷτια τῷ ἔχειν τὸ ὑποκείμενον αὐταῖς τὰ τέσσαρα αἷτια, κατὰ ποίου αἰτίου γνῶσιν μάλιστα ἢ τοῦ προκειμένου ἐπιστήμη γίνεται. ἔτι δὲ οὐ πᾶν ἀγαθὸν τῇ αὐτοῦ φύσει πρακτέον ἐστίν, ἀλλ' ἐστὶ τὸ πρακτέον ἀγαθόν, τὸ δὲ θεωρητικὸν καὶ οὐ πρακτέον, ὃ ἐστὶ καὶ ἐν ταῖς μαθηματικαῖς· ἡ γὰρ καὶ ἀλήθεια ἢ περὶ ἐκεῖνα ἀγαθὸν οὕσα ἐκείνοις τέλος. τοιοῦτον δὲ καὶ τὸ τῆς σοφίας τέλος· ἡ γὰρ τοῦ κυριωτάτου τε καὶ ἀρίστου τῶν ὄντων καὶ μάλιστα ὄντος γνῶσις μέγιστον οὕσα ἀγαθὸν ἐκείνη τέλος.

Русский перевод: «Далее, не все» — и это рассуждение направлено против того, чтобы была одна наука, познающая все причины. Он строит доказательство на основе познаваемых [вещей]: если не все познаваемые [вещи] имеют все причины, а науки познают свои собственные предметы, то очевидно, что каждая [наука] знала бы те причины, которые находятся в ее собственных предметах. И таким образом одна наука была бы познающей одни причины, другая — другие, а именно те, что в ее собственных предметах. Что не все причины находятся во всех познаваемых [вещах], он показывает на примере неподвижных [вещей]; неподвижными он называет нерожденные и негибнущие [вещи], а началом движения называет действующую причину. К неподвижным он относит и математические [вещи]; ибо в них нет причины «откуда начало движения», то есть действующей; ибо как могла

бы быть в нерожденных и неподвижных [вещах] действующая или движущая причина? Но нет в них и природы блага (а это цель и то, ради чего); ибо благо как причина есть то, ради чего другие [вещи], а само ни для чего, и поэтому цель. Но цель и [то, что] нечто делается ради чего-то, находится в действиях и в производящих и практических науках; а где производство и действие, там и движение; так что в неподвижных [вещах] не было бы и самой целевой причины, которая есть благо по своей природе и просто; это он и говорит через «само по себе и по своей природе», и назвал [это] самобластом. Желая показать, что и целевая причина не во всем, как и действующая (а в неподвижных нет ни той, ни другой), он сказал не то, что целевой причины нет в них, но что природы блага [в них нет], а благо по совпадению есть цель; поэтому он продвигается, начиная с блага, [показывая], что и как цель причина не есть в неподвижных, показывая, что благо есть цель во всем. Поскольку же есть некоторые блага и производящие, какие блага суть целевые, он показал, сказав: «если всякое благо само по себе и по своей природе есть цель». Взяв же благо само по себе как целевую причину, и показав, что целевая причина есть цель некоторого действия, а все действия происходят с движением (ибо и деятельности согласно добродетелям, имея целью прекрасное, происходят с движением, но и каждое из искусств, стремясь к некоторому благу, достигает его через деятельность и движение), через это он показал, что в неподвижных [вещах] нет причины

блага и цели. А что нет и самого самоблата по своей природе, а такое благо, сказал он, есть цель. Что это так, он привел в пример математические [вещи]; ибо в них нет ни действующей, ни целевой причины, и нет в геометрии какого-либо доказательства, использующего «лучше» и «так», например, что углы треугольника равны двум прямым, потому что это лучше, как в природных [вещах] и в подвижных искусством [вещах] [используется] «ради»; и вообще геометр не упоминает целевой причины. Раз это так, то одни науки были бы познающими одни причины, другие — другие; ибо для того чтобы принять и это, он упомянул о тех. Сказав же о математических [вещах], что в них нет целевой причины, которая есть благо, для подтверждения этого он приводит историю софистов и упоминает Аристиппа, который, подобно некоторым другим софистам, говорил, что математические науки уступают даже самым низким искусствам; ибо у каждого из них есть некоторая цель и присущее благо, и они помнят в том, что производят, что так лучше; математические же [науки] не имеют такой причины и не говорят ни о благах, ни о злах. Кажется, что в этом рассуждении опять есть некоторое отступление; ибо если у некоторых познаваемых [вещей] не все причины, то из-за этого не будет одной науки, знающей обо всем. Ибо, пользуясь тем же рассуждением, можно показать, что поскольку у некоторых познаваемых [вещей] есть все причины, то знание о них было бы делом одной науки; если же не все [имеют] все, но есть некоторые, у которых

есть некоторые из них, то уже из-за этого не будет ни одной, которая знала бы все, как немного далее и сам он покажет, исследуя, в каких [вещах] все причины, поскольку субстрат для них имеет четыре причины, и знание какой причины в наибольшей степени составляет науку о предмете. Далее, не всякое благо по своей природе должно быть делаемо, но есть благо делаемое, а есть теоретическое и не делаемое, каковое есть и в математических [науках]; ибо истина о них, будучи благом, есть для них цель. Таково же и цель мудрости; ибо знание о наиболее главном и лучшем из сущего и наиболее сущем, будучи величайшим благом, есть для нее цель.

Глава XVII. О том, что мудрость может быть различными науками в зависимости от вида причин (Книга В, Глава 2)

(В 2. 996b)

Древнегреческий текст: "ἀλλὰ μὴν καὶ ἐπιστήμαι." εἰς τὸ ἐναντίον μέτεισιν· ἀπορεῖ γάρ, εἰ πλείους εἰσὶν αἱ τῶν αἰτίων καὶ τῶν ἀρχῶν γνωστικαὶ ἐπιστήμαι ἢ μὴ μία τις, ὥσπερ δοκεῖ διὰ τῶν προηπορημένων δεῖχθαι τῷ μηδὲ χρῆσθαι ἕκαστον τῶν ἐπιστητῶν πᾶσι τοῖς αἰτίοις, τίνος τῶν αἰτίων γνωστικὴν εἶναι δεῖ τὴν ζητουμένην ἐπιστήμην (αὕτη δὲ ἐστὶν ἡ σοφία, ὡς ἐπιφέρει), ἢ τίνα μάλιστα τοῦ πράγματος τοῦ ζητουμένου ἐπιστήμονα τῶν ἐχόντων πάντα τὰ αἷτια λέγειν χρή· "ἐνδέχεται γὰρ τῷ αὐτῷ πάντας τοὺς τρόπους τῶν αἰτίων ὑπάρχειν." ποίου οὖν αἰτίου γινώσιν καὶ ποῖον εἰδῶς τῶν αἰτίων τούτων ἔσται τοῦ πράγματος τοῦ ὑποκειμένου ἐπιστήμων; εἰ γὰρ καὶ ἄλλης αἰτίας ἄλλη ἐπιστήμη γνωστικὴ, ἐν οἷς πράγμασι τὰ δ' ἐστὶν αἷτια, τούτων τῶν πραγμάτων ὁ ποῖον τῶν τεσσάρων αἰτίων εἰδῶς ἐπιστήμων ἔσται; διὰ δὲ τούτων ὄντων ὁμοῦ καὶ τὸ μὴ εἶναι δεικνύναι ἀπορίαν ἄλλην ἄλλων αἰτίων ἐπιστήμην εἶναι γνωστικὴν καὶ μὴ πάντων μίαν, διότι μὴ ἐν πάσαις τὰ αἷτια,

ἐλέγχει, παρατιθέμενος ὅτι εἰ ἔν τισι πάντα ἐστὶ τὰ αἷτια, ὧν αἱ ἐπιστῆμαι, δῆλον ὡς πάντων ἔσονται, ὡς ἔχει ἐφ' ἧς παρέθετο, αὕτη δέ ἐστὶν ἡ οἰκοδομική, ἐφ' ἧς εἶπε τὸ εἶδος εἶναι τὸν λόγον, ὅτι κατὰ τὸ εἶδος ὁ ἐκάστου ὁρισμός. διὸ ἔνεκα, τὸ ἔργον" εἶπεν ἦτοι λέγων τὸ οὗ ἔνεκα καὶ ἐν αὐτῇ, οὗ χάριν τὸ ἔργον γίγνεται (γίγνεται δὲ σκέπης), καὶ τὸ ἔργον τὸ γιγνόμενον λέγων ἐν αὐτῇ τὸ οὗ ἔνεκα εἶναι, ὅπερ ἐστὶ τὸ εἶδος· ὡς τὸν αὐτὸν εἶναι τὴν τε τοῦ τέλους καὶ τὴν κατὰ τὸ εἶδος αἰτίαν, ὡς ἐπὶ τῶν φύσει γιγνομένων ἐστὶν εὐρεῖν. ἢ τὸ ἔργον τὸ εἶδος ἐστὶν ἀλλὰ τὸ συναμφοτέρων, ὃ οὐκ ἂν εἴη ταῦτόν τῇ κατὰ λόγον αἰτίᾳ. δύναται καὶ τοιοῦτόν τι λέγεσθαι· ἐν οἷς τὰ τέσσαρα αἷτια, κατὰ ποίου αἰτίου γνῶσιν τὸ ἐπίστασθαι μάλιστα γίγνεται τῷ πάντα τὰ αἷτια αὐτοῦ εἰδότε; εἴη γὰρ ἂν τῆς σοφίας ἢ τοῦ τοιούτου αἰτίου γνῶσις οἰκεία. δείξας δὲ ἄτοπον ὃν τὸ τὰ αἷτια τοῦ αὐτοῦ τινὸς ὑπὸ πλειόνων γνωρίζεσθαι ἐπιστημῶν, ἄλλης ἄλλο γνωρίζουσης, διὰ τὸ εἰπεῖν "ἢ τίνα μάλιστα τοῦ πράγματος τοῦ ζητουμένου ἐπιστήμονα τῶν ἐχόντων αὐτάς;" τοῦτο γὰρ καταλείπει, ἀπαντᾷ δὲ πρὸς τὸ τίνα τούτων φατέον εἶναι τὴν ζητουμένην.

Русский перевод: «Но, конечно, и науки». Он переходит к противоположному; ибо он ставит вопрос: если есть много наук, познающих причины и начала, или же нет какой-то одной, как, по-видимому, было показано через предшествующие затруднения тем, что не каждый из познаваемых [предметов] использует все причины, — то знание какой из при-

чин должна быть искомой наукой (а это есть мудрость, как он прибавляет), или кого из тех, кто знает все причины, следует называть наиболее сведущим в искомом предмете? «Ибо возможно, что в одном и том же [предмете] присутствуют все виды причин». Итак, знание какой причины и знание какой из этих причин сделает [кого-то] сведущим в подлежащем предмете? Ибо если знание одной причины есть одна наука, а другой — другая, то в тех предметах, где есть причины, кто из знающих четыре причины будет сведущ в этих предметах? Через это вместе [с тем] он опровергает [мнение], что существует затруднение: знание одних причин есть одна наука, а не всех [причин] — одна, потому что не во всех [предметах] есть причины, приводя [пример], что если в некоторых [предметах] есть все причины, то [знание] их, очевидно, будет [делом] одной науки, как в том, что он привел в пример, — а это строительное искусство, в котором он сказал, что вид есть определение, потому что согласно виду [дается] определение каждого. Поэтому «ради чего, дело» сказал он, либо называя «то, ради чего» и в нем, ради чего дело происходит (а происходит ради защиты), и называя дело, которое происходит в нем, «тем, ради чего», что и есть вид; так что одно и то же — и целевая причина, и причину по виду, как можно найти в природных [вещах]. Или дело есть вид, но [и] соединение [материи и формы], что не было бы тем же самым, что причиной по определению. Можно сказать и нечто такое: в тех [вещах], где есть четыре причины, знание какой

причины составляет [научное] знание в наибольшей степени для того, кто знает все причины этого [предмета]? Ибо знание такой причины было бы свойственно мудрости. Показав же, что нелепо, чтобы причины одного и того же познавались многими науками, одна — одним, другая — другим, через [вопрос] «или кого из знающих их следует называть наиболее сведущим в искомом предмете?» — ибо это он оставляет [открытым], — он отвечает на вопрос, которую из них следует называть искомой.

(В 2. 996b)

Древнегреческий текст: "ἐκ δὲ τῶν λόγων." εἰπὼν τίνα τούτων φατέον τὴν ζητούμενην, ὅτι πάσας ἐνδέχεται λέγειν δείκνυσι, χρώμενος τοῖς ἐν τῷ Α περὶ τῆς σοφίας εἰρημένοις. ὥς καὶ ἐν τῷ πρὸ τούτου τῷ μείζονι τίνες κοιναὶ περὶ τοῦ σοφοῦ προλήψεις, ἐν οἷς ἦν τὸ δεῖν ἀρχικωτάτην καὶ ἀρχιτεκτονικωτάτην αὐτὴν εἶναι, ἀλλὰ καὶ ἀκριβεστάτην καὶ μάλιστα εἰδυῖαν, ἀλλὰ καὶ τῶν χαλεπῶν γνωστικὴν, ἀλλὰ καὶ πάντα εἰδυῖαν ὥς ἐνδέχεται, ἀλλὰ καὶ διδασκαλικήν. τούτοις οὖν φησι προχρώμενος ὥς ἔνεστιν ἴσως καθ' ἕκαστον αἴτιον ἐπιούσι δεικνύναι τὴν γνωστικὴν αὐτοῦ σοφίαν οὕσαν. καθ' ὅσον γὰρ ἡ σοφία ἡγεμονικωτάτη τέ ἐστι καὶ ἀρχιτεκτονικωτάτη ἐπιστήμη, καὶ καθάπερ δέσποινα τῶν ἄλλων ἐπιστημῶν, ἡ τοῦ τέλους ἂν γνῶσις εἴη· τοῦτο γὰρ τὸ ἀγαθὸν καὶ τούτου χάριν τᾶλλα· πρὸς τοῦτο γὰρ δρῶντες ἐπιτάσσουσιν ἃ δεῖ ποιεῖν. ἀρχικωτάτη οὖν καὶ τελειοτάτη καὶ ἀρίστη ἡ τοῦ ἀρίστου

τῶν αἰτίων γνῶσις, τοιοῦτον δὲ οὐ χάριν τὰ ἄλλα. ταύτη οὖν τοῦτο δόξει ἡ σοφία εἶναι τοῦ τέλους γνωστική.

"ἔτι δὲ ἡ τοιαύτη." καθ' ὅσον, φησί, πάλιν ἡ σοφία ἐρρήθη τῶν πρώτων αἰτίων εἶναι γνωστική καὶ τῶν μάλιστα ἐπιστητῶν, τοῦτο πάλιν δόξει ἡ τοῦ εἶδους καὶ τῆς τοιαύτης αἰτίας γνῶσις σοφία εἶναι. εἰπὼν τε πρῶτον περὶ τοῦ ὡς τέλους αἰτίου τοῦ ἐν πρακτοῖς, δεύτερον εἶπε περὶ τοῦ ὡς τέλους αἰτίου τοῦ ἐν τοῖς θεωρητοῖς. ὅτι δὲ τὸ εἶδος μάλιστα γνωστόν, δείκνυσι διὰ τὸ ἐπὶ πάντων τότε λέγεσθαι ἐπιστήμην, ὅταν εἶδος εἰδῇ τίς τινος καὶ τὴν τοιαύτην αἰτίαν. πολλαχῶς ἐπισταμένων τὸ αὐτὸ μᾶλλον εἰδέναι φαμέν τὸν τῷ εἶναι γνωρίζοντα τί τὸ πρᾶγμα ἢ τὸν τῷ μὴ εἶναι. δεικνὺς ὅτι ὁ τὴν κατὰ τὸ εἶδος αἰτίαν τοῦ ἐπιστητοῦ γνωρίζων μάλιστα οἶδεν αὐτό, λαμβάνει πρῶτον ὅτι μᾶλλον ἴσμεν τὸ προκείμενον, ὅταν ἐκ τῶν ὑπαρχόντων αὐτῷ εἰδῶμεν ἢ ὅταν ἐκ τῶν μὴ ὑπαρχόντων· τοῦτο γὰρ ἐστὶ τὸ τῷ μὴ εἶναι· γίνονται γάρ τινες καὶ διδασκαλῖαι καὶ λόγοι τινῶν ἐξ ἀποφάσεων, ἥτις γνῶσις ἐκ τοῦ μὴ εἶναι εἴη ἂν. ὁ γοῦν τὸ σημεῖον ὀριζόμενος τῷ μὴ ἔχειν μέρος, τῷ μὴ εἶναι γνωρίζει αὐτό, καὶ ἐκ τοῦ μὴ ὑπάρχοντος αὐτῷ τὴν ἀπόδοσιν τοῦ λόγου ποιεῖται. ὁμοίως δὲ καὶ ὁ λέγων συμβεβηκὸς εἶναι ὃ μήτε ὅρος ἐστὶ μήτε γένος μήτε ἴδιον, ὑπάρχει δὲ τῷ πράγματι, ἐκ τοῦ μὴ εἶναι ὀρίζεται. αὐτὸς δὲ ὁ λέγων ὃ οἷόν τε ὑπάρχειν τῷ αὐτῷ καὶ μὴ ὑπάρχειν, οὗτος τῷ εἶναι γνωρίζει συμβεβηκός· ἐκ τοῦ ὑπάρχοντος αὐτῷ. τῶν δὲ τῷ εἶναι γνωριζόντων μάλιστα εἰδέναι λέγομεν τὸν τί ἐστὶ καὶ

πρᾶγμα εἰδότα ἢ τὸν ὅτι αὐτῷ συμβέβηκεν, τὸν καὶ ἀπὸ τῆς οὐσίας γνωρίζοντα αὐτό, οἱ δὲ ἀπὸ τινος συμβεβηκότος. ἕκαστον δὲ ἐστὶ τοῦτο ὃ ἐστὶ τὸ εἶδος, ὥστε ὁ τὸ εἶδος εἰδὼς μάλιστα οἶδεν αὐτό. εἰ δὴ ἡ τοῦ εἶδους καὶ ταύτης τῆς αἰτίας γνωσις μάλιστα ἐστὶν ἐπιστήμη τοῦ πράγματος, ἡ δὲ μάλιστα ἐπιστήμη σοφία, εἴη ἂν καὶ τοῦτον πάλιν τὸν λόγον σοφία ἡ τῆς κατὰ τὸ εἶδος αἰτίας ἐπιστήμη.

Русский перевод: «Итак, из рассуждений». Сказав, которую из них следует называть искомой, он показывает, что можно сказать, что все [они суть мудрость], используя сказанное в книге А о мудрости. Как и в предшествующей большей [книге] — какие общие предварительные представления о мудреце, среди которых было то, что она должна быть самой начальственной и архитектурической, но также и самой точной и наиболее знающей, но и познающей трудное, но и знающей все, насколько возможно, но и наставительной. Итак, говорит он, используя это, можно, насколько возможно, пройдя по каждой причине, показать, что знание ее есть мудрость. Ибо насколько мудрость есть самая начальственная и архитектурическая наука, и как бы госпожа других наук, настолько [мудростью] было бы знание цели; ибо это есть благо, и ради него — остальное; ибо, действуя ради него, они предписывают, что должно делать. Итак, самое начальственное, самое совершенное и самое лучшее есть знание о лучшей из причин, а такова та, ради чего другие [вещи]. Поэтому по этой [причине] мудрость покажется знанием о цели.

«Далее, такая». Поскольку, говорит он, опять мудрость была названа знающей первые причины и наиболее познаваемые [вещи], то опять знание вида и такой причины покажется мудростью. И сказав сперва о причине как о цели в практических [делах], во-вторых он сказал о причине как о цели в теоретических [предметах]. Что же вид наиболее познаваем, он показывает через то, что во всех [случаях] мы говорим о знании тогда, когда кто-то знает вид чего-то и такую причину. Из многих способов знать одно и то же мы говорим, что более знает тот, кто познает [вещь] через бытие, что такое вещь, чем тот, кто [познает] через не-бытие. Показывая, что тот, кто знает причину по виду познаваемого, наиболее знает его, он принимает сперва, что мы более знаем предмет, когда знаем его из присущего ему, чем когда из не присущего; ибо это и есть [знание] через не-бытие; ибо некоторые обучения и рассуждения о некоторых [вещах] происходят через отрицания, каковое знание было бы из не-бытия. Так, тот, кто определяет точку как не имеющую части, познает ее через не-бытие и дает определение из не присущего ей. Подобным образом и тот, кто говорит, что привходящее есть то, что не есть ни определение, ни род, ни собственное [свойство], но присуще вещи, определяет через не-бытие. А тот, кто говорит о том, что может быть присуще одному и тому же и не быть присущим, познает привходящее через бытие; [он познает его] из присущего ему. Из познающих через бытие мы говорим, что наиболее знает тот, кто знает, что

есть вещь, а не то, что ей привходит, — тот, кто познает ее и через сущность; другие же — через некое привходящее. Каждое же есть то, что есть вид; так что знающий вид наиболее знает ее. Если же знание вида и такой причины есть в наибольшей степени наука о вещи, а наука в наибольшей степени есть мудрость, то и по этому рассуждению мудростью была бы наука о причине по виду.

(В 2. 996b)

Древнегреческий текст: Ἔτι ἕκαστον. ὃ κατὰλληλόν ἐστι τῆς λέξεως· ἔτι δὲ καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις τὸ εἰδέναι ἕκαστον τότε οἴομεθα ὑπάρχειν ὣν ἀποδείξεις εἰσίν, ὅταν εἰδῶμεν ὃ τί ἐστιν. τὸ δὲ ἐν τοῖς ἄλλοις εἶπεν ὡς ἴσον τῷ ἐν πᾶσιν ὣν ἐστὶν ἀπόδειξις. ὅτι δὲ ἡ τοῦ εἶδους γνῶσις μάλιστα γνῶσις ἐστι τοῦ πράγματος, δείκνυσι διὰ τοῦ καὶ ἐν ταῖς ἀποδείξεσι τότε ἡμᾶς οἶεσθαι ἀπόδειξιν ἔχειν τοῦ προκειμένου, ὅταν εἰδῶμεν τὸν λόγον καὶ τὸν ὅρισμόν τοῦ προκειμένου· ὅταν γὰρ ὅρισμόν εἰδῶμεν τοῦ προκειμένου, καὶ διὰ τοῦ ὁρισμοῦ δεικνύμενόν τι ὑπάρχειν δείξωμεν ὑπάρχον αὐτῷ, τότε ἡγώμεθα τὴν κυριωτάτην ἀπόδειξιν ἔχειν αὐτοῦ. οἷον τί ἐστι σελήνης ἔκλειψις τότε ἴσμεν, ὅταν μάθωμεν ὅτι ἀντίφραξις γῆς ἐστὶν ὁ ὅρισμός τῆς ἐκλείψεως. ὁμοίως καὶ τί ἐστι τετραγωνισμός εὐθυγράμμου τότε ἴσμεν, ὅταν μάθωμεν ὅτι μέσης εὐρεσις· ἀπὸ γὰρ τῆς μέσης ἀναγραφόμενον τετράγωνον ἴσον τῷ εὐθυγράμμῳ· μέση δὲ δὴ ἐστὶ μείζων μὲν τῆς ἐλάττονός ἐστι τῶν τοῦ εὐθυγράμμου πλευρῶν, ἐλάττων δὲ τῆς μείζονος, ἀφ' ἧς τὸ ἀναγραφόμενον

τετράγωνον ἴσον ἐστὶ τῷ δοθέντι εὐθυγράμμῳ· ὁ τῆς αἰτίας ὁρισμὸς ἀπόδειξις θέσει διαφέρουσα, ὥς ἐν τοῖς Ὑστέροις Ἀναλυτικοῖς ἔδειξε.

Πρὶν πράξεις. δείξας ὅτι δύναται σοφία εἶναι καὶ ἡ τοῦ εἰδικοῦ αἰτίου γνῶσις, νῦν ὅτι καὶ ἡ τοῦ ποιητικοῦ αἰτίου γνῶσις δύναται ἡ σοφία εἶναι δείκνυσιν· ἐν γὰρ καὶ πᾶσι τοῖς γιγνομένοις καὶ πραττομένοις καὶ ὅλως μεταβάλλουσιν αἴτιον τῆς γνώσεως αὐτῶν ἡ τοῦ ποιητικοῦ γνῶσις αἰτίου, ὅπερ ἐστὶν ὅθεν ἡ ἀρχὴ τῆς κινήσεως· τότε γὰρ καὶ ἴσμεν τὴν αἰτίαν τοῦ Τρωϊκοῦ πολέμου, ὅταν εἰδῶμεν ὅτι διὰ τὸν τῆς Ἑλένης ἀρπαγὴν, ὅπερ ἐστὶν ἀρχὴ καὶ αἰτία τοῦ πολέμου, ἢ τότε ἴσμεν τὴν αἰτίαν τῆς μάχης, ὅταν τὴν λαιδορίαν γνῶμεν ἣτις ἤρξατο τῆς μάχης. εἰπὼν δὲ περὶ τοῦ ποιητικοῦ αἰτίου ἐπήνεγκε «τοῦτο δὲ ἕτερον ἀντικείμενον τῷ τέλει» καὶ τοῦτο λέγων ἀντικεῖσθαι ταῦτα τὰ αἴτια καὶ ἀντικείμενα εἶναι, ἐπήνεγκε τὸ «ὥστε ἄλλης ἂν δόξειεν ἐπιστήμης εἶναι τὸ θεωρῆσαι τῶν αἰτίων τούτων ἕκαστον,» ὅπερ οὐδὲ μετὰ τοῦ κατάλληλον εἶναι ἔχει τῷ προκειμένῳ. προὔκειτο δὲ αὐτῷ ζητῆσαι, εἰ μὴ τῆς αὐτῆς ἐπιστήμης ἐστὶν ἡ γνῶσις ἀπάντων τῶν αἰτίων, τὴν τίνος τῶν αἰτίων γνῶσιν χρὴ σοφίαν καλεῖν. εἴτα ἔδειξεν ὅτι ἔστι πῶς τὰς περὶ τῆς σοφίας προλήψεις ἀρκεῖν λέγειν τὴν τε τοῦ τέλους αἰτίου γνῶσιν καὶ τὴν τοῦ εἶδους καὶ τὴν τοῦ ποιητικοῦ. οἷς δειχθεῖσιν ἀκόλουθον ἦν ἐπενεγκεῖν τὸ πλείους τὰς σοφίας ἔσεσθαι. δεῖ οὖν τὸ εἰρημένον ἀκούειν ὥς ἴσον δυνάμενον τῷ «ὥστε ἄλλης ἂν σοφίας καὶ ἄλλης εἴη τὸ θεωρῆσαι

τούτων τῶν αἰτίων ἕκαστον καὶ οὐ μία ἢ σοφία, εἶγε μὴ μιᾶς ἐπιστήμης τὸ τὰς αἰτίας θεωρῆσαι, ἢ δὲ ἐκάστου τῶν τριῶν θεωρητικὴ σοφία. δύναται δὲ ὡς ἄλλης ἂν δόξειεν ἐπιστήμης εἶναι καὶ θεωρῆσαι τῶν αἰτίων τούτων ἕκαστον μὴ ὡς τοῖς νῦν εἰρημένοις ἀκόλουθον ἐπενηνοχέναι ἀλλ' ὡς τοῖς πρώτοις προειρημένοις συνάπτων τὸ ἄλλην ἄλλου αἰτίου ἐπιστήμην γνωστικὴν εἶναι. ἢ προειπὼν περὶ τοῦ ποιητικοῦ αἰτίου ὅτι ἕτερον τοῦτο καὶ ἀντικείμενον τῷ τέλει, περὶ τούτων ἐπήνεγκεν ὅτι διότι ἐστὶν ἐναντία, διὰ τοῦτο οὐ τῆς αὐτῆς ἀλλὰ ἄλλης ἐπιστήμης ἔσται ἑκατέρου τούτων τῶν αἰτίων γνῶσις. ἢ ἄμεινον γεγράφθαι «ὥστε οὐκ ἄλλης ἂν δόξειεν ἐπιστήμης εἶναι θεωρῆσαι τῶν αἰτίων τούτων ἕκαστον»· διὰ τοῦτο γὰρ οὐκ ἐδόθη αὕτη τῶν αἰτίων πάντων γνωστικὴ εἶναι, ὅτι μὴ ἐναντία, εὔρε δὲ ἐναντιότητα ἐν τοῖς αἰτίοις τῷ τελικῷ καὶ τῷ ποιητικῷ. ἔτι δὲ καὶ διὰ τὰ ἄλλα τὰ εἰρημένα πρὸς τὸ μὴ εὐλογον εἶναι πλείους ἐπιστήμας εἶναι περὶ τὴν γνῶσιν τῶν αἰτίων, ἐπιφέροι ἂν τι καὶ τὰ προειρημένα ἐκ ἄλλης καὶ ἄλλης ἐπιστήμης ἢ τῶν αἰτίων τούτων γνῶσις. εἴη δ' ἂν μᾶλλον δεδαιγμένον καὶ ὅτι τῆς σοφίας οἰκεῖος ὁ περὶ τῶν αἰτίων ἀπάντων λόγος. σημειωτέον δὲ ὅτι δι' ὧν νῦν εἴρηκε πάλιν ἐμνημόνευσε τοῦ Α τοῦ μείζονος· ἐν ἐκείνῳ γὰρ καὶ ἐξέθετο τὰς περὶ τοῦ σοφοῦ προλήψεις. μνημονεύσας δὲ τῶν τριῶν αἰτίων καὶ δείξας πῶς τί δύναται ἢ ἐκάστου τούτων γνωστικὴ ἐπιστήμη σοφία εἶναι ἢ ζητουμένη νῦν, οὐκέτι τῆς κατὰ τὴν ὕλην αἰτίας ἐμνημόνευσεν ὡς τῆς ἐκείνων τῶν αἰτίων

γνώσεως κυριωτέρας καὶ μᾶλλον ἐπιστήμης οὐσης τῆς
ὕλικῃς· κυριώτερον γὰρ ἐκεῖνο ἢ μᾶλλον αἴτιον· ἡ γὰρ ὕλη
ἐν τοῖς ἐξ αὐτῆς γινομένοις ὄν τὸ ἐκ ἄνευ λέγειν ἔχειν δοκεῖ.

Русский перевод: «Далее, каждое». Это [сказано] сооб-
разно с выражением; далее, и в других [случаях] мы счита-
ем, что знание каждого [предмета], для которого есть дока-
зательства, имеется тогда, когда мы знаем, что это есть. А «в
других» он сказал как равнозначное «во всех, для чего есть
доказательство». Что знание вида есть в наибольшей степени
знание вещи, он показывает через то, что и в доказательствах
мы считаем, что имеем доказательство предложенного то-
гда, когда знаем определение и определение предложенного;
ибо когда мы знаем определение предложенного и покажем,
что нечто, доказываемое через определение, присуще [ему],
тогда мы считаем, что имеем самое главное доказательство
его. Например, что такое затмение луны, мы знаем тогда, ко-
гда узнаем, что определение затмения есть заслонение [ее]
Землей. Подобным образом и что такое квадратура прямо-
линейной [фигуры], мы знаем тогда, когда узнаем, что это
есть нахождение средней [пропорциональной]; ибо от сред-
ней [пропорциональной] построенный квадрат равен прямо-
линейной [фигуре]; средняя же есть [величина], большая,
чем меньшая из сторон прямолинейной [фигуры], и мень-
шая, чем большая, от которой построенный квадрат равен
данной прямолинейной [фигуре]; определение причины есть
доказательство, отличающееся [только] положением, как он

показал во "Второй аналитике".

«Прежде действий». Показав, что знание видовой причины может быть мудростью, теперь он показывает, что и знание действующей причины может быть мудростью; ибо во всем возникающем и совершаемом и вообще изменяющемся причиной знания о них является знание действующей причины, которое есть «откуда начало движения»; ибо тогда мы знаем причину Троянской войны, когда знаем, что [она была] из-за похищения Елены, что есть начало и причина войны, или тогда мы знаем причину битвы, когда знаем ссору, которая начала битву. Сказав же о действующей причине, он прибавил: «это же иное, противоположное цели»; и, говоря, что эти причины противоположны и суть противоположности, он прибавил: «так что созерцание каждой из этих причин показалось бы делом иной науки», что не имеет подобности с предложенным. Ему предстояло исследовать, если знание всех причин не есть дело одной науки, то знание какой из причин следует называть мудростью. Затем он показал, что некоторым образом предварительные представления о мудрости достаточно [для того, чтобы сказать], что [мудрость есть] и знание целевой причины, и знание вида, и знание действующей. После того как это было показано, следовало бы прибавить, что мудростей будет много. Поэтому следует понимать сказанное как равнозначное: «так что созерцание каждой из этих причин было бы делом иной мудрости и иной, и не одна мудрость, если созерцание причин

не есть дело одной науки, а созерцание каждой из трех есть мудрость». Можно [понять] и так, что «созерцание каждой из этих причин показалось бы делом иной науки» он прибавил не как следующее за только что сказанным, но как связывающее с первыми предшествующими [рассуждениями], что знание одной причины есть иная наука. Или, сказав предварительно о действующей причине, что она инакая и противоположна цели, он прибавил об этом, что поскольку они противоположны, то знание каждой из этих причин будет не одной и той же, но иной науки. Или лучше было бы написано: «так что созерцание каждой из этих причин не показалось бы делом иной науки»; ибо поэтому не было дано, что эта [наука] есть знающая все причины, потому что [причины] не противоположны, но он нашел противоположность в причинах — целевой и действующей. Далее, и через другие сказанные [вещи] против того, чтобы было много наук о знании причин, он прибавил бы нечто и из предшествующего, что знание этих причин есть дело иной и иной науки. Было бы более показано и то, что рассуждение о всех причинах свойственно мудрости. Следует заметить, что через то, что он теперь сказал, он опять упомянул большую книгу А; ибо в ней он изложил предварительные представления о мудреце. Упомянув же три причины и показав, как знание каждой из них может быть искомой мудростью, он уже не упомянул материальную причину, как более главную, чем знание тех причин, и более науку, чем материальная; ибо то [знание]

более главное, или более причина; ибо материя в происходящем из нее, как кажется, имеет [способность] говорить «из чего» без [другого].

Глава XVIII. О второй апории: должны ли аксиомы быть предметом философии? (Книга В, Глава 2)

(В 2. 996b – 997a)

Древнегреческий текст: Ἀλλὰ ἐστὶν. ἦν δεύτερον τοῦτο ἐν οἷς ἐξηριθμήσατο ὡς ἀπορηθησομένοις, τὸ περὶ τῶν ἀξιωμαίων, ἃ εἰσιν ἀποδείξεων ἀρχαί, ἃ καὶ κοινὰς δόξας λέγει τῷ πάντας ἀποδεικνύοντας προσχρῆσθαι αὐτοῖς. εἶπε δὲ αὐτά, ὅτε ἐμέμνητο τῆς ἀπορίας, «ἀρχὰς ἐξ ὧν δεικνύουσι πάντες.» ζητεῖ δὴ πότερον περὶ τούτων τῆς αὐτῆς ἐστὶν εἰδέναι ἥς καὶ περὶ τῶν τῆς οὐσίας καὶ τοῦ ὄντος ἀρχῶν, ἢ ἄλλης, ὡς εἶναι πλείους ἐπιστήμας περὶ τῶν ἀρχῶν, ἄλλην μὲν τούτων ἄλλην δὲ τῶν τῆς οὐσίας· καὶ εἰ διαφερουσῶν ἐπιστημῶν ἢ τῶν ἀρχῶν γνῶσις τῶν τε τῆς οὐσίας καὶ τῶν τῆς ἀποδείξεως, ποτέραν χρὴ καὶ τὴν περὶ ποῖα αἴτια καὶ ἀρχὰς ποίας καταγινομένην σοφίαν καλεῖν. ἀπορεῖ δὲ περὶ τούτου, καὶ πρὸς γε τὸ μὴ εἶναι τῆς αὐτῆς ἐπιστήμης περὶ τε τούτων καὶ περὶ ἐκείνων διαλαμβάνειν πρώτη ἐπιχειρήσει τοιαύτη χρῆται. εἰ πᾶσαι ὁμοίως αἱ ἀποδεικτικαὶ ἐπιστήμαι χρῶνται τοῖς ἀξιώμασι τὰ οἰκεῖα ἀποδεικνύουσαι, καὶ μὴ πᾶσαι περὶ αὐτῶν λέγουσιν,

οὐδεμία τῶν ὁμοίως αὐτοῖς χρωμένων ἐρεῖ περὶ αὐτῶν. ἀλλὰ μὴν τὸ πρῶτον· πᾶσαί τε γὰρ καὶ αὐτοῖς χρῶνται, ὥσπερ καὶ ἡ περὶ τὰς τῆς οὐσίας ἀρχὰς οὕσα, καὶ οὐ λέγουσι πᾶσαι περὶ αὐτῶν· οὔτε γὰρ καὶ γεωμετρία περὶ αὐτῶν οὔτε μουσικὴ λέγει, καίτοι χρώμεναι αὐτοῖς. τὸ ἄρα δεύτερον. ἢ οὔτως. εἰ ὁμοίως πᾶσαι ἐπιστήμαι περὶ τὰ ἀξιώματα ἔχουσιν ὥς καὶ ἡ περὶ τὴν οὐσίαν, ἢ πᾶσαι περὶ αὐτῶν ἐροῦσιν ἢ οὐδὲ αὐτή. ἀλλὰ μὴν ὁμοίως πᾶσαι ἔχουσι περὶ αὐτῶν ὥς αὐτή, καὶ οὐ πᾶσαι περὶ αὐτῶν λέγουσιν, ὥστε οὐδ' ἂν ἡ περὶ τῆς οὐσίας λέγοι. εἰ δὲ τοῦτο, οὐχ ἡ αὐτὴ περί τε τῆς οὐσίας καὶ τῶν ἀξιωματῶν· ὥς γὰρ καὶ τῶν ἄλλων τῶν χρωμένων αὐτοῖς ὁμοίως ταύτῃ οὐκ ἔστιν οἰκεῖον τὸ περὶ αὐτῶν λέγειν, οὔτως οὐδὲ ταύτης οὔσης ὁμοίως ὅποιασοῦν ἐστίν, ἀπασῶν δὲ μὴ ἐνδέχεται. διὰ τί δὲ μὴ ἐνδέχεται ἀπασῶν; ἢ ὅτι καὶ ἡ ἐπιστήμη τῶν καθ' αὐτὸ ὑπαρχόντων τῷ ὑποκειμένῳ ἐστὶν ἀποδεικτική, ὣν δὲ τὰ ὑποκείμενα ἕτερα, τούτων καὶ τὰ δεικνύμενα οὐχ οἷόν τε τὰ αὐτὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχειν τοῖς διαφέρουσι, διὸ οὐδὲ τὰ ἀξιώματα καθ' αὐτὰ ὑπάρχειν τοῖς πάσαις ταῖς ἐπιστήμαις ὑποκειμένοις. εἰ δὲ μὴ τοῦτο, οὐδ' ἂν οἶαί τε εἶεν πᾶσαι ἀποδεικνύναι αὐτά.

Русский перевод: «Но есть». Это было вторым из того, что он перечислил как подлежащее рассмотрению: [вопрос] об аксиомах, которые суть начала доказательств, которые он называет также общими мнениями, поскольку все доказывающие пользуются ими. Он сказал о них, когда упоминал о затруднении: «начала, из которых все доказывают». Итак, он

исследует, принадлежит ли знание о них той же [науке], что и о началах сущности и сущего, или иной, так что есть много наук о началах: одна — об этих, другая — о началах сущности; и если знание начал — [дело] разных наук — и о сущности, и о доказательстве, то которую из них и занимающуюся какими причинами и началами следует называть мудростью. Он ставит вопрос об этом, и для того, чтобы [показать], что не одной и той же науки [дело] рассматривать и об этих, и о тех, он пользуется таким первым доказательством. Если все доказательные науки одинаково пользуются аксиомами, доказывая свои собственные [положения], и не все говорят о них, то ни одна из одинаково пользующихся ими не скажет о них. Но первое [истинно]; ибо все пользуются ими, как и [наука] о началах сущности, и не все говорят о них; ибо ни геометрия не говорит о них, ни музыка, хотя и пользуются ими. Значит, второе. Или так: если все науки одинаково относятся к аксиомам, как и [наука] о сущности, то либо все скажут о них, либо и она не [скажет]. Но все науки одинаково относятся к ним, как и она, и не все говорят о них; значит, и [наука] о сущности не говорила бы о них. Если же это так, то [наука] о сущности и об аксиомах — не одна и та же; ибо как для других [наук], пользующихся ими одинаково с ней, не свойственно говорить о них, так и для нее, поскольку она [находится] в одинаковом [положении] с какой угодно [другой], не [свойственно], а для всех — невозможно. Почему же невозможно для всех? Или потому что и наука [име-

ет дело] с присущими сами по себе [свойствами] субстрата и есть доказательная, а у чего субстраты различны, у того и доказываемое не может быть одним и тем же самым по себе присущим различающимся [вещам], поэтому и аксиомы не могут быть сами по себе присущи субстратам всех наук. Если же не так, то они не могли бы все доказывать их.

(В 2. 997a)

Древнегреческий текст: Ἐπιχειρήσας δὲ πρῶτον τὸ μὴ εἶναι μιᾶς ἐπιστήμης περὶ τε τῶν τῆς οὐσίας ἀρχῶν εἰπεῖν καὶ περὶ τῶν ἀξιωμαίων, ἃ εἰσιν ἀποδείξεως ἀρχαί, ἔξῃς ὅτι μηδὲ ἔστι τῶν ἀξιωμαίων ἐπιστήμη τις ἐπιχειρεῖ, λέγων «ἀλλὰ μὴν καὶ τίνα τρόπον ἔσται αὐτῶν ἡ γνῶσις; τί γὰρ καὶ ἕκαστον τούτων τυγχάνει ὃν νῦν γνωρίζομεν.» ἔστι δὲ ὃ λέγει τοιοῦτον. ἦτοι δι' ὀρισμοῦ τι ἐπιστάμεθα ἢ δι' ἀποδείξεως· τῶν ἀξιωμαίων δὴ εἰ ἔστιν ἐπιστήμη, ἀποδεικτικὴ περὶ τινος οὓσα ἢ τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῖς. ἀλλὰ τὸ μὲν τί ἐστιν ἕκαστον αὐτῶν γνώριμον πως αὐτόθεν· χωρὶς γὰρ ἐπιστήμης γνώριμον τί σημαίνει τὸ ἐπὶ παντὸς ἢ ἡ κατάφασις ἢ ἡ ἀπόφασις, καὶ τί σημαίνει τὸ τὰ τῷ αὐτῷ ἴσα καὶ ἀλλήλοις εἶναι ἴσα· ὥς γὰρ καὶ γνωρίμοις αὐτοῖς πᾶσαι αἱ ἐπιστήμαι χρῶνται, οὐδὲν δεόμεναι τῆς διδαξάσης ἐπιστήμης. ὥστε τοῦ τί ἐστιν ἕκαστον τούτων οὐκ ἔσται τις ἐπιστήμη ἀφωρισμένη. εἰ δὲ ἐστιν ἀπόδειξις περὶ αὐτῶν καὶ ἐπιστήμη τις ἀποδεικτικὴ, δεήσει τὰ ἀξιώματα εἶναί τε αὐτῶν τὰ μὲν πάθη, τουτέστι τὰ ἀποδεικνύμενα αὐτοῖς ὑπάρχειν (τὰ γὰρ καθ' ἑαυτὰ ὑπάρχοντα, περὶ ἔστι

τὰ ἀποδεικτά, πάθη εἶπε), τὰ δέ τινα ἀξιώματα, δι' ὧν τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῖς καθ' αὐτὰ ἀποδείκνυται, ἀξιώματα λέγων τὰς ἀναποδείκτους καὶ ἀμέσους προτάσεις. τὸ δὲ «περὶ πάντων δὲ ἀδύνατον ἀπόδειξιν εἶναι» εἶπεν ὡς ἀκόλουθον τῷ δεήσει τι γένος εἶναι ὑποκείμενον, καὶ τὰ μὲν πάθη τὰ δὲ ἀξιώματα αὐτῶν τούτῳ καὶ ἀκόλουθον τὸ «περὶ πάντων γὰρ ἀδύνατον ἀπόδειξιν εἶναι» περὶ γὰρ καὶ τῶν καθ' ἑαυτὰ ὑπαρχόντων τῷ ὑποκειμένῳ τῇ ἐπιστήμῃ, ἃ πάθη εἶπεν, αἱ ἀποδείξεις, ἀλλ' οὐ περὶ πάντων, οὐδὲ τῶν τυχόντων, ἀλλ' οὐδὲ τῶν λαμβανομένων πρὸς τὴν τινῶν δεῖξιν οἷόν τε πάντων ἀπόδειξιν εἶναι. ὁ δὲ ἐξῆς καὶ «ἀνάγκη καὶ ἔκ τινων εἶναι καὶ περὶ τι καὶ τινῶν τὴν ἀπόδειξιν» συνάπτει τῷ δεήσει τι γένος εἶναι τὸ ὑποκείμενον, καὶ τὰ μὲν πάθη τὰ δὲ ἀξιώματα αὐτῶν· διὰ μέσου δὲ εἴρηται διὰ τὰ ἀξιώματα τὸ «περὶ πάντων γὰρ ἀδύνατον ἀπόδειξιν εἶναι» καὶ ἔστι τὸ «ἔκ τινων» τῶν ἀξιωμάτων ἢ δεῖσις δηλωτικόν, τὸ δὲ «περὶ τι» τοῦ ὑποκειμένου γένους, ὧς δείκνυται τι ὑπάρχον ἢ μὴ ὑπάρχον, τὸ δὲ «τινῶν» τῶν ἀποδεικνυμένων ὑπάρχειν ἢ μὴ ὑπάρχειν τῷ ὑποκειμένῳ, ἃ εἶπε πάθη. τὸ δὲ «ὥστε συμβαίνει πάντων εἶναι γένος τι τῶν δεικνυμένων» ἴσον ἂν εἴη τῷ οὕτως τε συμβήσεται, εἰ ἔστιν ἀπόδειξις περὶ τῶν ἀξιωμάτων καὶ ἔστιν ἓν τι γένος καὶ μία τις φύσις ὑποκειμένη τὰ ἀξιώματα, πάντα τὰ ἀποδεικνύμενα διὰ τῶν ἀξιωμάτων μιᾶς φύσεως εἶναι, διότι πᾶσαι αἱ ἐπιστήμαι ἀποδείξεις διὰ τῶν ἀξιωμάτων δεικνύουσι τὰ προκείμενα, τὰ δὲ ἀξιώματα

μᾶς καὶ τῆς αὐτῆς φύσεως, τὰ δὲ τῆς αὐτῆς φύσεως ἀλλήλοις ὄντα μᾶς τινὸς φύσεώς ἐστι δεικτικά, εἴ γε ἐκ τῶν καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων αἱ ἀποδείξεις, μᾶ δὲ φύσει καθ' αὐτὰ ὑπάρχειν ἀνάγκη τὰ μᾶς καὶ τῆς αὐτῆς φύσεως ὄντα ἀλλήλοις. Ἐν δὲ γένος εἶπεν ἀντὶ τοῦ κοινὴν φύσιν.

Русский перевод: Сначала попытавшись доказать, что [дело] не одной науки — говорить о началах сущности и об аксиомах, которые суть начала доказательств, далее он пытается доказать, что вообще нет никакой науки об аксиомах, говоря: «Но, конечно, и каким образом будет их знание? Ибо что такое каждое из них, мы теперь знаем». Сказанное им таково. Мы знаем нечто либо через определение, либо через доказательство. Если же есть наука об аксиомах, то она была бы доказательной [наукой] о чем-то или о присущем им. Но что такое каждое из них, известно некоторым образом само по себе; ибо без науки известно, что значит «всегда или утверждение, или отрицание», и что значит «равные одному и тому же равны и между собой»; ибо как известные сами по себе, все науки пользуются ими, не нуждаясь в науке, которая бы их научила. Так что не будет какой-то отдельной науки о том, что такое каждое из них. Если же есть доказательство о них и некая доказательная наука, то нужно, чтобы аксиомы были: одни — их состояниями, то есть чтобы доказываемое было присуще им (ибо присущие сами по себе [свойства], о которых [идут] доказательства, он назвал состояниями); другие же — аксиомами, через которые доказываются

присущие им сами по себе [свойства], называя аксиомами недоказываемые и непосредственные предложения. А «обо всем невозможно доказательство» он сказал как следующее из того, что нужно, чтобы был некоторый род в качестве субстрата, и одни [вещи] — состояния, другие — аксиомы этого [субстрата]; и следующее: «ибо обо всем невозможно доказательство»; ибо доказательства [имеют дело] с присущими сами по себе [свойствами] субстрата науки, которые он назвал состояниями, но не обо всем и не о чем попало, но и о том, что берется для доказательства чего-то, невозможно, чтобы было доказательство обо всем. А следующее: «необходимо, чтобы доказательство было из некоторых [начал], о некотором [предмете] и о некоторых [свойствах]» — он связывает с тем, что нужно, чтобы был некоторый род в качестве субстрата, и одни [вещи] — состояния, другие — аксиомы этого [субстрата]; ибо через середину сказано из-за аксиом: «ибо обо всем невозможно доказательство»; и «из некоторых» указывает на доказательство из аксиом, «о некотором» — о субстратном роде, которому показывается, что нечто присуще или не присуще, «о некоторых» — о доказываемых [свойствах], присущих или не присущих субстрату, которые он назвал состояниями. А «так что оказывается, что есть некоторый род всех доказываемых [вещей]» было бы равнозначно: так получится, если есть доказательство об аксиомах и есть некоторый один род и некоторая одна природа, лежащая в основе аксиом, то все доказываемое через ак-

сиомы будет [принадлежать] одной природе, потому что все науки через аксиомы доказывают предложенное, а аксиомы — одной и той же природы, а то, что одной и той же природы друг с другом, указывает на некоторую одну природу, если доказательства [идут] из присущих сами по себе [свойств], а одной природе необходимо, чтобы присущие сами по себе были одной и той же природы друг с другом. «Один род» он сказал вместо «общая природа».

Глава XIX. Продолжение анализа второй апории: о невозможности доказательства аксиом (Книга В, Глава 2)

(В 2. 997а)

Древнегреческий текст: Ἦ τὸ λεγόμενόν ἐστιν, εἰ
ἐστιν ἐπιστήμη τις καὶ ἀπόδειξις τῶν ἀξιωμαίων, δεήσει
τι εἶναι γένος ὑποκείμενον αὐτοῖς· πᾶσα γὰρ ἀπόδειξις
καὶ πᾶσα ἐπιστήμη ἀποδεικτική περὶ τι γένος ὠρισμένον,
καὶ πᾶν τὸ ἀποδεικτὸν γένει τινὶ ὠρισμένῳ ὑπάρχει.
καὶ τοῖς ἀξιώμασιν ἄρα, εἰ ἐστὶν ἀποδεικτὰ ἢ ἔστι
ἐπιστήμη τις αὐτῶν ἀποδεικτική, ὠρισμένον τι γένος
ὑπόκειται ᾧ δέικνυται ὑπάρχοντα· πᾶσα γὰρ ἀπόδειξις
γένει τινὶ καὶ φύσει ὑποκειμένη μὲν δέικνυσιν ὑπάρχοντα ἃ
ἀποδείκνυσιν, ἃ εἶπεν αὐτὸς πάθη, διὰ τινων ἀξιωμαίων,
δι' ὧν αἱ ἀποδείξεις, τουτέστιν ἀμέσων προτάσεων
καὶ ἀναποδείκτων. εἰ γὰρ δι' ἀξιωμαίων δέικνυται τὰ
δεικνύμενα, δεικνύοιτο δὲ καὶ τὰ ἀξιώματα, ἐπ' ἅπειρον ἂν
προίτοι, οὕτω δὲ οὐδὲν ἀποδεικτὸν ἂν εἴη· καὶ πάντα ἐστὶν
ἀποδεικτά. ᾧ ἱκανὸν καὶ αὐτὸν χρησάμενον ἀποδείξαι ὅτι
μὴ ἐστὶν ἀπόδειξις τῶν ἀξιωμαίων. ὅτι δὲ ταῦτα δεῖ τὰ
εἰρημένα ὑπάρχειν ἐν πάσῃ ἀποδείξει, ἐδήλωσε καὶ διὰ τοῦ

ἐπενεγκεῖν «ἀνάγκη καὶ ἔκ τινων εἶναι, δι' ὧν δείκνυται, καὶ περί τι εἶναι» ἢ ἀπόδειξις, «καὶ τινῶν τὴν ἀπόδειξιν,» αὐτῶν τῶν ἀποδεικνυμένων. ἀλλ' εἰ τοῖς ἀξιώμασιν ἓν τι γένος ὑπόκειται, πᾶσι τοῖς ἀποδεικνυμένοις καὶ πάσαις ταῖς ἐπιστήμαις ἓν καὶ ταὐτὸ γένος ὑποκείμενον ἔχειν. ὁ γὰρ χρώμενός τινι πρὸς ἀπόδειξιν, ὃ γένει τινὶ καὶ φύσει μιᾷ καθ' αὐτὸ ὑπάρχει, οὐ περὶ ἄλλο αὐτῷ χρήσεται ἢ περὶ ἐκεῖνο ᾧ ὑπάρχει καθ' αὐτό. οὐ γὰρ διὰ τοῦ τυχόντος τὸ τυχὸν δείκνυται. οὔτε γὰρ ὁ τοῖς ἐν γεωμετρίᾳ δεικνυμένοις χρώμενός τιςι πρὸς ἄλλο τι αὐτοῖς χρήται ἢ πρὸς τὰ γεωμετρικὰ ὑποκείμενα, ὅτι τούτοις ὑπάρχει καθ' αὐτά· οὔτε ὁ ἐν τοῖς μουσικοῖς τινὶ πρὸς τι ἄλλο ἢ πρὸς τὰ τοῖς μουσικοῖς ὑποκείμενα. διὰ γὰρ τῶν καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων αἱ τῶν καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων ἀποδείξεις· καὶ οἱ τοῖς ἀξιώμασι δὴ χρώμενοι πρὸς ὃ γένος ἂν ἐκεῖνο χρῶντο αὐτοῖς, ᾧ ὑπάρχει τὰ ἀξιώματα καθ' αὐτά· ὑπάρχει δὲ ἐνί τι, εἴγε ἐστὶν αὐτῶν ἐπιστήμη τις ἀποδεικτική. τοσαῦται δὲ αἱ ἐπιστήμαι πρὸς τὰ ἀποδεικνύμενα ὑπ' αὐτῶν χρῶνται τοῖς ἀξιώμασι· πάσαις ἄρα ἔσται τὸ αὐτὸ γένος ὑποκείμενον ταῖς ἐπιστήμαις τῷ πάσας αὐτὰς χρῆσθαι. ταῦτα δὲ ἐνὶ γένει τινὶ ὑπάρχειν, καὶ μὴ οἷόν τε εἶναι πρὸς ἄλλο τι χρῆσθαι τοῖς τινὶ καθ' αὐτὰ ὑπάρχουσιν ἀποδεικτικῶς ἢ πρὸς ἐκεῖνο μόνον, ᾧ καθ' αὐτὸ ἐκεῖνο ὑπάρχει.

Русский перевод: Или сказанное таково: если есть некая наука и доказательство об аксиомах, то нужно, чтобы был некоторый род, лежащий в их основе; ибо всякое доказатель-

ство и всякая доказательная наука [имеет дело] с некоторым определенным родом, и все доказуемое присуще некоторому определенному роду. Итак, и аксиомам, если они доказуемы или есть некая доказательная наука о них, лежит в основе некоторый определенный род, которому показывается, что они присущи; ибо всякое доказательство показывает присущее некоторому роду и одной лежащей в основе природе, [а именно] то, что оно доказывает, что он сам назвал состояниями, через некоторые аксиомы, через которые [идут] доказательства, то есть через непосредственные и недоказываемые предложения. Ибо если доказываемое доказывается через аксиомы, а доказывались бы и аксиомы, то [ряд] уходил бы в бесконечность, и тогда ничто не было бы доказуемо; и все было бы доказуемо. Этого достаточно, чтобы и самому, используя это, доказать, что нет доказательства аксиом. Что же эти сказанные [вещи] должны присутствовать во всяком доказательстве, он показал и через то, что прибавил: «необходимо, чтобы доказательство было из некоторых [начал], через которые оно показывается, и о некотором [предмете], и о некоторых [свойствах]» — самих доказываемых. Но если аксиомам лежит в основе один род, то всем доказываемым [вещам] и всем наукам [лежал бы в основе] один и тот же род. Ибо тот, кто пользуется чем-то для доказательства, что присуще некоторому роду и одной природе само по себе, будет пользоваться этим не для чего-то иного, но для того, чему оно присуще само по себе. Ибо не через что попа-

ло доказывається, що попало. Вже і той, хто користується некоторими [положеннями], доказуваними в геометрії, користується ними не для чого-то іншого, але для геометричних субстратів, тому що їм вони присущі самі по собі; і той, хто [користується] некоторим [положенням] в музиці, — не для чого-то іншого, але для того, що лежить в основі музики. Ібо через присущі самі по собі [своїства] ідуть доказателіства о присущих самі по собі [своїствах]; і те, хто користується аксіомами, користувалися б їми для того роду, которому аксіомы присущі самі по собі; а присущі вони одному [роду], якщо єсть некая доказательная наука о них. І всі науки користуються аксіомами для того, що їми доказується; значить, всім наукам буде лежати в основі один і той же род, тому що всі вони користуються їми. А це [означає], що вони присущі одному роду, і неможливо користуватися тем, що присуще чому-то само по собі, для доказателіства чого-то іншого, крім того, чому це присуще само по собі.

(В 2. 997а)

Древнегреческий текст: εἰ δὲ πάσαις ταῖς ἐπιστήμαις τὸ αὐτὸ γένος ὑπόκειται, καὶ πᾶσαι διὰ τῶν αὐτῶν δεικνύουσι, διὰ τῶν ἀξιωμαμάτων, πᾶσαι ἂν αἱ αὐταὶ εἶεν.

Ἀλλὰ τούτων. ἐπιχειρήσας πρὸς τὸ μὴ εἶναι τῆς αὐτῆς περὶ τῶν τῆς οὐσίας ἀρχῶν καὶ περὶ τῶν ἀποδεικτικῶν εἰπεῖν ἄλλ' ἑτέρας, ἔξωθεν δὲ προσεπιχειρήσας ὅτι μηδὲ ἐστὶν ἀποδεικτά, ἐφεξῆς ταύτη συνεχῇ ἀπορίαν ἀπορρίζηται γάρ, ποτέρα αὐτῶν ἐστὶ σοφία καὶ ποτέρα κυριωτάτη

καὶ ποτέρα πρότερον, ἢ περὶ τὰς τῆς οὐσίας ἀρχὰς ἢ ἢ περὶ τὰς τῆς ἀποδείξεως. καὶ ὅτι δεῖ εὐλογον εἶναι λέγειν τοιαύτην τὴν περὶ τὰ ἀξιώματα, οὕτως ἐπιχειρεῖ. εἰ ἢ περὶ τὰ πρῶτα πρώτη, τὰ δὲ ἀξιώματα πρῶτα, ὃ ἔδειξε διὰ τοῦ εἰπεῖν ὅτι καθόλου (τὰ γὰρ καθόλου πρῶτα τῶν ὑφ' αὐτὰ δέδεικται τῇ φύσει ὄντα, τοιαῦτα δὲ τὰ ἀξιώματα, κοινὰ πάντων καὶ καθόλου), ἐπεὶ πάντα τὰ δεικνύμενα διὰ τούτων δέικνυται, καὶ πάντων ἀρχαὶ ταῦτα· αἱ δὲ ἀρχαὶ πρότεραι ὧν εἰσὶν ἀρχαί· ὥστε καὶ ταύτῃ καθόλου. ἢ παραγωγή παρὰ τὸ ληφθῆναι ἀπλῶς πρῶτα εἶναι καὶ καθόλου τὰ ἀξιώματα· οὔτε γὰρ καὶ τὰ κοινὰ τινων ἤδη καθόλου ἐστὶν αὐτῶν, οὔτε τὰ καθόλου ἀπλῶς καὶ κυρίως πρῶτα· ὥστε οὐδ' ἢ περὶ τὰ καθόλου ἀπλῶς πρώτη καὶ τιμιωτέρα. ἔτι δὲ οὐδὲ δέικνυνται αἱ ἀρχαὶ διὰ τῶν ἀξιωμαμάτων· οὐδὲ γὰρ καὶ ἀποδεικταί.

Русский перевод: Если же всем наукам лежит в основе один и тот же род, и все доказывают через одно и то же — через аксиомы, то все они были бы одной и той же [наукой].

«Но этих». Попытавшись доказать, что [дело] не одной науки — говорить о началах сущности и о доказательных [началах], но разных, и, кроме того, попытавшись доказать, что они вообще недоказуемы, он затем ставит следующее за этим связанное затруднение: он исследует, которая из них есть мудрость, и которая самая главная, и которая первичнее — [наука] о началах сущности или [наука] о началах доказательства. И что следует считать разумным, чтобы [наука]

об аксиомах была таковой, он доказывает так. Если [наука] о первых [вещах] есть первая, а аксиомы суть первые [вещи], что он показал через то, что сказал, что [они] общи (ибо общее, как доказано, по природе первичнее того, что под ним, а таковы аксиомы, общие для всего и общие), поскольку все доказываемое доказывается через них, и они суть начала всего; а начала первичнее того, чего они суть начала; так что и в этом отношении [они] общи. Это отступление [сделано] из-за того, что аксиомы были приняты просто как первые и общие; ибо и общее для некоторых [вещей] не есть уже общее для них, и общее просто и в собственном смысле не есть первое; так что и [наука] об общем просто не есть первая и более ценная. Далее, начала не доказываются через аксиомы; ибо они недоказуемы.

(В 2. 997а)

Древнегреческий текст: Εἴτε φιλοσόφου. ὅπερ ἠπόρησε πρὸς τὸ καὶ τίνος εἶναι, ἥ καὶ πασῶν τῶν χρωμένων αὐτοῖς ἢ οὐδεμιᾶς, νῦν δείκνυσιν ὅτι εὐλογον τὸν φιλόσοφον περὶ τῶν ἀξιωμαμάτων, ἃ εἰσιν ἀποδείξεως ἀρχαί, δι' ὧν τὸ ἐν πᾶσι τοῖς ζητούμενοις ἀληθὲς πρῶτον δέικνυται, πραγματεύεσθαι, ὃ ἐνεδείξατο διὰ τὸ δεῖξαι ὅτι ἄτοπον τὸ ἄλλον τινὰ λέγειν περὶ τάληθοῦς καὶ ψεύδους πραγματεύεσθαι. ὁ δὲ περὶ αὐτῶν λέγοιτ' ἂν περὶ τῶν προτάσεων, ἐν αἷς τὰ ἀξιώματα· τίνος γὰρ καὶ ἄλλου τὸ περὶ τοῦ ἐν προτάσεσιν ἀληθοῦς τε καὶ ψεύδους διαλαμβάνειν παρὰ τὸν φιλόσοφον; δέικνυται δὲ διὰ τούτων ὅτι εἰ καὶ

μη τοῦ πρώτου φιλοσόφου ἐστὶ τὸ περὶ ἀποδείξεως καὶ τῶν ταύτης ἀρχῶν διαλαμβάνειν, ἀλλὰ τοῦ φιλοσόφου γε. εἴη δ' ἂν πως διὰ τούτων καὶ τὸ μέρος φιλοσοφίας εἶναι τὴν ἀποδεικτικὴν πραγματείαν τιθέμενον.

Русский перевод: «Принадлежит ли философу». То, что он поставил под вопрос в отношении того, кому это принадлежит, — или [всем] наукам, пользующимся ими, или ни одной, — теперь он показывает, что разумно, чтобы философ занимался аксиомами, которые суть начала доказательства, через которые впервые показывается истина во всем исследуемом; это он показал через то, что показал, что нелепо говорить, что кто-то другой занимается истиной и ложью. А он говорил бы о них — о предложениях, в которых [содержатся] аксиомы; ибо кому же иному, кроме философа, [свойственно] рассматривать истинное и ложное в предложениях? Через это показывается, что если даже [дело] не первого философа — рассматривать доказательство и его начала, то, по крайней мере, [дело] философа. И можно было бы через это некоторым образом [показать], что доказательное учение есть часть философии.

Глава XX. О третьей апории: одна ли наука о всех сущностях или много (Книга В, Глава 2)

(В 2. 997a)

Древнегреческий текст: Ὅλως ἐπιστῆμαι. ἐπεὶ τῶν οὐσιῶν αἱ μὲν εἰσι νοηταὶ καὶ ἀκίνητοι αἱ δὲ ἐν κινήσει τε καὶ αἰσθηταί, ζητεῖ πότερον περὶ πασῶν τῶν οὐσιῶν μιᾷς ἐστὶ τὸ θεωρεῖν ἐπιστήμης, ἢ πλειόνων καὶ διαφόρων, καὶ εἰ μὴ μιᾷς, ποίας οὐσίας ἐπιστήμην ἡγητέον τὴν προκειμένην νῦν ἡμῖν· ἔτι δὲ αὕτη ἡ σοφία.

τὸ πασῶν ὑπολαμβάνειν τῶν οὐσιῶν ἐπιστήμην εἶναι οὐ φησιν εὐλογον εἶναι, δι' ὃ ἐπιφέρει· εἰ γὰρ μίαν, μία ἂν εἴη καὶ ἡ ἀποδεικτικὴ πάντων τῶν ταῖς οὐσίαις καθ' αὐτὰ συμβεβηκότων. πᾶσα γὰρ ἀποδεικτικὴ ἐπιστήμη τῶν τῷ ἐκείνῳ, περὶ ὃ καταγίνεται, καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων ἐστὶν ἀποδεικτικὴ· εἰ οὖν περὶ τῆς οὐσίας μία τις ἐπιστήμη, ἔν ἂν τι γένος εἴη καὶ ἡ οὐσία. εἰ δὲ οὗ ἑνὸς γένους μία ἐπιστήμη, καὶ οὗ ἐπιστήμη μία, ἔν γένος τοῦτο· εἰ δὲ ἑν γένος καὶ ἡ οὐσία, ἔν δὲ γένει τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα μιᾷς ἀποδείκνυται, μία ἂν εἴη ἡ τὰ ταῖς οὐσίαις πάσαις καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα ἀποδεικνῦσα· ἀποδεικτικῆς δὲ ἴδιον τὸ περὶ τι ὑποκείμενον θεωρεῖν τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα διὰ τῶν ἀξιωμαμάτων τε καὶ κοινῶν δοξῶν. «περὶ ὧν γὰρ

τὸ αὐτὸ γένος» ἀντὶ τοῦ περὶ ὧν ἓν γένος, τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα διὰ τῶν κοινῶν δοξῶν, τουτέστι μιᾶς ἐστὶ τὸ θεωρῆσαι τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα τοῖς μεγέθεσι καὶ πάλιν ἑτέρας τοὺς ἀριθμούς, ὥστε καὶ τῶν οὐσιῶν διάφοροι ἐπιστῆμαι, καὶ γὰρ καὶ τῶν καθ' αὐτὰ ὑπαρχουσῶν ταῖς οὐσίαις. δοκεῖ δὲ ἀπὸ τοῦ συμβεβηκότος τὸ ἄτοπον ἐπάγειν· λαβὼν γὰρ καὶ ὅτι τῆς ἐπιστήμης τὸ τὰ συμβεβηκότα μόνῃ τῷ ὑποκειμένῳ αὐτῇ ἀποδεικνύναι, ἐπεὶ τῇ οὐσίᾳ πάντα τὰ ἄλλα συμβέβηκε κατὰ τοὺς λέγοντας μίαν εἶναι τὴν περὶ τὰς οὐσίας ἐπιστήμην, εἰς τοῦτο γίνεται μιᾶς περὶ πάντων τῶν ὄντων λέγειν· πάντα γὰρ καὶ τὰ παρὰ τὴν οὐσίαν ὄντα τῇ οὐσίᾳ συμβέβηκε. διὰ τοῦτο γὰρ καὶ οὕτως εἶπε, «καὶ ἂν ἀποδεικτικὴ μία περὶ πάντων εἴη τῶν συμβεβηκότων,» οὐκέτι καὶ ἐξῆς προστιθεὶς τὸ «περὶ τε ὃ μιᾶς καὶ ἐξ ὧν μιᾶς, εἴτε τῆς αὐτῆς εἴτε ἄλλης.» τοῦτό γε δοκεῖ τοιοῦτον εἶναι. εἰπὼν γὰρ ὅτι εἰ ἓν γένος ἐστὶν ἡ οὐσία ὑποκείμενον, ἔσται καὶ μία ἡ ἀπάντων τῶν καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων τῇ οὐσίᾳ ἀποδεικτικὴ ἐπιστήμη, ἐπήνεγκε καθόλου «περὶ τε ὃ μιᾶς καὶ ἐξ ὧν μιᾶς, εἴτε τῆς αὐτῆς εἴτε ἄλλης· ὥστε καὶ τὰ συμβεβηκότα, εἴτε αὗται θεωροῦσιν εἴτε ἐκ τούτων μία.» εἴη δ' ἂν τὸ λεγόμενον τοιοῦτον. τῆς αὐτῆς ἐστὶν ἐπιστήμης ὑποκείμενον θεωρεῖν τί ποτέ ἐστι, καὶ τὰ τούτῳ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα· ἐκ γὰρ καὶ τούτων ἐν τούτοις ἐκείνῳ τὸ εἶναι.

Русский перевод: «Вообще науки». Поскольку одни сущности суть умопостигаемые и неподвижные, а другие — находящиеся в движении и чувственные, он исследует, при-

надлежит ли созерцание всех сущностей одной науке или многим и различным, и если не одной, то [науку] о какой сущности следует считать предлагаемой теперь нам; и еще — [что] эта [наука] есть мудрость.

Считать, что [существует] наука о всех сущностях, он говорит, неразумно, и поэтому прибавляет: ибо если [наука] одна, то одна была бы и доказательная [наука] обо всех приходящих сущностям самим по себе [свойствах]. Ибо всякая доказательная наука есть доказательная [наука] о присущих тому [предмету], которым она занимается, самих по себе [свойствах]; если же о сущности есть некая одна наука, то и сущность была бы одним родом. Если же о том, что есть один род, [есть] одна наука, и о том, о чем [есть] одна наука, [то] это один род; если же один род есть и сущность, то приходящие одному роду сами по себе [свойства] доказываются одной [наукой]; значит, одна была бы [наука], доказывающая присущие всем сущностям сами по себе [свойства]; а доказательной [науке] свойственно рассматривать приходящие сами по себе [свойства] относительно некоторого субстрата через аксиомы и общие мнения. «Ибо о том, о чем один род» — вместо «о чем один род», [рассматривать] приходящие сами по себе [свойства] через общие мнения, то есть одной [науки] [дело] рассматривать приходящие сами по себе [свойства] величин, и опять другой — числа, так что и о сущностях — различные науки, ибо и о присущих сущностям самим по себе [свойствах]. Кажется, что нелепость

он выводит из привходящего; ибо, приняв, что [дело] науки — доказывать только привходящие [свойства] ее субстрата, поскольку сущности, по словам тех, кто говорит, что [существует] одна наука о сущностях, привходят все остальное, он приходит к тому, что [приходится] говорить об одной [науке] обо всем сущем; ибо все, что есть помимо сущности, привходит к сущности. Поэтому он и сказал так: «и если бы одна доказательная [наука была] обо всех привходящих [свойствах]», уже не прибавляя далее: «о том, о чем одна, и из чего одна, будь то той же самой или иной». Это, по-видимому, таково. Сказав, что если сущность есть один род, лежащий в основе, то будет и одна доказательная наука обо всех присущих сущности самим по себе [свойствах], он прибавил вообще: «о том, о чем одна, и из чего одна, будь то той же самой или иной; так что и привходящие [свойства], будут ли эти [науки] рассматривать их, или из них одна». Сказанное было бы таково. Одной и той же науки [дело] рассматривать субстрат, что он такое, и присущие ему сами по себе [свойства]; ибо через них и в них для того [субстрата] [заключается] бытие.

(В 2. 997a)

Древнегреческий текст: ἀλλὰ μὴν ἥς τὸ τὰ καθ' αὐτὰ τινι ὑπάρχοντα εἰδέναι, ταύτης καὶ τὸ ἀποδεικνύναι τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα ἐκείνῳ. δύναται δὲ καὶ τὰ ἐξ ὧν μιᾶς εἰρηκέναι ἀντὶ τοῦ καὶ ἐξ ὧν αἱ περὶ ἐκείνου τοῦ ὑποκειμένου ἀποδείξεις γιγνόμεναι· διὰ γὰρ τῶν καθ' αὐτὰ

ὑπαρχόντων αἱ ἀποδείξεις, ὧν δεῖ εἰδέναι τὸν περὶ ἐκεῖνο καταγινόμενον· ὥστε τὸ εἰδέναι τὴν ὑποκειμένην φύσιν, τούτῳ καὶ τὸ τὰ ταύτῃ ὑπάρχοντα εἰδέναι καθ' αὐτά· διὰ τούτων γὰρ ἡ γνῶσις τῆς οὐσίας τοῦ προκειμένου, δι' ὧν καὶ αἱ περὶ τῶν ὑπαρχόντων αὐτῇ ἀποδείξεις. ἥς δὲ τὸ ταῦτα εἰδέναι, ταύτης καὶ τὸ τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα τῷ γένει τούτῳ δεικνύναι, τουτέστι τὰ δι' ἀποδείξεως ὑπάρχειν δεικνύμενα αὐτῷ. καὶ γὰρ εἰδέναι τό τε ὑποκείμενον γένος καὶ δι' ὧν τὰ τούτῳ ὑπάρχοντα δείκνυται, τούτου ἢ τὸ ἀποδεικνύναι τὰ ὑπάρχοντα αὐτῷ· ὁ δὲ τὸ ἀποδεικνύναι τούτων, τούτου καὶ τὸ εἰδέναι. εἴτ' οὖν μία ἐστὶν ἡ περὶ τὸ ὑποκείμενον γένος καὶ τὴν οὐσίαν πραγματευομένη τῷ ἔν αὐτὸ εἶναι καὶ μίαν τινὰ φύσιν, μιᾶς ἔσται καὶ τὸ πάντα τὰ τούτῳ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα ἀποδεικνύναι· εἴτε πλειόνων καὶ ἄλλης ἢ περὶ τὸ λαμβανόμενον γένος καὶ τὴν οὐσίαν πραγματεύεται τῷ μὴ εἶναί τινα μίαν φύσιν αὐτοῦ (οὐ γὰρ καὶ εἴ τινα ὑφ' ἑν τὸ ἀνωτέρω γένος ἐστίν, ἥδη περὶ τούτων μιᾶς ἔστι θεωρεῖν ἐπιστήμης, ἀλλὰ δεῖ ὁμοειδὲς εἶναι καὶ μιᾶς φύσεως τὸ ἐκάστη ἐπιστήμη ὑποκείμενον, περὶ ὃ πραγματεύεται), πλειόνων δὲ καὶ τῶν αὐτῶν ἔσται τὸ καὶ τὰ ὑπάρχοντα αὐτῷ ἀποδεικνύναι· ὅσαι γὰρ καὶ περὶ τὸ ὑποκείμενον, τοσαῦται καὶ περὶ τὰ καθ' αὐτὰ τούτῳ ὑπάρχοντα ἢ συμβεβηκότα. τὸ δὲ «ὥστε καὶ τὰ συμβεβηκότα, εἴτε αὗται θεωροῦσιν εἴτε ἐκ τούτων μία» ἴσον ἂν σημαίνοι τῷ τῶν αὐτῶν ἔσται, ὧν ἢ τε περὶ τοῦ ὑποκειμένου γένους θεωρία ἢ περὶ τὰ δι'

ὥν τὰ τούτῳ ὑπάρχοντα ἀποδείκνυνται, καὶ ἡ τῶν καθ' αὐτὰ συμβεβηκότων καὶ ἀποδεικνυμένων ὑπάρχειν αὐτῷ γνῶσις. εἴτε οὖν πλείους ἐκεῖναι ὡς κεχωρισμέναι ἀπ' ἀλλήλων, πλείους καὶ αἱ ταῦτα ἀποδεικνῦσαι, εἴτε ἐκεῖναι μία ἐκ πλειόνων ἐπιστημῶν ὡς μερῶν οὔσα, οὕτως ἔξει ἡ τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα δεικνῦσα τούτῳ τῷ γένει· μία καὶ γὰρ ἔσται, ἐκ πλειόνων μέντοι ἐπιστημῶν ὡς μερῶν ἡθροισμένη. τοῦτο δὲ προσέθηκεν, ἐπεὶ δοκεῖ ἡ περὶ τὴν οὐσίαν πραγματεία ἅπασα φιλοσοφία εἶναι, οὐ μὴν πᾶσα πάσης τῆς οὐσίας ἐστίν, ἀλλὰ κατὰ ἄλλο μέρος αὐτῆς τῆς αἰσθητῆς τε καὶ φυσικῆς, κατ' ἄλλο δὲ τῆς νοητῆς.

Русский перевод: Но, конечно, [науке], которой [свойственно] знать присущее чему-то само по себе, [свойственно] и доказывать привходящие этому сами по себе [свойства]. Можно [понять] и «из чего одна» как «и из чего [исходят] доказательства о том субстрате»; ибо через присущие сами по себе [свойства] [идут] доказательства, которые должен знать тот, кто занимается тем [субстратом]; так что знание лежащей в основе природы [включает] и знание присущих ей самих по себе [свойств]; ибо через них [дается] знание сущности предложенного, через них и доказательства о присущем ей. А [науке], которой [свойственно] знать это, [свойственно] и доказывать привходящие этому роду сами по себе [свойства], то есть показывать, что они присущи ему через доказательство. Ибо знать и лежащий в основе род, и то, через что показывается присущее ему, [есть дело] той же

[науки], что и доказывать присущее ему; а кто [может] доказывать это, тот и знает [это]. Итак, если одна [наука] занимается лежащим в основе родом и сущностью, потому что она есть нечто одно и некая одна природа, то одной [науки] будет [дело] доказывать все привходящие этому сами по себе [свойства]; если же [наук] много и иная, чем та, которая занимается взятым родом и сущностью, потому что нет некой одной его природы (ибо не потому, что нечто подчинено одному высшему роду, уже можно созерцать их одной наукой, но нужно, чтобы то, что лежит в основе каждой науки и чем она занимается, было однородным и одной природы), то многих и тех же [наук] будет [дело] и доказывать присущее ему; ибо сколько [наук] о субстрате, столько и о присущих ему самим по себе [свойствах] или привходящих [свойствах]. А «так что и привходящие [свойства], будут ли эти [науки] рассматривать их, или из них одна» означало бы то же самое, что [это будет делом] тех же [наук], чья и теория о субстратном роде — [теория] о том, через что доказывается присущее ему, и знание о привходящих самим по себе и доказываемых как присущих ему [свойствах]. Итак, если те [науки] суть многие, как отделенные друг от друга, то многие и те, что доказывают это; если же те [науки] суть одна, составленная из многих наук как частей, так будет и [наука], доказывающая присущие этому роду сами по себе [свойства]; ибо и она будет одна, но составленная из многих наук как частей. Это он прибавил, потому что кажется, что

все учение о сущности есть философия, но не вся [философия] — о всей сущности, но одна часть — о чувственной и физической, другая — об умопостигаемой.

(В 2. 997a)

Древнегреческий текст: ὥς δὲ ἐπ' ἄτοπόν τι ἐπαγαγὼν τὸ μίαν ἔσεσθαι τῶν καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων τῆς οὐσίας ἀποδεικτικὴν, ἐπαύσατο μηδὲν ἐπενεγκῶν· ἄλογον γὰρ δόξει τὴν αὐτὴν ἐπιστήμην εἶναι θεωρητικὴν περὶ τε τῶν τῇ αἰσθητῇ οὐσίᾳ συμβεβηκότων καὶ περὶ τῶν τῇ νοητῇ. πῶς δὲ οὐχὶ ἓν γένος ἡ οὐσία, ἐπιζητήσαι δ' ἂν τις, εἰ περὶ ἓν γένος ἡ ὑπὸ τὸ κοινόν, ὥς που νῦν λέγει, ἀλλὰ καὶ περὶ ἓν εἶδος καὶ μίαν τινὰ ὁμοειδῆ φύσιν. οὕτω γὰρ καὶ ἡ ἐπιστήμη περὶ ἓν γένος, οὐχ ὅτι μία περὶ παντὰ τὰ ἐκ τοῦ αὐτοῦ τοῦ ἀνωτάτου καὶ κοινοτάτου γένους, ἀλλ' ὅτι περὶ τὰ τοῦ αὐτοῦ εἶδους καὶ λόγου κεκοινωνηκότα. δύναται καὶ οὕτως τις ἀκοῦσαι τοῦ «περὶ τε ὃ μιᾶς ἔξ ὧν μιᾶς,» ὃ γένους μιᾶς ἡ τὸ τί ἐστὶν ἕκαστον τῶν ὑπ' αὐτὸ καὶ τὸν ὀρισμὸν ζητοῦσα, τούτῳ μία καὶ ἡ τῶν ὑπαρχόντων αὐτῷ καὶ ἔξ ὧν ἐστὶν αὐτῇ τὸ εἶναι γνωστικὴ τε καὶ δεικτικὴ· διὰ γὰρ τῶν καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων ἑκάστῳ καὶ τῶν συμβεβηκότων αὐτῷ καθ' αὐτὸ αἱ ἀποδείξεις. μιᾶς γὰρ καὶ ἐπιστήμης τὸ τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα ἐνί τινι γένει εἰδέναι· ὃ καὶ ἡ ὀριστικὴ μία, καὶ ἡ ἀποδεικτικὴ. ὃ τὴν οὐσίαν καὶ τὸ τί ἦν εἶναι σημαίνει, καὶ «εἴτε δὲ τῆς αὐτῆς» τό τε ὀρίσαι τὸ αὐτὸ καὶ ἀποδείξαι τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα τῷ αὐτῷ τούτῳ, τουτέστιν εἴτε ἡ αὐτὴ ἐπιστήμη ἐστὶν ὀριστικὴ τε καὶ ἀποδεικτικὴ, εἴτε ἑτέρα

ἐστὶ καὶ μὴ μιᾶς ἄμφω μόρια· ἀκολουθήσει οὖν τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα τῷ αὐτῷ γένει μίαν ἀποδεικνύναι· λείπει καὶ τοῦτο τῇ λέξει τῇ «ἔσται καὶ τὰ συμβεβηκότα.» ἐνδεῖ γὰρ αὐτῷ τὸ μιᾶς ἔσται θεωρεῖν καὶ δεικνύναι· ἥς γὰρ καὶ τὸ εἰδέναι τὰ ἐξ ὧν, ταύτης τὸ τὰ συμβεβηκότα τῷ ὑποκειμένῳ δεικνύναι· εἴτε ἑκατέρα τούτων ἑτέρα οὔσα τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα τῷ ὑποκειμένῳ θεωρεῖ, ἢ μὲν καὶ λαμβάνουσα ὀριστική, ἢ δὲ ἀποδεικνύουσα ἀποδεικτική, εἴτε καὶ μία τίς ἐστὶν ἐπιστήμη ἐξ ἀμφοτέρων τοῦ τε ὀρίζειν καὶ τοῦ ἀποδεικνύναι συγκειμένη· ὥς γὰρ καὶ μία ἡ ὀριστική τε καὶ δεικτική τοῦ τί ἦν εἶναι τοῦ πράγματος, οὕτω μία καὶ ἡ ἀποδεικτική· γράφεται ἔν τισιν ἀντὶ τοῦ «εἴθ' αὗται εἴθ' αἱ αὐταί.» ὁ εἶη ἂν διὰ τούτου τὸ λεγόμενον, εἴτε αἱ αὐταὶ ἀλλήλαις εἰσὶν ἢ τε ὀριστικὴ περὶ τοῦ αὐτοῦ γένους καὶ ἡ ἀποδεικτική, εἴτε οὐκ εἰσὶ αἱ αὐταί, μόρια δέ ἐστι μιᾶς, ὥστε ἐξ ἀμφοτέρων συγκεῖσθαι τὴν τοῦ ὑποκειμένου γένους ἐπιστήμην.

Русский перевод: И, приведя к некоторой нелепости — что будет одна доказательная [наука] о присущих сущности самим по себе [свойствах], он остановился, ничего не прибавив; ибо неразумным покажется, что одна и та же наука созерцает и привходящее чувственной сущности, и привходящее умопостигаемой. Но как же сущность не есть один род, можно было бы спросить, если [наука] об одном роде [имеет дело] с подчиненным общему, как он где-то теперь говорит, но также и об одном виде и некоторой однородной приро-

де. Ибо так и наука [имеет дело] с одним родом, не потому что одна [наука] обо всем, что из одного и того же высшего и самого общего рода, но потому что [она имеет дело] с тем, что причастно одному и тому же виду и определению. Можно так понять и «о том, о чем одна, из чего одна»: [наука] одного рода, которая ищет, что есть каждое из подчиненных ему, и определение, — ей одной [принадлежит] и знание присущего ему и того, из чего для него [состоит] бытие, и умение это показывать; ибо через присущие каждому сами по себе [свойства] и привходящие ему самому по себе [идут] доказательства. Ибо одной науки [дело] знать присущие одному роду сами по себе [свойства]; и [наука] определяющая есть одна, и доказательная — одна. [Наука], которая означает сущность и суть бытия, и «если же той же самой» — и определять то же самое, и доказывать присущие тому же самому сами по себе [свойства], то есть если одна и та же наука есть и определяющая, и доказательная, или если она иная, и не одной [науки] оба [эти занятия] суть части; то [из этого] следует, что привходящие тому же самому роду сами по себе [свойства] [доказываются] одной [наукой]; и это пропущено в выражении «будут и привходящие [свойства]»; ибо ему недостает: «одной [науки] будет [дело] созерцать и доказывать»; ибо [науке], которой [свойственно] знать то, из чего [что-то состоит], [свойственно] и доказывать привходящие субстрату [свойства]; будут ли каждая из этих [наук], будучи иной, рассматривать присущие субстра-

ту сами по себе [свойства] — одна, определяющая, [их] принимаемая, другая, доказательная, [их] доказывающая, — или же есть некая одна наука, составленная из обеих — из определяющей и доказывающей; ибо как одна [наука] есть определяющая и показывающая суть бытия вещи, так одна и доказательная. В некоторых [списках] пишется вместо «будь то эти, будь то те же самые»; через это было бы сказано: будут ли одни и те же друг другу [науки] — определяющая об одном роде и доказательная, или не одни и те же, но части одной, так что из обеих составляется наука о субстратном роде.

Глава XXI. О том, существуют ли только чувственные сущности или также другие (Книга В, Глава 2)

(В 2. 997a – b)

Древнегреческий текст: "Ἐτι οὐσίας" καὶ αὕτη ἡ ἀπορία προείρηται ὑπ' αὐτοῦ ἐν τῇ τῶν ἀποριῶν ἐκθέσει. ὃ δὲ ἀπορεῖ διὰ τούτων δόξει τῷ προειρημένῳ ἀκόλουθον εἶναι τῷ «περί τε ὃ μᾶς καὶ ἐξ ὧν μᾶς, εἴτε τῆς αὐτῆς εἴτε ἄλλης.»

B2. 997a. εἰπὼν γὰρ δι' ἐκείνων τὸ μᾶς εἶναι ὥσπερ τὸ ὀρίσασθαι ὑποκείμενον γένος, οὕτω καὶ τὸ ἀποδεῖξαι τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα αὐτῷ, εἴτα ἀπορήσας καὶ εἴτε τῆς αὐτῆς ἄμφω ἐστίν, εἴτε ἄλλης καὶ ὀρίσασθαι ἄλλης δὲ τὸ ἀποδεῖξαι, νῦν περὶ τούτου καθ' αὐτὴν ἀπορεῖ καὶ ζητεῖ πότερον ἢ ἐπιστήμη ἢ προκειμένη ἡμῖν (αὕτη δὲ ἐστὶν ἡ σοφία) τῶν οὐσιῶν μόνον ἐστὶ θεωρητική, τί ἐστὶ τὸ εἶναι ἐξετάζουσα καὶ τίς ἡ φύσις αὐτῆς ὀριζομένη, ἥ τὰ συμβεβηκότα καθ' αὐτὰ τῇ οὐσίᾳ ἢ αὐτὴ θεωρεῖ, ὥς εἶναι ἅμα καὶ ἀποδεικτική. εἰ γὰρ τῆς αὐτῆς τὴν οὐσίαν θεωρεῖν καὶ τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα, αὕτη ἂν εἴη ἀποδεικτική· ἀποδεικτικῆς γὰρ καὶ τὸ ἀποδεικνύναι τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα τῇ οὐσίᾳ. ὧ ἐπήνεγκεν ὥς ἄτοπον τὸ «ἀποδεικτικὴ ἂν εἴη καὶ ἡ τῆς οὐσίας,» ὥς ἐπόμενον

τῇ ἀποδεικτικῇ λαμβάνων τὸ περὶ ὧν ἐν λόγον καὶ τὴν θεωρίαν ποιεῖται ταῦτα ἀποδεικνύναι. οὐ δοκεῖ δέ, φησί, τὸ τί ἐστὶν ἀπόδειξις εἶναι, ὃ καὶ τὸ ὅρισμόν καὶ τοῦ τί ἐστὶ μὴ εἶναι ἀπόδειξιν ὑγιῶς λαμβάνων (ἔδειξε γὰρ καὶ τοῦτο ἐν τοῖς Ὑστέροις Ἀναλυτικοῖς)· οὐ μὴν πάντως ἔπεται, εἰ ἡ αὐτὴ εἴη τῆς τε οὐσίας τὸ τί ἐστὶν ἢ οὐσία θεωρητικὴ καὶ τῶν καθ' αὐτὰ τῇ οὐσίᾳ ὑπαρχόντων, ἥδη τὸ τί ἐστὶν ἀποδεικτικὴν αὐτὴν εἶναι· οὐ γὰρ εἰ ἡ τῆς οὐσίας θεωρητικὴ καὶ ἀποδεικτικὴ, ἥδη καὶ τῆς οὐσίας ἀποδεικτικὴ· τὸ μὲν γὰρ τί ἐστὶν ὀριστικῶς λήψεται, ἀποδείξει δὲ τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα, ταῦτα γὰρ ἐστὶν ἀποδεικτά. οὐ γὰρ εἰ καὶ αὐτὴ περὶ ἅμφω, ἥδη καὶ ὁμοίως περὶ ἀμφοῖν· οὐ γὰρ καὶ γίνεταί ταυτὸν θάτερον θατέρῳ τὸ ὀρίσαι τῷ ἀποδείξει, εἰ ἅμφω ἐνὸς εἴη. ὁ δὲ λαβὼν τὸ ἀποδεικτικὴν ἔσεσθαι τὴν τῆς οὐσίας ἐπιστήμην, μετήνεγκε τὸ τὴν οὐσίαν τῆς ἀποδείξεως ἔσεσθαι, ὡς τῆς ἀποδεικτικῆς δι' ἀποδείξεως καὶ τὸ προκείμενον αὐτῇ θεωρεῖν οἰκεῖον. βουλόμενος δὲ ἡμῖν ἐνδείξασθαι πῶς ἐστὶ τὸ πότερον περὶ τῆς οὐσίας ἢ θεωρία μόνον ἐστὶν ἢ περὶ τὰ συμβεβηκότα ταύταις, παρέθετο τὰ τῇ γεωμετρίᾳ ὑποκείμενα στερεά, ἐπίπεδα καὶ γραμμάς, εἶγε ταῦτα τῆς οὐσίας λέγειν, ἐπεὶ τούτοις ἐστὶ τίνα καθ' ἑαυτὰ ὑπάρχοντα, περὶ ὧν ἢ ἀπόδειξις τῷ γεωμέτρῳ, λέγει, εἰ τοῦ αὐτοῦ ἔσται τί ἕκαστον τούτων ἐστὶ θεωρεῖν, καὶ ὀρίζεσθαι τί στερεὸν ἢ ἐπίπεδον, τί γραμμὴ καὶ τίνα ἐστὶν ἕκαστῳ τούτων τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα· ὀρισμὸς γὰρ γραμμῆς μῆκος ἀπλατές, καθ' αὐτὸ δὲ αὐτῇ ὑπάρχει, ἂν

οὕτω τύχη, τὸ εἶναι ἢ εὐθεία ἢ περιφερεῖ· εἰ γὰρ εὐθεῖα ἐπ' εὐθεΐαν ταθεῖσα ἂν τὰς ἐφεξῆς γωνίας ἴσας ἀλλήλαις ποιῇ ὀρθὴν ἑκατέραν εἶναι τῶν ἴσων γωνιῶν ἢ τὴν ἐφεστηκυῖαν κάθετον εἶναι ἐφ' ἣν ἐφέστηκε, καὶ ὅσα τοιαῦτα.

Русский перевод: «Еще сущности» — и это затруднение было предварительно высказано им в перечислении затруднений. То, что он ставит под вопрос через это, будет, по-видимому, следовать за предварительно сказанным: «о том, о чем одна, и из чего одна, будь то той же самой или иной».

Ибо сказав через те [рассуждения], что одной [науки дело] — как определить лежащий в основе род, так и доказать привходящие ему сами по себе [свойства], затем поставив вопрос, принадлежат ли оба [эти занятия] одной и той же [науке] или разным — определять одной, а доказывать другой, — теперь он ставит вопрос об этом самом и исследует, является ли предлагаемая нам наука (а это есть мудрость) созерцающей только сущности, исследуя, что есть бытие, и определяя, какова ее природа, или же она созерцает и привходящие самой сущности сами по себе [свойства], так что она есть одновременно и доказательная. Ибо если одной и той же [науки дело] — созерцать сущность и привходящие сами по себе [свойства], то она была бы доказательной; ибо доказательной [науке свойственно] и доказывать присущие сущности сами по себе [свойства]. К чему он прибавил как нелепость: «доказательной была бы и [наука] о сущности», принимая как следующее из доказательной [науки], что она

доказывает то, о чем имеет одно определение и одну теорию. Но не кажется, говорит он, что «что есть» есть доказательство, и он правильно принимает, что определение и «что есть» не есть доказательство (ибо он показал это и во "Второй аналитике"). Однако не обязательно следует, что если одна и та же [наука была бы] созерцающей сущность, что она есть, и присущие сущности сами по себе [свойства], то уже [это означает], что она доказательна в отношении «что есть»; ибо не потому, что [наука] о сущности есть созерцательная и доказательная, она уже доказательна и о сущности; ибо «что есть» она будет принимать определяющим образом, а доказывать будет присущие сами по себе [свойства], ибо они суть доказуемые [вещи]. Ибо если она [имеет дело] и с тем, и с другим, то не уже и одинаково с обоими; ибо не становится одно и то же другому — определять и доказывать, даже если оба [будут делом] одной [науки]. А тот, кто принял, что [наука] о сущности будет доказательной, перенес [это] на то, что сущность будет [предметом] доказательства, как будто доказательной [науке свойственно] через доказательство созерцать и то, что ей предложено. Желая же показать нам, как обстоит дело с вопросом, является ли теория только о сущности или о приводящих ей [свойствах], он привел в пример лежащие в основе геометрии тела, плоскости и линии, если вообще можно назвать их сущностями, поскольку им присущи некоторые сами по себе [свойства], о которых [идет] доказательство у геометра, — [и спрашивает], будет ли [делом]

одной и той же [науки] созерцать, что такое каждое из них, и определять, что такое тело или плоскость, что такое линия, и что присуще каждому из них самим по себе. Ибо определение линии есть длина без ширины, а само по себе ей присуще, если так случится, быть прямой или окружностью; ибо если прямая, будучи наложена на прямую, делает смежные углы равными друг другу, то каждый из равных углов есть прямой, или стоящая [на ней] есть перпендикуляр к тому, на чем она стоит, и все тому подобное.

(В 2. 997a – b)

Древнегреческий текст: σχεδὸν δὲ καὶ διὰ τοῦ παραδείγματος ἔλυσεν τὴν ἀπορίαν, ἣν ἐπιφέρει. οἱ γοῦν γεωμέτραι περὶ ἀμφοτέρων λέγοντες οὐκ ἀποδεικνύουσι τοὺς ὁρισμούς, ἀλλὰ τὸ εἶναι ἐπίπεδον ὃ μῆκος καὶ πλάτος μόνον ἔχον λαμβάνοντες χωρὶς ἀποδείξεως αὐτῷ χρῶνται, τὸ δὲ τινὰ μὲν τοῖς εὐθυγράμμοις ὑπάρχειν τῶν ἐπιπέδων τινὰ δὲ τοῖς περιφερογράμμοις καθ' αὐτὰ ἀποδεικνύουσι, καὶ οὐ διὰ τοῦτο γίνεται τοῦ τί ἐστὶν ἀπόδειξις. οἱ οὖν γεωμέτραι οὐκ ἔχουσιν οὐσίας τὰ ὑποκείμενα αὐτοῖς ἀορίζονται, ἡ δὲ φυσικὴ οὐσίας τε ἔχει τὰ ὑποκείμενα καὶ οὐδὲν ἥττον αὐτάς τε ὁρίζεται, τίνα ἐστὶν αὐταῖς τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα ἀποδείκνυσιν· οὐ γὰρ δὴ τί μὲν ἐστὶ κόσμος ἢ ἥλιος ἢ τις ἄλλη τῶν φυσικῶν οὐσιῶν ἀποδείκνυσιν, οὐκέτι δὲ περὶ τῶν σχημάτων ἢ κινήσεως ἢ τόπων, ἢ ὅσα ἄλλα καθ' αὐτὰ ὑπάρχει τοῖς φυσικοῖς, λέγει τι καὶ ἀποδείκνυσιν. ὁμοίως δὲ εἰ καὶ ταῖς πρώταις οὐσίαις ἔστι

τι συμβεβηκός, ὁ περὶ τῆς οὐσίας αὐτῶν θεωρῶν καὶ περὶ ἐκείνων ἔρεῖ τε καὶ ἀποδείξει. ἐπενεγκὼν δὲ τῷ εἰ τῆς αὐτῆς ἐπιστήμης περὶ ἀμφοτέρων ἐπισκοπεῖν ὡς ἄτοπον τὸ ἔσται ὀρισμοῦ καὶ τοῦ τί ἦν εἶναι ἀπόδειξιν, εἰ μὴ οὕτως ἔχει, ὡς τῆς αὐτῆς εἶναι περὶ ἀμφοτέρων θεωρῆσαι, πάλιν τί ἔπεται ἄτοπον λέγει· τίς γὰρ καὶ ἔσται ἐπιστήμη παρὰ τὴν τῆς οὐσίας θεωρητικὴν ἢ τῶν καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων τῇ οὐσίᾳ θεωρητικὴ τε καὶ ἀποδεικτικὴ, διαφέρουσα ἐκείνης, εὗρεῖν χαλεπὸν· ὑγιὲς ἐπενεγκὼν, ὅτι οὐ ῥάδιον εὗρεῖν ἄλλην τὴν περὶ τοῦ τί ἐστὶ τὸ ὑποκείμενον πραγματευομένην, ἄλλην δὲ περὶ τοῦ τὰ ὑπάρχοντα αὐτῷ καθ' αὐτά, οὔτε ἐπ' ἄλλου τινὸς γένους οὔτε ἐπὶ τῆς οὐσίας· καὶ οὐχ οἷόν τε ἀγνοοῦντά τινος τὴν οὐσίαν τὰ καθ' αὐτὰ αὐτῷ ὑπάρχοντα δεικνύναι. ἐπὶ τούτοις ἀπορεῖ, ὃ καὶ αὐτὸ κατ' ἀρχὰς προέβαλε (τέταρτον γὰρ καὶ τοῦτο ὧν προέβαλε), πότερον δεῖ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας μόνας ἡγεῖσθαι εἶναι, ἢ εἰσὶ τινες καὶ ἄλλαι παρὰ ταύτας οὐσίαι καθ' αὐτάς. προστίθῃσι δὲ τούτῳ τῷ εἶναι τινας παρὰ τὰς αἰσθητὰς, ὃ καὶ ἐν τῇ ἐκθέσει τῶν ἀποριῶν προσέθηκε, πότερον μοναχῶς εἰσὶν αὗται ἢ πλείω γένη τινῶν τοιούτων εἰσὶν οὐσιῶν, ὡς εἶναι τὰς μὲν τινας ἰδέας τε καὶ παραδείγματα, τὰς δὲ τινας μεταξὺ τῶν τε ἰδεῶν καὶ τῶν αἰσθητῶν, ὡς τὰς μαθηματικάς· ταύτην γὰρ τὴν χώραν τοῖς μαθηματικοῖς ἔταπτον οἱ περὶ Πλάτωνα, οὐσίας καθ' αὐτάς λέγοντες εἶναι, ἔξω καὶ ὅτι κεχωρισμένας τῶν τε αἰσθητῶν καὶ τῶν ἰδεῶν. καὶ περὶ γε τούτου τὰ ἐξῆς λέγει, ζητῶν εἰ πλείω γένη τῶν οὐσιῶν.

Русский перевод: И почти через этот пример он разрешил затруднение, которое выдвигает. Ибо геометры, говоря об обоих [предметах], не доказывают определения, но, принимая, что плоскость есть то, что имеет только длину и ширину, пользуются этим без доказательства, а доказывают, что некоторые [свойства] присущи прямолинейным плоскостям сами по себе, а некоторые — криволинейным; и из-за этого не возникает доказательства того, «что есть». Итак, геометры не имеют в качестве сущностей те субстраты, которые они определяют; а физика имеет в качестве субстратов сущности и не меньше определяет их самих, и доказывает, что им присуще сами по себе. Ибо она не доказывает, что такое мир, или солнце, или какая-либо другая физическая сущность, но уже не говорит и не доказывает о фигурах, или движении, или местах, или о том, сколько другого присуще физическим [вещам] самим по себе. Подобным образом, если и первым сущностям присуще нечто привходящее, то тот, кто созерцает их сущность, будет говорить и доказывать и о том. Прибавив же к [положению], что если одной и той же науки [дело] рассматривать оба [предмета], то как нелепость — что будет доказательство определения и сути бытия, если дело обстоит не так, что одной [науки] [дело] созерцать и то и другое, — он снова говорит, какая нелепость из этого следует: ибо какую еще науку, помимо созерцательной [науки] о сущности, можно найти, которая была бы созерцательной и доказательной в отношении присущих сущности самим по

себе [свойств] и отличалась бы от той? — правильно прибавив, что нелегко найти другую [науку], которая занималась бы тем, что есть субстрат, и другую — о том, что присуще ему самому по себе, ни в каком другом роде, ни в отношении сущности; и невозможно, не зная сущности чего-то, доказывать присущее ему самому по себе. Вслед за этим он ставит вопрос, который и в начале выдвинул (ибо это четвертое из того, что он выдвинул): следует ли считать, что существуют только чувственные сущности, или же есть и другие сущности помимо них, существующие сами по себе. И к этому — что есть некоторые помимо чувственных — он прибавляет, что и в перечислении затруднений прибавил: существуют ли они единообразно, или же есть много родов таких сущностей, так что одни из них суть идеи и образцы, а другие — нечто среднее между идеями и чувственными, как математические [вещи]; ибо это место математическим [вещам] отводили платоники, говоря, что они суть сущности сами по себе, и притом отделенные и от чувственных, и от идей. И об этом он говорит в дальнейшем, исследуя, много ли родов сущностей.

Глава XXII. О трудностях, связанных с учением об идеях (Книга В, Глава 2)

(В 2. 997b)

Древнегреческий текст: Ὡς λόγοις. ἐλθὼν ἐπὶ τὸ ἀπορεῖν πότερον αἰ αἰσθηταὶ μόναι εἰσὶν οὐσίαι ἢ καὶ ἄλλαι παρὰ ταύτας, καὶ εἰ πλείω γένη τῶν παρὰ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας, ὥς ἐδόκει τοῖς παλαιοῖς τοῖς περὶ Πλάτωνα τιθεμένοις καὶ τὰς ιδέας καὶ τὰς μαθηματικάς, περὶ τούτων ζητεῖ εἰ εἶναι δύνανται τοιαῦται οὐσίαι τινές. μέλλων δὲ πρὸς αὐτὰς λέγειν, πρῶτον ὑπομνησκει ἡμᾶς ὁποίας τινὰς ἔλεγον αὐτὰς εἶναι, ἀναπέμπων εἰς τὰ εἰρημένα ἐν τῷ πρώτῳ. ὅθεν καὶ δῆλον ἐκ πλειόνων ἤδη ὅτι κἀκεῖνα Ἀριστοτέλους τέ ἐστι καὶ ἐκ ταύτης τῆς πραγματείας, καὶ ἐν τῷ ἦθει ὁμοίως ἐκεῖ τε περὶ αὐτῶν εἴρηκε καὶ ἐνταῦθα ἐμνημόνευσεν· ὥς γὰρ καὶ περὶ οἰκείας τῆς δόξης τῆς περὶ ἰδεῶν οὔσης τοὺς λόγους ἐν ἀμφοτέροις πεποίηται. τὸ δὲ «ὥς οὖν» ἴσον ἐστὶ τῷ πῶς οὖν. εὗροι δ' ἂν ἐν τῷ πρώτῳ ὅτι οὐσίας ὀριστικάς αὐτὰς καθ' αὐτὰς ἔλεγον εἶναι τὰς ιδέας, κεχωρισμένας τῶν αἰσθητῶν, πρὸς παραδείγματα δὲ τοὺς αἰσθητὰς τὸ εἶναι ἔχειν, καὶ ὑπῆγον αὐτὰς αἰτίῳ τῷ κατ' εἶδος καὶ τί καὶ εἶναι.

Πολλὰς δ' ἐχόντων δυσκολίας οὐρανῶ. τίνες αἰ πολλὰ

δυσκολία, εἶρηκεν ἐν τῷ πρώτῳ. τὸ δὲ παρὰ τὰς ἐν τῷ οὐρανῷ λέγει ἀντὶ τοῦ παρὰ τὰς αἰσθητάς τε καὶ ἐν τῷ κόσμῳ (οὐρανὸν γὰρ τὸν κόσμον λέγει) ὡς τὰ ἐν τούτῳ οὐσίας καὶ φύσει συνεστώσας· ταῦτα γὰρ καὶ λέγοιτ' ἂν κυρίως ἐν οὐρανῷ. φησὶ δὲ πολλῶν ὄντων ἀτόπων τῶν ἐπομένων τῷ περὶ τῶν ἰδεῶν δόγματι (οὐ γὰρ τίς ἢ ὑπόστασις αὐτῶν ἀπορεῖ, πότερον ἢ οὐσία ἢ, καὶ τίς ὁ τῆς μεθέξεως τρόπος, καὶ ὅσα ἐν τῷ πρώτῳ προσηπόρησε τῇ δόξῃ), οὐδενὸς ἦττον ἄτοπον εἶναι καὶ ὁ νῦν τίθησιν ὡς ἐπόμενον αὐτοῖς. λέγουσι γὰρ εἶναί τινας φύσεις παρὰ τὰς αἰσθητάς καὶ φύσει συνεστώσας ταύτας, ὡς δὴ καὶ ἰδέας λέγουσι, ταύτας δὲ τὰς φύσεις τὰς αὐτὰς τίθενται τοῖς αἰσθητοῖς καὶ ἐν τῇ οὐσίᾳ, μόνῳ τῷ αἰδίῳ εἶναι τῶν αἰσθητῶν διαφερούσας. ὁ ὅτι ἔπεται τῷ δόγματι, ἐπιστώσατο ἐκ τοῦ ὑπ' αὐτῶν λεγομένου· αὐτὸ γὰρ καὶ ἄνθρωπόν φασιν εἶναι τὸν αὐτοῖππον καὶ αὐτοῦγίειαν, ἄλλο δὲ οὐδὲν λέγουσι περὶ αὐτῶν. εἰ γὰρ μὴ ἐστὶ κἀκεῖνα ἄνθρωποι καὶ ἵπποι, μόνῳ τῷ αὐτὸ διαφέροντες τῶν αἰσθητῶν, τί γὰρ καὶ ἄλλα τοῖς αἰσθητοῖς ἔξουσι ταῦτά (τοὺς γοῦν ὀρισμοὺς ἐκείνων λεγόμενοι καὶ ἐφαρμόζειν φασὶν αὐτοὺς καὶ τούτοις), διοίσουσι δὲ μόνῳ τῷ αἰδίῳ εἶναι· τούτου γὰρ καὶ μηνυτικὸν εἶναι δοκεῖ τὸ προσκείμενον, ὅπερ ἐστὶ τὸ αὐτό· ὥστε ἴσαι κἀκεῖνα αἰσθητά. ὡς γὰρ οἱ θεοὺς λέγοντες καὶ τούτους ἀνθρωπομόρφους πρότερον ἀνθρώπους αἰδίου αὐτοὺς ἐποιοῦν, διὰ τοῦ θεοῦ ὀνόματος τὸ αἰδίον αὐτῶν κατηγοροῦντες, οὕτω καὶ οἱ τὰ αὐτὰ τοῖς

αἰσθητοῖς τὰ εἶδη ποιοῦντες πλεονεκτοῦντα τῇ τοῦ αὐτοῦ προσθήκῃ αἰσθητὰ ἐποιοῦν ἄϊδια τὰς ιδέας· ἀδύνατον γὰρ καὶ ἄνθρωπόν τινα ἢ ἵππον, ἐν τούτων λόγον ἀναδεξάμενον, μὴ αἰσθητὸν ἢ αἰσθητικὸν εἶναι. εἰ δὲ τοῦτο, οὐκ ἂν εἴη διὰ τῆς τῶν ιδεῶν θέσεως ἀναιρούμενον τὸ μὴ μένον εἶναι τὰς αἰσθητὰς οὐσίας. ὃ δὲ ἐν τῷ Α τῷ μείζονι λέγων πρὸς τὰς ιδέας πρῶτον ἔθηκε, τὸ ὅτι βουλόμενοι ἐπιστήμην τινὰ τῶν ὄντων λαβεῖν ἦλθον ἐπὶ τὸ τὰς αἰτίας αὐτῶν ζητεῖν, ἰσαρίθμους δὲ ποιήσαντες ταῖς προυπαρχούσαις ἡγοῦντο τὴν ἐπιστήμην αὐτῶν οὕτως ἔξειν, ὃ νῦν ἐξηγήσατο πῶς εἴρηται διὰ τὸ «οὐδὲν γὰρ καὶ ἄλλο ἢ ἴσους καὶ τὰς αὐτὰς ταῖς ζητούμεναις οὐσίαις ἐσίας ιδέας ἔλαβον οἱ τὰς ιδέας θέμενοι, εἴγε μόνη τῇ τοῦ αὐτοῦ προσθήκῃ διαφέρει τῶν αἰσθητῶν, ὃ τὸ τί ἂν εἴη δηλωτικόν.

Русский перевод: «Как рассуждениями». Придя к вопросу, существуют ли только чувственные сущности или также и другие помимо них, и если есть много родов помимо чувственных сущностей, как казалось древним платоникам, полагавшим и идеи, и математические [вещи], — об этом он исследует, могут ли существовать такие сущности. Намереваясь говорить против них, он сначала напоминает нам, какими они их считали, отсылая к сказанному в первой книге. Откуда уже из многого ясно, что и те [книги] принадлежат Аристотелю и к этому учению, и что в том же духе он говорил о них там и упомянул здесь; ибо как о собственном учении об идеях он рассуждал в обоих [местах]. А «как же»

равнозначно «так как же». Можно найти в первой книге, что они говорили, что идеи суть определяющие сущности сами по себе, отделенные от чувственных, а чувственные [вещи] имеют бытие через причастность к ним как к образцам; и они подводили их под причину по виду и [под причину] «что есть».

«Хотя имеющих много трудностей небу». Каковы эти многие трудности, он сказал в первой книге. А «помимо тех, что в небе» он говорит вместо «помимо чувственных и в мире» (ибо небом он называет мир) как [о] сущностях и природных [вещах] в нем; ибо это и называлось бы собственно [находящимся] в небе. Он говорит, что, хотя много нелепостей следует из учения об идеях (ибо он ставит под вопрос, какова их субстанция, сущность ли, и каков способ причастности, и все, что в первой книге он предварительно поставил под вопрос против этого учения), ничуть не менее нелепо и то, что он теперь выдвигает как следующее из него. Ибо они говорят, что есть некоторые природы помимо чувственных и природных [вещей] — как они называют идеи, — и эти природы они полагают теми же самыми, что и чувственные [вещи] и по сущности, отличаясь от чувственных только тем, что существуют вечно. Что это следует из их учения, он подтвердил из их собственных слов; ибо они говорят, что самоконь и самоздоровье суть также человек, и ничего другого не говорят о них. Ибо если и те не суть люди и кони, отличаясь от чувственных только «самостью», то что же иное

они будут иметь общего с чувственными? (по крайней мере, говоря определения тех [идей], они говорят, что они применимы и к этим [чувственным вещам]), но будут отличаться только тем, что они вечны; ибо и добавление «само», как кажется, указывает на это; так что и те [идеи] равны чувственным. Ибо как те, кто говорит о богах и делает их человекоподобными, делают их вечными людьми, приписывая им через имя бога вечность, так и те, кто делает виды теми же самыми, что и чувственные [вещи], с добавлением «само», делали идеи чувственными и вечными; ибо невозможно, чтобы человек или конь, приняв одно из этих определений, не был чувственным или способным к ощущению. Если же это так, то через полагание идей не устраняется [то], что чувственные сущности не пребывают [вечно]. А то, что он, говоря в большой книге А против идей, поставил первым — что они, желая получить некоторое знание о сущем, пришли к поиску его причин, и, сделав [идеи] равными по числу предсуществующим [вещам], считали, что таким образом будут иметь знание о них, — это он теперь объяснил, как это было сказано, через [то, что] «ибо те, кто полагает идеи, не взяли ничего иного, кроме равных и тех же самых, что и искомые сущности, идей, если только они отличаются от чувственных [вещей] одним лишь добавлением "само", что указывает на "нечто"».

(В 2. 997b)

Древнегреческий текст: "Ἐτι ἔξει." ἀπορήσας πρὸς

τὰς ἰδέας μετελήλυθεν ἐπὶ τὰ μεταξὺ λεγόμενα εἶναι αὐτῶν
τῶν ἰδεῶν καὶ τῶν αἰσθητῶν, ταῦτα δὲ ἐστὶ τὰ μαθηματικά,
ἃ οὐσίας ἔλεγον καὶ αὐτὰς καθ' αὐτὰς ὑφεστώσας, καὶ
φησι πολλὰς ἀτοπίας ἔπεσθαι τῇ δόξῃ ταύτῃ. δι' ὧν δὲ
τούτων δείκνυσιν ὅτι ἡ τῶν οὐσιῶν παρὰ τὰς τῶν αἰσθητῶν
φύσεις δύσληπτος. τίθησι δὲ καὶ τὰς ἀπορίας. ὥς γὰρ καὶ
ἐπὶ γραμμῆς ἔχει (ἐστὶ γὰρ τις γραμμὴ κατ' αὐτοὺς παρὰ
τε τὴν αἰσθητὴν καὶ τὴν ἰδέαν ἢ μαθηματικὴ, περὶ ἣν ἡ
γεωμετρία πραγματεύεται), οὕτως ἔξει καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων,
δηλονότι τῶν μαθηματικῶν· πάντες γὰρ καὶ οἱ μαθηματικοὶ
ἔξουσί τινας μεταξὺ φύσεις, περὶ ὧν θεωροῦσιν. ἐπεὶ οὖν
ἐστὶν ἐν ταῖς μαθηματικαῖς καὶ ἡ ἀστρολογία, οὗσα περὶ
τοῦ οὐρανοῦ καὶ περὶ ἡλίου καὶ σελήνης καὶ τῶν ἄλλων
ἄστρον, ἔσται καὶ τούτων ἕκαστον μεταξὺ τῶν αἰσθητῶν,
οὐρανοῦ καὶ ἡλίου καὶ σελήνης καὶ τῶν ἄλλων ἄστρον,
καὶ τῶν ἰδεῶν, περὶ ὧν ὁ μαθηματικὸς ἢ ἀστρολόγος
λέγει. πῶς δὲ οἷόν τε εἶναι ἡλιόν τινα μαθηματικὸν μὴ
κινούμενον, ἢ κόσμον ἢ ἄλλο τι τῶν ἄστρον; ἢ γὰρ καὶ
οὐσία καὶ ἡ φύσις τούτων ἐν τῇ τῆς τοιαύτης κινήσεως
οἱ δὲ λέγουσι τὰ μαθηματικὰ ἀκίνητα εἶναι. πολὺ δ' ἔτι
δυσχερέστερον τὸ λέγειν κόσμον καὶ ἥλιον ἀκίνητα, ὃ λέγειν
εἶναι αὐτὰ κινούμενα, οὐκ αἰσθητὰ δὲ ἀλλὰ μαθηματικά·
ἀδύνατον γὰρ καὶ κινεῖσθαι τι μὴ ὂν ὅλον τῇ αὐτοῦ φύσει
αἰσθητόν. ἔποιτο δ' ἂν τοῦτο τὸ ἀτοπον τοῖς λέγουσιν
ιδέαν τινὰ εἶναι οὐρανοῦ αὐτοουρανὸν καὶ ἡλίου αὐτοῦ ἡλίου·
πῶς γὰρ οἷόν τε ποιῆσαί τι τούτων ἀκίνητον; ὁ αὐτὸς δὲ

λόγος ὁ ἐπὶ τῆς ἀστρολογίας οὗτος καὶ ἐπὶ τῆς ὀπτικῆς, περὶ ὧν πραγματεύεται αὕτη, καὶ περὶ τῆς ἀρμονικῆς τῆς μαθηματικῆς· αὕτη δὲ ἐστὶν οὐχ ἡ τὰς χορδὰς ἀρμοζομένη (αὕτη γὰρ δοκεῖ αὐτοῖς περὶ τὰ αἰσθητὰ εἶναι), ἀλλ' ἡ δεικνῦσα ἐν τίνι λόγῳ ἀριθμῶν ἐστὶν ἐκάστη συμφωνία αὕτη γὰρ ἡ μαθηματικὴ, ἣτις δηλονότι περὶ τὰ μαθηματικὰ ἔσται. πᾶσαι γὰρ καὶ αὗται μαθηματικαὶ ὅσαι ἔχουσιν τινὰς οὐσίας μαθηματικὰς ὑποκειμένας, μεταξὺ οὗσας τῶν τε αἰσθητῶν καὶ τῶν ἰδεῶν· πῶς δὲ οἷόν τε ὁρατὰ τινὰ εἶναι μὴ αἰσθητά, περὶ ἃ ἡ ὀπτικὴ, ἢ ἀκουστὰ μὴ αἰσθητά, περὶ ἃ ἡ ἀρμονικὴ; τὸ γὰρ καὶ ὀπτικῇ εἶναι τὸ περὶ ὁρατῶν λέγειν καὶ τὸ ἀρμονικῇ τὸ περὶ ἀκουστῶν.

Русский перевод: «Далее, будет». Поставив вопросы против идей, он перешел к тому, что называется средним между самими идеями и чувственными [вещами], а это суть математические [вещи], которые они называли сущностями, существующими сами по себе, и говорит, что много нелепостей следует из этого учения. Через это он показывает, что природа сущностей помимо чувственных трудноуловима. Он ставит и сами затруднения. Ибо как обстоит дело с линией (ибо есть, по их мнению, некая линия помимо чувственной и идеи — математическая, которой занимается геометрия), так будет и с другими [математическими вещами], очевидно; ибо все математики будут иметь некоторые средние природы, о которых они созерцают. Поскольку же среди математических [наук] есть и астрономия, которая [имеет

дело] о небе, о солнце, луне и других звездах, то и каждое из них будет средним между чувственными [вещами] — небом, солнцем, луной и другими звездами — и идеями, о которых говорит математик или астроном. Как же возможно, чтобы существовало некое математическое солнце, не движущееся, или мир, или другое из звезд? Ибо их сущность и природа состоят в движении такого рода; а они говорят, что математические [вещи] неподвижны. Гораздо более затруднительно говорить, что мир и солнце неподвижны, [когда] их следует называть движущимися, но не чувственными, а математическими; ибо невозможно, чтобы нечто двигалось, не будучи по своей природе целиком чувственным. Эта нелепость следовала бы для тех, кто говорит, что есть некая идея неба — само-небо, и солнца — само-солнце; ибо как возможно сделать что-либо из них неподвижным? Это же рассуждение об астрономии [применимо] и к оптике, о чем она [имеет дело], и к математической гармонике; а это не та, что настраивает струны (ибо эта, по их мнению, [имеет дело] с чувственными [вещами]), но та, что показывает, в каком отношении чисел состоит каждая гармония; ибо это — математическая [гармоника], которая, очевидно, будет [иметь дело] с математическими [вещами]. Ибо все те [науки] суть математические, которые имеют некоторые математические сущности в качестве субстратов, находящиеся между чувственными [вещами] и идеями; как же возможно, чтобы были зримые [вещи], не будучи чувственными, о которых [имеет дело] оп-

тика, или слышимые, не будучи чувственными, о которых [имеет дело] гармоника? Ибо оптике свойственно говорить о зримом, а гармонике — о слышимом.

(В 2. 997b)

Древнегреческий текст: В2. 997 b. τούτῳ γὰρ καὶ ἀκολουθήσει καὶ αἰσθήσεις τινὰς μεταξὺ λέγειν καὶ ἄλλας τινὰς παρὰ ταύτας, δι' ὧν ἡ ἀντίληψις ἐκείνων τῶν μεταξὺ. εἰ δὲ αἰσθήσεις, δηλὸν ὅτι καὶ ζῶα τὰ τὰς αἰσθήσεις ἐκείνας ἔχοντα, μεταξὺ ὄντα αὐτῶν τε τῶν ζώων, τουτέστι τῶν ἰδεῶν, καὶ τῶν φθαρτῶν· οὐ γὰρ δὴ αἰσθήσεις ἂν εἶεν ἄνευ ζώων.

Ἀπορήσειε ἐπιστήμας. ὃ ἀπορεῖ τοιοῦτόν ἐστιν. ἐπεὶ ἔλεγον τὰς μαθηματικὰς ἐπιστήμας περὶ τὰ μεταξὺ εἶναι τῶν τε αἰσθητῶν καὶ τῶν ἰδεῶν, ζητεῖ παρὰ τίνα τῶν αἰσθητῶν ἐστὶ τὰ μεταξὺ ταῦτα, περὶ ἃ αἱ μαθηματικάί. ὥς δὲ παρὰ τὴν γεωδαισίαν φησὶ τὴν γεωμετρίαν εἶναι, οὐδενὶ ἄλλῳ διαφέρουσιν τῆς γεωδαισίας ἢ τῷ ταύτην μὲν περὶ τὰ αἰσθητὰ εἶναι καὶ τὰ τούτων μέτρα, εὗρεθεῖσαν ἐν Αἰγύπτῳ διὰ τὴν χρεῖαν τῆς κατὰ τὴν χώραν διαιρέσεως τῷ τοῦς φθάσαντας ὅρους κεῖσθαι συγγεῖσθαι ὑπὸ τῆς ἀναβάσεως τοῦ Νείλου, τὴν γεωμετρίαν δὲ μὴ περὶ τὰ αἰσθητὰ, εἶναι δὲ ἄλλην τὴν περὶ τὰς τούτων ιδέας· ὥς γοῦν ἐπὶ τῆς γεωδαισίας καὶ γεωμετρίας, οὕτω χρή καὶ ἐπὶ ἱατρικῆς τὴν μὲν τίνα εἶναι ἱατρικὴν περὶ τῶν αἰσθητῶν ζώων ὑγίειαν καταγινομένην, ἀνάλογον οὔσαν τῇ γεωδαισίᾳ, ἄλλην δὲ παρ' αὐτὴν τὴν νοητὴν τὴν μεταξὺ οὔσαν τῆς περὶ τὴν

αὐτοϋγίειαν πραγματευομένης καὶ τῆς περὶ τὴν ἐν τοῖς αἰσθητοῖς ὑγίειαν, ἀνάλογον οὖσαν τῇ γεωμετρίᾳ. εἰ δὲ τοῦτο, ἔσται τις ὑγίεια παρὰ τὴν αὐτοϋγίειαν καὶ τὴν ἐν τοῖς αἰσθητοῖς ὑγίειαν, νοητὴ καὶ νοητοῖς ζώοις. ὥς γὰρ καὶ ὄντος αὐτοτριγώνου καὶ αὐτογραμμῆς, ὄντων δὲ καὶ αἰσθητῶν, περὶ ἃ ἡ γεωδαισία, ἔστι τινὰ μεταξὺ καὶ τούτων, περὶ ἃ ἡ γεωμετρία, οὕτως καὶ οὔσης τῆς αὐτοϋγιείας, οὔσης δὲ καὶ τῆς ἐν τοῖς αἰσθητοῖς, περὶ ἣν ἰατρικὴ, ἔσται τις καὶ μεταξὺ αὐτῶν ὑγεία τε καὶ ἰατρικὴ· ὁ αὐτὸς γὰρ λόγος. εἰ δὲ ὑγεία τις ἔσται μεταξὺ καὶ ἰατρικῆ, ἔσται καὶ ὑγιεινά τινα ἄλλα, δι' ὧν τὴν ὑγίειαν ἐκεῖνος ὁ ἰατρικὸς περιποιεῖ, καὶ δηλονότι ζῶά τινα, ἐν οἷς καὶ ἐκείνη ἡ ὑγίεια. ὃ οὐκέτι τοῖς τὰ μαθηματικὰ ἔξ ἀφαιρέσεως ἀπὸ τῶν αἰσθητῶν λέγουσι μὴ διδοῦσιν αὐτοῖς ἰδίαν ὑπόστασιν ἔπεται, τὸ καὶ ὑγιεινά τινα ἔξ ἀνάλογον τοῖς μαθηματικοῖς νοεῖσθαι· οὐ γὰρ ἐστὶν ἐπινοίᾳ χωρίσαι τοῦ φυσικοῦ σώματος. ὥς δὲ ἐπὶ ἰατρικῆς, ὁμοίως καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων τεχνῶν ρηθήσεται· διὰ τί γὰρ καὶ ἐπὶ γεωμετρίας ἔσται τοῦτο, οὐκέτι δὲ καὶ ἐπὶ ἄλλης ἐπιστήμης; δεῖ γὰρ καὶ αἰτίαν τινὰ τοῦ οὕτως ἔχειν λέγειν. ἀπορήσας δὲ ἑξῆς φησὶ μηδὲ τοῦτο ὑγιῶς ὑπ' αὐτῶν λέγεσθαι, τὸ εἶναι τὴν γεωδαισίαν περὶ τὰ αἰσθητά, τὴν δὲ γεωμετρίαν περὶ ἄλλα τινά· οὐδὲ γὰρ ἡ γεωδαισία περὶ αἰσθητῶν ἐστίν. ὃ πίστιν φέρει τό, εἰ ἦν περὶ τὰ αἰσθητά, συνεφθείρετο ἂν αὐτὴ φθειρομένων. ἀνάγκη γὰρ καὶ ἀναιρουμένου τοῦ περὶ ὃ ἐστὶ τι, καὶ περὶ ἐκεῖνο ὄν· εἰ γὰρ περὶ τόδε τί ἐστι, φθαρέντος τούτου ἀνάγκη καὶ αὐτὸ

συνεφθάρθαι, εἶγε καὶ αὐτῷ τὸ εἶναι ἐν τῷ περὶ τοῦτο εἶναι. οὐδεμία δὲ οὔτε τέχνη οὔτε ἐπιστήμη συμφθείρεται τούτοις, ὥσπερ οὐδὲ ἡ γεωδαισία· ὡς δῆλον ὅτι οὐδὲ περὶ τούτων οὐδὲ περὶ ταῦτά ἐστιν, ἃ ἐστιν αἰσθητὰ καὶ φθαρτά, ἀλλὰ περὶ τὸ καθόλου, ὃ ἐστιν αἰδιον. πᾶσα γὰρ ἐπιστήμη περὶ ὃ καθόλου συνίσταται, ὃ οὐκ ἐστιν αἰσθητόν· καὶ εἰ χρῆται τις αἰσθητοῖς ταῖς ἐπιστήμαις καὶ τέχναις, ἤδη περὶ ταῦτά εἰσιν· ἀλλὰ τὰ καθόλου καὶ τὰ τοιαῦτα περὶ τὰ αἰσθητὰ πραγματεύονται, οὐχ ἥ καὶ τάδε, ἀλλ' ἥ καὶ τοιάδε καὶ τοῦ κοινοῦ μετέχει. ὥστε εἰ μηδὲ ἡ γεωδαισία περὶ τὰ αἰσθητὰ μεγέθη, οὐκ ἂν διαφέροι αὐτῆς ἡ γεωμετρία τῷ αὐτῇ μὲν περὶ ἐκεῖνα εἶναι· καὶ γὰρ ἐκείνη περὶ τὰ τοιαῦτα. κατ' ἂν τὸν αὐτὸν λόγον οὐδὲ ἰατρικὴ περὶ αἰσθητὴν ὑγίειαν· συνεφθείρετο γὰρ ἂν φθειρομένοις τοῖς περὶ ἃ ἐστιν. ἐξῆς δὲ δείκνυσιν ὅτι οὐδὲ ἡ ἀστρολογία περὶ τῶν αἰσθητῶν λέγει, τοῦδε τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῶνδε τῶν ἄστρον· ἄφθαρτα γὰρ ταῦτα, καὶ μηδὲ φθείρεσθαι ἃ μὴ συναναιρεῖν δὲ ἐκείνην τὴν λεγομένην περὶ αὐτὰ ἦν ἡ ἀστρολογία, δείκνυσί τις, ὅτι μὴ περὶ ταῦτά ἐστιν, ἀλλὰ δι' ἄλλα ἢ τούτων οὐσία δείκνυται. οὔτε γὰρ αἰσθητὰς γραμμὰς τοιαύτας οἷας ὑπολαμβάνει ὁ ἀστρονόμος λαμβάνει ἐν ταῖς δεῖξιν· οὐδὲν γὰρ τῶν οὕτως εὐθύ (ἀντὶ δὲ τοῦ ἀστρολόγου τὸν γεωμέτρην εἶπεν), ἀλλ' ὁποίας γὰρ τὰς γραμμὰς εἶναι λέγει, τοιαύταις ὁ ἀστρολόγος χρῆται πρὸς τὰς δεῖξεις τὰς ἀστρολογικάς. ὁμοίως δὲ οὐδὲ περιφερὲς οὐδὲ στρογγύλον οὐδὲν ἐστιν αἰσθητόν, ὅποια ὁ γεωμέτρης αὐτὰ ὀρίζειται· ὁ γὰρ κύκλος ὁ τοῦ κανόνος καὶ

τοῦ ἐπιπέδου τοῦ αἰσθητοῦ οὐ κατὰ στιγμήν ἅπτεται, οἱ δὲ μαθηματικοί τε καὶ ἀστρολόγοι οὕτω λέγουσι καὶ περὶ τοῦ κύκλου καὶ τῆς σφαίρας ὥς κατὰ σημεῖον ἀπτομένου τοῦ ἐπιπέδου. Πρωταγόρας γοῦν τοῖς αἰσθητοῖς προσχρώμενος ᾤετο τοὺς γεωμέτρας ἐλέγχειν ὥς ψευδομένους, δεικνὺς ὅτι οὐδὲν τούτων τοιοῦτόν ἐστιν ὅποιον ἐκεῖνοι λέγουσιν, ἀγνοῶν καὶ αὐτὸς ὅτι μὴ περὶ τούτων ὁ λόγος αὐτοῖς, ὥσπερ οὖν οὐδὲ ἄλλω τινὶ τεχνίτῃ. ἀλλ' οὐδὲ αἱ κινήσεις αὐτῶν τοῦ οὐρανοῦ, ἀλλ' οὐδὲ αὐτοῦ τοῦ οὐρανοῦ, αἱ τε κύκλῳ γινόμεναι καὶ εἰ καὶ ἑλίκας, τοιαῦται ὁποίας ὁ ἀστρολόγος λαμβάνει· γραμμὰς δὲ λαμβάνων ὁ ἀστρολόγος καὶ τὴν ἑλικά καὶ τὸν κύκλον, ἃ ἐστὶ μήκη ἀπλατῇ, καὶ ἐπὶ τούτων τὰς κινήσεις ὑποτίθεται γίνεσθαι· οὐδὲν δὲ ἐστὶν ἐν τοῖς αἰσθητοῖς μῆκος ἄνευ πλάτους. ἔτι οἱ μὲν λαμβάνουσι τὰ ἄστρα σημεῖα τινα καὶ σημείων ἐπέχειν λόγον ἐν τῷ οὐρανῷ, τὸ δὲ σημεῖόν ἐστιν οὗ μέρος οὐδέν, οὐδὲν δὲ τῶν ἄστρων τοιοῦτον. εἰ δὲ μηδεμία τέχνη περὶ τὰ αἰσθητά, οὐκ ἂν εἴη ταῖς τέχναις πρὸς τὰς μαθηματικὰς ἐπιστήμας ἢ διαφορὰ τῷ ταύτας εἶναι περὶ αἰσθητὰς τὰς δὲ μαθηματικὰς περὶ τινος νοητὰς οὐσίας· ὑπὲρ τοῦ ταῦτα δεῖξαι παρέθετο «εἰσὶ δὲ τινες οἳ φασιν εἶναι καὶ τὰ μεταξὺ ταῦτα λεγόμενα τῶν εἰδῶν καὶ τῶν αἰσθητῶν, μὴν γε χωρὶς τῶν αἰσθητῶν.» εἰπὼν διὰ τοὺς τὰ μαθηματικὰ οὐσίας λέγοντας εἶναι αὐτὰς καθ' αὐτὰς κεχωρισμένας τῶν ἰδεῶν καὶ τῶν αἰσθητῶν, νῦν μέτεισιν ἐπὶ τοὺς λέγοντας καὶ τὰ μαθηματικὰ εἶναι κατὰ τινα φύσιν οἰκείαν, μὴ μέντοι ἔξω αὐτὰ τῶν αἰσθητῶν εἶναι,

ἀλλ' ἐν τούτοις. διαφέροι δ' ἂν ἡ δόξα αὕτη τῆς λεγούσης ἕξ
ἀφαιρέσεως τὰ μαθηματικά λαμβάνεσθαι τε καὶ νοεῖσθαι,
ἥς καὶ αὐτός ἐστιν, ὅτι ἐκεῖνοι οἰκείαν τινὰ φύσιν ἀποδόντες
αὐτοῖς, ἄλλην παρὰ τὰ αἰσθητά, ἐν τοῖς αἰσθητοῖς αὐτὰ
λέγουσιν εἶναι, οὐκ αὐτῶν τι ὄντα, ἀλλ' ἐν τούτοις ὄντα ἄλλα
εἶναι αὐτῶν, οἱ δὲ ἕξ ἀφαιρέσεως λαμβάνοντες αὐτά, τῷ
λόγῳ τινὰ τῶν αἰσθητῶν χωρίσαντες, καταλείπουσιν αὐτὰ
σὺν τοῖς χωρισθεῖσι πάντα τὰ κατὰ τὰ ὅλα αἰσθητά, οὐκέτι
ἐκείνων τῶν κεχωρισμένων αὐτῶν ἐφ' αὐτῶν δυναμένων
τὴν αἰσθητὴν ἀποπληροῦν φύσιν, οὐδ' ἐπὶ ὑποστάσεώς τινος
νοουμένων. ἡ γὰρ ἐν τοῖς μαθηματικοῖς νοουμένη διάστασις
μετὰ τῶν τῷ λόγῳ κεχωρισμένων παθητικῶν ἢ αἰσθητῇ
φύσει· ἐν ἀμφοῖν γὰρ καὶ ἡ αἰσθητὴ φύσις ἐν ὑποστάσει
οὔσα φύσει. φησὶ δὲ πολὺ ἀτοπωτέραν τήνδε τὴν δόξαν
εἶναι τῆς κεχωρισμένα λεγούσης αὐτά. τὰ γὰρ καὶ οὖν πλείω
τῶν ἀτόπων τῶν ἐπομένων τῇδε τῇ δόξῃ ὃ νῦν παραιτεῖται
καταλέγειν, παρατίθεται δὲ τό τε καὶ αὐτοὺς λόγον καὶ ιδέας
θέσθαι ἐν τοῖς αἰσθητοῖς· εἰ δὲ ταῦτα ὄντα οὐσίαι καθ' αὐτὰς
νοηταὶ ἐν αἰσθητοῖς ἐστί, τί δήποτε καὶ αἱ ιδέαι, ὅσαι ἢ αὐταὶ
οὐσίαι τινὲς νοηταί, οὐκ ἔσονται ἐν τοῖς αἰσθητοῖς; δεῖ γὰρ
λόγου τινός, δι' ὃν ταῦτα μὲν καὶ ἴσαι ἂν ἐν τοῖς αἰσθητοῖς,
ἐκεῖναι δὲ οὐκέτι. ὅτι δὲ πολλὰ ἔπεται τῇδε τῇ δόξῃ, εἴρηκε
μὲν καὶ ἐν τῷ δευτέρῳ, ὑπέμνησε δὲ καὶ ἐν τῷ πρώτῳ τῷ
μείζονι Α λέγων περὶ τῆς Εὐδόξου δόξης, ἐρεῖ δὲ καὶ ἐν τῷ
Ν τῇσδε τῆς πραγματείας. ἔτι δὲ δύο στερεὰ ἐν τῷ αὐτῷ
τόπῳ ἔσται, τό τε μαθηματικόν (ἔστι γὰρ καὶ μαθηματικόν

στερεόν, περὶ ὃ ἡ στερεομετρία) καὶ τὸ αἰσθητόν, εἰ ἐκεῖνο ἐν τούτῳ ἔσται. ἔσται δὲ σῶμα διὰ σώματος οὕτω δυνόν, εἰ ἐκάτερον αὐτῶν κατ' οἰκείαν φύσιν ὃν τὸ ἕτερον ἐν τῷ ἑτέρῳ ἐστίν. ἔτι δὲ οὐδὲ ἀκίνητα ἔσται τὰ μαθηματικά, ὄντα γε ἐν τοῖς αἰσθητοῖς· κινουμένων γὰρ τούτων ἀνάγκη καὶ τὰ ἐν αὐτοῖς κινεῖσθαι, κινεῖται δὲ οὐχ ὥς τὰ συμβεβηκότα, ἀλλ' ὥς καὶ αὐτὰ ἐν τόπῳ· εἰ γὰρ μεγέθη καὶ ἐν διαστάσει, ἔσται κινούμενα ὁμοίως τοῖς τῶν σωμάτων βίαι καὶ ὑπὸ τίνος κινουμένοις, οὐ κατὰ τὴν ἐν αὐτοῖς ῥοπήν. καθόλου δὲ τίνος χάριν δεῖ λέγειν αὐτὰ εἶναι, εἶναι δὲ ἐν τοῖς αἰσθητοῖς; οὐδεμίαν γὰρ καὶ ἔτι φαίνεται χρεῖαν αὐτοῖς παρεχόμενα, ὄντα γε καὶ καθ' αὐτά. ἀλλ' ἐπὶ τούτοις τοῖς προειρημένοις ἀτόποις καὶ ὅσα εἶπετο τοῖς κεχωρισμένα ποιοῦσιν αὐτά, καὶ τούτοις ἀκολουθήσει· ἔσται γὰρ τις οὐρανὸς ἄλλος ὁ κατὰ τούτους παρὰ τὸν αἰσθητὸν οὐρανόν, ὁμοίως καὶ ἥλιος τῶν ἄστρον ἕκαστον, πλὴν οὐ καθ' αὐτοὺς ὄντες ἀλλ' ἐν αὐτοῖς τούτοις, ἥλιος ἐν ἡλίῳ καὶ σελήνη ἐν σελήνῃ καὶ οὐρανὸς ἐν οὐρανῷ, πρὸς ἐκείνῳ δὲ τῷ ἀτόπῳ καὶ τοῦτο προσληφθέντα δύο σώματα ἐν τῷ αὐτῷ τόπῳ εἶναι.

Русский перевод: Ибо из этого будет следовать, что нужно говорить о неких средних ощущениях и о других, помимо этих, через которые происходит восприятие тех средних [вещей]. А если [есть] ощущения, то, очевидно, и животные, имеющие те ощущения, [будут] средними между самими животными, то есть идеями, и гибнущими [животными]; ибо не было бы ощущений без животных.

«Можно было бы поставить вопрос о науках». Вопрос, который он ставит, таков. Поскольку они говорили, что математические науки [имеют дело] со средним между чувственными [вещами] и идеями, он спрашивает, помимо каких чувственных [вещей] существуют эти средние [вещи], которыми занимаются математические [науки]. И как, говорит он, геометрия [существует] помимо землемерия, ничем не отличаясь от землемерия, кроме того, что это [землемерие] [имеет дело] с чувственными [вещами] и их мерами, будучи найдено в Египте из-за необходимости деления земли, когда прежние границы смешивались разливом Нила, а геометрия — не с чувственными [вещами], но есть иная, [имеющая дело] с их идеями; как, значит, [обстоит] с землемерием и геометрией, так следует и в медицине: есть некая медицина, занимающаяся здоровьем чувственных животных, аналогичная землемерию, и иная, помимо нее, умопостигаемая, находящаяся между [медициной], занимающейся самоздоровьем, и [медициной], занимающейся здоровьем в чувственных [вещах], аналогичная геометрии. Если же это так, то будет некое здоровье помимо самоздоровья и здоровья в чувственных [вещах], умопостигаемое и [принадлежащее] умопостигаемым животным. Ибо как существуют само-треугольник и само-линия, и существуют чувственные [треугольники и линии], которыми занимается землемерие, и есть нечто среднее между ними, чем занимается геометрия, так и если существует самоздоровье и существует [здоровье] в чувствен-

ных [вещах], которым занимается медицина, то будет нечто среднее между ними — здоровье и медицина; ибо то же рассуждение. Если же будет некое среднее здоровье и медицина, то будут и некоторые иные здоровые [вещи], через которые тот врач будет сохранять здоровье, и, очевидно, некие животные, в которых и то здоровье. Это уже не следует для тех, кто говорит, что математические [вещи] получаются через отвлечение от чувственных и не дает им собственного существования, [а именно] что и некое здоровье мыслится по аналогии с математическими [вещами]; ибо невозможно в мысли отделить [здоровье] от физического тела. Как о медицине, так же будет сказано и о других искусствах; ибо почему это будет в геометрии, но уже не в другой науке? Нужно сказать и некоторую причину того, что так обстоит. Поставив же этот вопрос, далее он говорит, что и это неправильно говорится ими, что землемерие [имеет дело] с чувственными [вещами], а геометрия — с другими; ибо и землемерие не [имеет дела] с чувственными [вещами]. Доказательством этого служит то, что если бы оно [имело дело] с чувственными [вещами], то оно гибло бы вместе с ними. Ибо необходимо, чтобы и [наука], [имеющая дело] с тем, что уничтожается, уничтожалась вместе с ним; ибо если она [имеет дело] с этим вот [предметом], то с его гибелью необходимо и ей погибнуть, если ее бытие состоит в [том, чтобы иметь дело] с ним. Ни одно же искусство и ни одна наука не гибнут вместе с ними, как и землемерие; так что ясно, что она [имеет дело]

не с этими [чувственными вещами] и не о них, которые суть чувственные и гибнущие [вещи], но с общим, которое вечно. Ибо всякая наука [имеет дело] с общим, которое не есть чувственное; и если кто-то пользуется чувственными [вещами] в науках и искусствах, то они [уже] не [имеют дела] с ними; но общее и такие [вещи] занимаются чувственными [вещами] не поскольку они суть эти вот [вещи], но поскольку они таковы и причастны общему. Так что если и землемерие не [имеет дела] с чувственными величинами, то геометрия не отличалась бы от него тем, что она [имеет дело] с теми [чувственными вещами]; ибо и то [землемерие] [имеет дело] с такими [вещами]. По тому же рассуждению и медицина не [имеет дела] с чувственным здоровьем; ибо она гибла бы вместе с гибелью того, с чем она [имеет дело]. Далее он показывает, что и астрономия не говорит о чувственных [вещах] — об этом небе и этих звездах; ибо они негибнущи, и чтобы не уничтожать ту астрономию, которая, как говорится, [имеет дело] с ними, кто-то показывает, что она [имеет дело] не с ними, но через другое показывается их сущность. Ибо она не берет в доказательствах чувственные линии такими, какими их предполагает астроном; ибо ничто из [чувственного] не есть так прямо (вместо астронома он сказал геометра), но какими он говорит, что суть линии, такими астроном пользуется для астрономических доказательств. Подобным образом и ничто чувственное не есть окружность или круглое, какими геометр их определяет; ибо круг линейки

и чувственной плоскости касается не в точке, а математики и астрономы говорят так и о круге, и о сфере, что плоскость касается в точке. По крайней мере, Протагор, пользуясь чувственными [вещами], думал опровергнуть геометров как лгущих, показывая, что ничто из них не таково, каким они его называют, не зная и сам, что их рассуждение не о них, как и у любого другого мастера. Но и их движения неба, и даже самого неба, [движения], совершающиеся по кругу и по спиральям, не таковы, какими их берет астроном; ибо астроном, беря линии — спираль и круг, которые суть длины без ширины, — предполагает, что движения происходят по ним; а в чувственных [вещах] нет длины без ширины. Далее, они принимают звезды как некие точки и занимающие место точек на небе, а точка есть то, что не имеет частей, и ни одна из звезд не такова. Если же ни одно искусство не [имеет дела] с чувственными [вещами], то не было бы у искусств отличия от математических наук в том, что эти [искусства] [имеют дело] с чувственными [вещами], а математические — с некоторыми умопостигаемыми сущностями; для того чтобы показать это, он привел: «есть же некоторые, кто говорит, что существуют и эти так называемые средние между идеями и чувственными [вещами], но, конечно, отдельно от чувственных». Сказав это из-за тех, кто говорит, что математические [вещи] суть сущности сами по себе, отделенные от идей и чувственных [вещей], теперь он переходит к тем, кто говорит, что и математические [вещи] существуют

согласно некоторой свойственной им природе, однако не вне чувственных [вещей], но в них. Это учение отличалось бы от того, которое говорит, что математические [вещи] берутся и мыслятся через отвлечение, — к которому принадлежит и он сам, — тем, что те, приписывая им некоторую собственную природу, иную, чем чувственные [вещи], говорят, что они существуют в чувственных [вещах], не будучи чем-то из них, но, находясь в них, суть иное, чем они; а те, кто берет их через отвлечение, отделив в мысли нечто от чувственных [вещей], оставляют их вместе с отделенным — все чувственное по целому, поскольку те отделенные [свойства] уже не могут сами по себе составлять чувственную природу и не мыслятся как имеющие какое-то существование. Ибо мыслимая в математических [вещах] протяженность вместе с отделенными в мысли страдательными [свойствами] есть чувственная природа; ибо в обоих [случаях] чувственная природа, существуя в реальности, [есть] по природе. Он говорит, что это учение гораздо нелепее того, которое говорит, что они отделены. Ибо, сколько бы ни было нелепостей, следующих из этого учения, которые он теперь отказывается перечислять, он приводит [следующее]: что они [вынуждены] полагать и определение, и идеи в чувственных [вещах]; если же эти [вещи], будучи умопостигаемыми сущностями сами по себе, находятся в чувственных [вещах], то почему же и идеи, сколько их есть или сами [суть] некие умопостигаемые сущности, не будут находиться в чувственных [вещах]? Ибо

нужно некое объяснение, почему эти [математические вещи] и равные [им] могли бы быть в чувственных [вещах], а те — уже нет. Что многое следует из этого учения, он сказал и во второй [книге], и напомнил в первой, большей книге А, говоря об учении Евдокса, и скажет в книге N этого учения. Далее, два тела будут находиться в одном и том же месте — математическое (ибо есть и математическое тело, которым занимается стереометрия) и чувственное, если то [математическое] будет в этом [чувственном]. И будет тело сквозь тело, так что два [тела в одном месте], если каждое из них, существуя по своей собственной природе, будет находиться одно в другом. Далее, и математические [вещи] не будут неподвижны, если они находятся в чувственных [вещах]; ибо при движении тех [чувственных] необходимо движутся и находящиеся в них [математические вещи], и движутся не как привходящие [свойства], но как сами находящиеся в месте; ибо если они суть величины и имеют протяжение, они будут двигаться подобно телам, движимым насильственно и чем-то, а не по собственной тяжести. Вообще, ради чего нужно говорить, что они существуют, и существуют в чувственных [вещах]? Ибо они, по-видимому, не приносят никакой пользы, даже если существуют сами по себе. Но, помимо этих предварительно сказанных нелепостей, и все, что следовало для тех, кто делает их отделенными, последует и для этих; ибо будет некое иное небо по их [учению] помимо чувственного неба, подобным образом и солнце, и каждая из звезд,

только не существующие сами по себе, но в этих самых [чувственных вещах] — солнце в солнце, и луна в луне, и небо в небе; и помимо той нелепости, если прибавить и это, [окажется], что два тела находятся в одном и том же месте.

Глава XXIII. О том, являются ли роды или элементы началами (Книга В, Глава 3)

(В 3. 998a – b)

Древнегреческий текст: Ὡς ποῖά τε οὖν τῶν προειρημένων τούτων πάντων ἀπορίαν φησὶν οὐ τὴν τυχοῦσαν εἶναι, πῶς θέμενός τις αὐτὰ τάληθοῦς ἐπιτεύξεται, καὶ ἔτι περὶ ὧν προστίθῃσι τὸ «περὶ τῶν ἀρχῶν πότερον δεῖ τὰ γένη στοιχεῖα καὶ ἀρχὰς ὑπολαμβάνειν ἢ μᾶλλον ἐξ ὧν ἐνυπαρχόντων ἐστὶν ἕκαστον πρῶτον.» καὶ περὶ ταύτης τῆς ἀπορίας προείρηκε καὶ ἐν τῇ τῶν ἀποριῶν ἐκθέσει, ἔστι δέ, πότερον εἰ ἀρχὰς καὶ πρῶτα τῶν ὄντων τὰ γένη καὶ τὰ κοινὰ τίθεσθαι, ἢ τὰ στοιχεῖα ἐξ ὧν συνέστηκε τὰ ὄντα πρῶτων καὶ εἰς ἃ ἔσχατα ἀναλύεται. βουλόμενος σημῆναι ἔδειξεν ἐπὶ τῶν φωνῶν· αἱ γὰρ φωναὶ ἐκ τῶν στοιχείων σύγκεινται, ἀλλ' οὐ τῆς κοινῆς φωνῆς, ὃ εἴη ἂν γένος τῶν φωνῶν. ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῶν διαγραμμάτων οὐ τὸ κοινὸν στοιχεῖον, ἀλλὰ τὰ ἐνυπάρχοντα ἐν ταῖς ἀποδείξεσι χρώμεθα εἰς παντὸς ἀποδείξιν θεωρήματος, ὡς λέγομεν τὰ Εὐκλείδου στοιχεῖα· διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ τοιαῦτα στοιχεῖα λέγεται, ὅτι δι' ὧν ταῦτα ἀποδείκνυται πρὸς τὰς πάντων τῶν θεωρημάτωνδείξεις ἐστὶν ἡμῖν χρήσιμα ἐνυπάρχοντα ἐν πᾶσι. καὶ ἐν αὐτοῖς δὲ τούτοις τὰ πρῶτα τῶν δευτέρων

στοιχεῖα, ὅτι ταῖς τούτων ἀποδείξεισι πρὸς τὰ δεύτερα χρώμεθα. παρατίθεται δὲ καὶ τῶν φυσικῶν τοὺς ἢ πλείω τὰ πρῶτα σώματα ὑποθεμένους ἢ ἓν, καὶ δείκνυσιν ὅτι οὗτοι, ἃς ἀρχὰς τῶν ὄντων ἔλεγον, ἐνυπάρχειν ταύτας τοῖς ἄλλοις ἡξίου καὶ ἐξ αὐτῶν ἐκεῖνα εἶναι. Ἐμπεδοκλῆς τε γὰρ καὶ τὰ τέσσαρα σώματα στοιχεῖα τῶν ὄντων ὑποθέμενος οὐχ ὥς γένη αὐτὰ ἔλεγεν ἀρχάς, ἀλλ' ὥς ἐνυπάρχοντα τοῖς ἐξ αὐτῶν τὴν γένεσιν ἔχουσιν· ὁμοίως καὶ τῶν ἄλλων φυσικῶν ἕκαστος τῶν σωματικῇ τὴν ἀρχὴν ὑποθεμένων. πρὸς τούτοις δείκνυσιν ὅτι τὸ ὥς ἐνυπάρχον καὶ στοιχεῖον καὶ οὐχὶ καὶ γένος ἐστὶν ἀρχὴ καὶ ἀπὸ τῶν τεχνητῶν· καὶ γὰρ κλίνης καὶ ἐκάστου τῶν τοιούτων τοῖς βουλομένοις τίς ἢ φύσις ἐκάστου αὐτῶν ἰδεῖν, ἢ γνῶσις ἐξ ὧν συνέστηκε μορίων γίγνεται. ἀρχαὶ γὰρ ἐκάστων αὐτῶν τὰ ἐξ ὧν συνέστηκεν· ἐκ γὰρ τοῦ γνωρίσαι τὰς ἀρχὰς γνώριμον καὶ τὸ ἐκ τῶν ἀρχῶν γίγνεται, τούτων δὲ ἕκαστον γνωρίζεται ὅταν τὰ ἐξ ὧν σύγκεται καὶ ὁ τρόπος τῆς συνθέσεως φανερὸς γένηται, ὥστε καὶ αἱ τούτων ἀρχαί. ἐπαγωγικώτατα δὲ δείξας τῇ ἐπαγωγῇ τὰ ἐνυπάρχοντα ἀρχὰς ὄντα, οὐ τὰ κοινὰ καὶ τὰ γένη, ἐξῆς ὅτι δόξει εὐλογον εἶναι τὰ γένη λέγειν πάλιν ἀρχὰς ἐπιχειρεῖ.

Русский перевод: «Итак, каковы же из всего предвари-тельно сказанного». Он говорит, что не малозначительное затруднение составляет то, как кто-либо, полагая их, достигнет истины, и еще относительно того, что он прибавляет: «относительно начал — следует ли считать роды элементами

и началами, или скорее то, из чего, как из присущего, состоит первично каждое [сущее]». И об этом затруднении он сказал предварительно и в перечислении затруднений; оно таково: следует ли полагать началами и первичными [вещами] сущего роды и общее, или же элементы, из которых состоят сущие [вещи] как из первичных и в которые они в конечном счете разлагаются. Желая показать [это], он указал на звуки; ибо звуки состоят из элементов, но не из общего звука, который был бы родом звуков. Но и в геометрических чертежах мы пользуемся не общим элементом, но тем, что содержится в доказательствах, для доказательства всякой теоремы, как мы говорим «Элементы» Евклида; ибо поэтому такие [книги] называются элементами, что то, через что доказывается это, полезно нам для доказательств всех теорем, как содержащееся во всех [теоремах]. И в самих же этих [теоремах] первые [положения] суть элементы вторых, потому что их доказательствами мы пользуемся для вторых. Он приводит и примеры физиков, которые полагали либо много первичных тел, либо одно, и показывает, что они считали, что те [начала], которые они называли началами сущего, должны присутствовать в других [вещах] и что те [вещи] происходят из них. Ибо и Эмпедокл, полагая четыре тела элементами сущего, говорил, что они суть начала не как роды, но как присутствующие в том, что происходит из них; подобным образом и каждый из других физиков, полагавших телесное начало. Кроме того, он показывает, что как присутствующее и

элемент, а не род, есть начало и в искусственных [вещах]; ибо и для кровати, и для каждого из таких [предметов] для тех, кто хочет видеть природу каждого из них, знание возникает из того, из каких частей они состоят. Ибо начала каждого из них суть то, из чего они состоят; ибо из знания начал становится известным и то, что из начал, а каждое из них познается, когда становится ясным, из чего оно состоит и каков способ соединения; так что и начала их [становятся известны]. Показав же самым индуктивным образом через индукцию, что присутствующее [в вещах] суть начала, а не общее и роды, далее он пытается показать, что, по-видимому, разумно снова говорить, что роды суть начала.

(В 3. 998b)

Древнегреческий текст: Καὶ ἐστὶν. ἡ ἐπιχείρησις δυνάμει τοιαύτη ἐστίν. ἐξ ὧν ἕκαστον γνωρίζομεν, ταῦτα ἐκείνων ἀρχαί (κεῖται γὰρ καὶ ὅτι ἐκ τοῦ τὰ αἷτια καὶ τὰ στοιχεῖά τινων εἰδέναι καὶ τὰς ἀρχὰς γίγνεται τὸ αὐτὰ εἰδέναι), ἐκ δὲ τῶν ὁρισμῶν γνωρίζομεν ἕκαστον τῶν ὄντων, οἱ ὁρισμοὶ ἄρα ἀρχαί· ἀρχὴ δὲ τῶν ὁρισμῶν ἡ τοῦ γένους λῆψις, ὥστε τὸ γένος ἀρχή. δύνανται δὲ γένη καὶ αἱ διαφοραὶ λέγεσθαι, ὡς ἐν τοῖς Τοπικοῖς εἶπεν, ὡς εἶναι τὸ λεγόμενον, ὅτι εἰ τῶν ὁρισμῶν ἀρχὴ ἡ τοῦ γένους λῆψις, δύνανται τὰ γένη ἀρχαὶ εἶναι, ἅπερ ἐστὶ τὸ γένος καὶ αἱ διαφοραί· ἐκ γὰρ καὶ τούτων οἱ ὁρισμοὶ σύγκεινται· ὥστε τὰ γένη ἀρχαί· οἱ γὰρ ὁρισμοὶ τῶν ὁριστῶν, τούτων δὲ τὰ γένη.

B3. 998β. εἰ ἔστι τῶν ὄντων λαβεῖν ἐπιστήμην τὸ τῶν

εἰδῶν λαβεῖν. ἡ ἐπιχείρησις τοιαύτη. κατὰ γὰρ τὰ εἶδη ἡ ἐπιστήμη καὶ ἡ γνῶσις τῶν ὄντων γίγνεται· οὐ γὰρ ἔστι τῶν καθ' ἕκαστα ἐπιστήμη· καὶ οἱ ὀρίσμοι αὐτῶν κατὰ τὰ εἶδη. εἰ δ' ἐκ τῆς τούτων γνώσεως ἡ τῶν ὄντων γνῶσις ἥρτηται, τὰ εἶδη ἂν εἶεν ἀρχαὶ τῶν καθ' ἕκαστα, καθ' ἃ εἶδη ἔστιν ἐκάστοις τοῖσδέ τισιν εἶναι. ἀλλὰ μὴν τῶν εἰδῶν ἀρχαὶ τὰ γένη· ἐκ γὰρ καὶ τῆς τούτων διαιρέσεως τὰ εἶδη, καὶ οἱ τῶν εἰδῶν ὀρίσμοι διὰ τῶν γενῶν· καὶ τῶν ὄντων ἄρα ἀρχαὶ πάντων τὰ γένη. ἢ κατὰ τὰ εἶδη καὶ ἡ γνῶσις ἐκάστου· καὶ γὰρ καὶ ταῦτα εἶναι ἐκάστω, μὴ μέντοι κατὰ εἶδος καὶ ὥς ἐκ γένους διηρημένον, ἀλλὰ τὸ εἶδος τὸ ἀντιδιαιρούμενον τῇ ὕλῃ· ὁ δὲ λαβὼν τὸ εἶδος τοῦτο ἐπὶ τὸ ἐκ γένους μετῆλθε.

Русский перевод: «И есть». Доказательство в возможности таково. То, из чего мы познаем каждое [сущее], есть начала его (ибо установлено, что из знания причин и элементов чего-то происходит знание самих [вещей]), а из определений мы познаем каждое из сущего; значит, определения суть начала; начало же определений — взятие рода; так что род есть начало. Можно называть родами и различия, как он сказал в "Топике", так что сказанное [означает]: если начало определений есть взятие рода, то роды могут быть началами, а именно род и различия; ибо из них состоят определения; так что роды суть начала; ибо определения [даются] для определяемого, а для них — роды.

«Если можно получить науку о сущем, то [можно] через взятие видов». Доказательство таково. Ибо согласно видам

возникает наука и знание о сущем; ибо нет науки о единичных [вещах]; и определения их [даются] согласно видам. Если же знание о сущем зависит от знания их, то виды были бы началами единичных [вещей], согласно которым каждым из этих вот [вещей] свойственно быть. Но, конечно, начала видов суть роды; ибо через деление их [возникают] виды, и определения видов [даются] через роды; значит, и начала всех сущих [вещей] суть роды. Или [знание] каждого [сущего] [дается] согласно видам; ибо и они суть бытие для каждого, но не как вид, разделенный из рода, но вид, противопоставляемый материи; а тот, кто принял этот вид, перешел к [виду] из рода.

(В 3. 998b)

Древнегреческий текст: Φαίνονται χρῆσθαι. πρὸς τὸ εὐλόγως ἂν δόξαι τὰ γένη τὰς τῶν ὄντων ἀρχὰς εἶναι, νῦν συνίστησι τὴν δόξαν καὶ ἐκ τῶν χρησαμένων ταῖς αὐταῖς ἀρχαῖς. οἱ γὰρ τὸ ἓν καὶ τὸ ὄν καὶ τὸ μέγα καὶ τὸ μικρὸν ἀρχὰς ὑποθέμενοι τῶν ὄντων ὡς γένη ταῦτα τῶν ὄντων ἀρχὰς ὑπέθεντο. εἴη δ' ἂν ἡ δόξα Πλάτωνος· οὗτος γὰρ ἓν, ὃ κυρίως ὄν ἔλεγε, καὶ τὴν ἀόριστον δυάδα, ἣν μέγα καὶ μικρὸν ὠνόμαζεν, ἀρχὰς ὑπέθετο. ὡς γένη δὲ ταῦτα ὑπελάμβανε τῶν ὄντων, ὅτι καθ' ἕκαστα τῶν ὄντων καὶ τὸ ἓν ἑώρα κατηγορούμενον καὶ τὴν ἀνισότητα. καθ' ὅσον μὲν γὰρ καὶ τότε τί ἐστὶν ἕκαστον τῶν ὄντων, τοιοῦτον δὲ κατὰ τὸ εἶδος, τὸ ἓν αὐτοῦ τὸ ἓν κατηγορεῖται· καθ' ὅσον δὲ ἐν ῥύσει συνεχεῖ καὶ μεταβολῇ ἑώρα τὸ ὑποκείμενον, κατὰ τοῦτο τὸ

μέγα καὶ τὸ μικρόν. κοινὰ ἄρα καὶ τὰ γένη ταῦτα, καὶ ὡς γένη τὰ ἀνωτάτω ἀρχαὶ κατ' αὐτόν.

Русский перевод: «Они, по-видимому, пользуются». Для того чтобы показать, что разумно было бы считать роды началами сущего, он теперь подтверждает это учение и [ссылкой] на тех, кто пользовался теми же началами. Ибо те, кто положил единое, сущее, великое и малое началами сущего, как родами, положили их началами сущего. Это было бы учением Платона; ибо он положил единое, которое он называл собственно сущим, и неопределенную двоицу, которую он называл великим и малым, началами. И он считал их родами сущего, потому что в каждом из сущего он видел, что и единое сказывается, и неравенство. Поскольку каждое из сущего есть нечто определенное, а таково оно по виду, то единое сказывается о нем как единое; поскольку же он видел субстрат в непрерывном течении и изменении, постольку — великое и малое. Итак, и эти роды суть общие, и как высшие роды они суть начала по его [учению].

(В 3. 998b)

Древнегреческий текст: Ἀλλὰ ἀρχάς. ἐπιχειρήσας ἢ πρὸς τὸ τὰ στοιχεῖα εὐλογώτερον ἂν ἀρχὰς εἶναι τοῦ γένους, καὶ πάλιν πρὸς τὸ τὸ γένος καὶ μᾶλλον ἢ τὰ στοιχεῖα, νῦν ἔτι μηδὲ ἀμφοτέρω οἷόν τε λέγειν ἀρχὰς τῶν ὄντων καὶ τὰ γένη καὶ τὰ στοιχεῖα ἐπιχειρεῖ. ἢ δὲ ἐπιχείρησις τοιαύτη. λαμβάνει τὸν ὀρισμὸν ἓνα τῆς οὐσίας ἐκάστου δηλωτικὸν ἓνα εἶναι δεδειγμένον ἐν τοῖς Ὑστέροις

Ἀναλυτικοῖς (ἐκάστῳ γὰρ καὶ τῶν ὄντων τὸ εἶναι ἓν ἐστὶν ὃ ἐστὶν, οὗ ὁ κυρίως ὁρισμὸς δηλωτικός), ἀλλὰ καὶ ἐκ τῶν ἀρχῶν δὲ ὁ ὁρισμὸς· τούτων κειμένων λαμβάνει τὸ εἶναι ἀρχὰς τῶν ὄντων καὶ τὰ γένη καὶ τὰ στοιχεῖα, καὶ φησιν, εἰ ἐκ τῶν ἀρχῶν ἐκάστου ὁ ὁρισμὸς, ἄλλος ἔσται ὁ ὁρισμὸς ὁ διὰ τῶν γενῶν (γένη δέ, ὡς ἔφαμεν, καὶ τὰς διαφορὰς λέγει) καὶ ἄλλος ὁ διὰ τῶν στοιχείων· ὥστε εἰ ἐκ μὲν τῶν ἀρχῶν ὁ ὁρισμὸς, ἄλλος δὲ ὁ ἐξ ἐκείνων καὶ ἄλλος ὁ ἐκ τούτων, πλείους ὁρισμοὶ τοῦ αὐτοῦ ἔσσονται. ἀλλὰ μὴν οὐ πλείους, εἷς γὰρ καὶ ἐκάστου ὁρισμὸς· οὐκ ἄρα ἀμφότερα στοιχεῖα.

Русский перевод: «Но начала». Попытавшись [показать], что элементы были бы более разумными началами, чем род, и опять [показать], что род [был бы началом] скорее, чем элементы, теперь он пытается показать, что нельзя говорить, что и роды, и элементы суть начала сущего. Доказательство же таково. Он принимает, что определение сущности каждого, указывающее на нее, есть одно, как доказано во "Второй аналитике" (ибо для каждого из сущего бытие есть одно — то, что оно есть, о чем собственно определение и указывает), но и определение [дается] из начал; приняв это, он принимает, что роды и элементы суть начала сущего, и говорит: если определение каждого [дается] из начал, то будет одно определение через роды (а родами, как мы сказали, он называет и различия) и другое через элементы; так что если определение [дается] из начал, то одно — из тех [начал], а другое — из этих, и будет много определений одного

и того же. Но, конечно, не много, ибо для каждого [есть] одно определение; значит, не оба [рода и элементы] суть элементы [начала].

(В 3. 998b)

Древнегреческий текст: πρὸς ἀρχὰς ἀπορία καὶ αὕτη τῶν προειρημένων· ἔστι δὲ τοιαύτη. δοθείη συγχωρηθείη τὰ γένη ἀρχὰς εἶναι, ζητῆσαι, φησίν, ἄξιον πότερον τὰ ἀνωτάτω γένη χρή τίθεσθαι ἀρχὰς τὰ κοινότατα, ἢ τὰ ἔσχατα καὶ προσεχῇ τοῖς καθ' ἕκαστα, ἄτομα εἶδη καλεῖ· γένη γὰρ καὶ τὰ εἶδη νῦν λέγει. εἰ γὰρ καὶ ἀεὶ τὰ καθόλου τῶν μὴ ὁμοίως καθόλου μᾶλλον ἀρχαί, διὰ καὶ τὴν ἀρχὴν κεχωρισμένην καθόλου εἶναι, τὰ ἀνωτάτω ἂν γένη καὶ τὰ κοινότατα εἶεν ἀρχαί· οὕτως τε τὰ ἀνωτάτω γένη τῶν ὄντων ἀρχαί ἂν εἶεν, καὶ τοσαῦται αἱ ἀρχαὶ ἔσονται ὅσα ἐστὶ τὰ γένη τὰ πρῶτα. λαβὼν δὲ τοῦτο ἐπιφέρει «ὥστε ἔσται τό τε ἓν καὶ τὸ ὄν ἀρχαὶ καὶ οὐσίαι· ταῦτα γὰρ καὶ μάλιστα λέγεται κατὰ πάντων.» εἰ γὰρ καὶ εἰ ταῦτα κατὰ πάντων τῶν ὄντων κατηγορούμενα ὡς γένη, ταῦτα ἂν ἀρχαὶ καὶ αἷτια τῶν ὄντων εἴη· τοῦτο γὰρ καὶ σημαίνει τὸ οὐσία. εἰπὼν δὲ ταῦτα καὶ ἀναγαγὼν ἐπὶ τοῦτον τὸν λόγον τό, εἰ τὰ γενικώτατα καὶ κοινότατα ἀρχαί, τὸ ὄν καὶ τὸ ἓν ἔσονται ἀπάντων τῶν ὄντων ἀρχαί, ἐπεὶ κοινότατα ταῦτα, ἐξῆς ἐπιχειρεῖ καὶ δείκνυσιν ὅτι τὸ ὄν καὶ τὸ ἓν οὐκ ἔστι τῶν ὄντων γένη, εἰ δὲ μὴ γένη δῆλον ὡς οὐδὲ ἀρχαί. οὕτως γὰρ καὶ οὐδ' ἂν εἴη ἡ αὐτὴ ἀρχὴ τῶν πάντων, εἰ μὴ ἔστι τι κοινὸν γένος αὐτῶν, εἰ τὸ γένος ἀρχή· κεῖνται γὰρ ἀρχαὶ τὰ γένη εἶναι, καὶ τούτων

τὰ κοινότατα. ὥς δὲ δοκοῦν τισὶν οὕτως ἀντιλέγει πρὸς τὴν δόξαν, καὶ εἴρηκέ γε πρὸ ὀλίγου περὶ αὐτῆς. ὅτι οὖν μὴ γένη τὸ ὄν καὶ τὸ ἔν, οὕτω δείκνυσι. πᾶσα διαφορὰ γένους διαιρετική καὶ οὕσα καὶ ἓν ἐστίν, ὥστε καὶ αἱ τοῦ ὄντος διαφοραί, εἰ γένη ταῦτα, καὶ ἓν ἐκάστη αὐτῶν καὶ ὄν ἔσται. ἀλλὰ εἰ τὸ ὄν καὶ ἓν ἐν ἐκάστη τοῦ ὄντος διαφορᾷ, γένους ὄντος τοῦ ὄντος τοῦ ἐνός, κατηγοροῖτο ἂν τῶν οἰκείων διαφορῶν τὰ γένη. τοῦτο δὲ ἀδύνατόν φησιν εἶναι· καθόλου γὰρ οὔτε τὸ εἶδος τὸ ὥς γένους ὄν εἶδος (πολλαχῶς γὰρ τὸ εἶδος, ὥς εἴρηται πρὸ ὀλίγου) τῆς οἰκείας κατηγορεῖται διαφορᾶς, εἰ καθ' αὐτὴν ἢ διαφορὰ λαμβάνοιτο· ἢ γὰρ διαφορὰ ἐπὶ πλεόν κατηγορεῖται τοῦ εἶδους, ὥς λογικὸν τοῦ ἀνθρώπου ἢ θνητόν, τὸ δ' ἐπ' ἕλαττον λεγόμενον τὸ ἐπὶ πλεόν λεγόμενον οὐχ οἷόν τε ἀληθῶς κατηγορεῖσθαι. καὶ διὰ τοῦτο γὰρ εἶπε «τῶν οἰκείων διαφορῶν,» ἴσον λέγων τῷ ὑφ' ὧν εἰδοποιεῖται. ἔτι γὰρ τὸ εἶδος συναμφοτέρον τι, ἢ δὲ διαφορὰ μέρος τοῦ συναμφοτέρου. ἔτι μόνιον ἐστίν ἢ διαφορὰ τοῦ εἶδους, καθ' ὅσον τῶν ἐν τῷ ὀριστικῷ λόγῳ παραλαμβανομένων ἕκαστον μόνιον ἐστίν ἐκείνου ὃ συμπληροῖ τὴν οὐσίαν, καὶ μόνιον ἀνομοιομερές· οὐ ταῦτόν γὰρ ὃ γένος σημαίνει ἐν τῷ ὀρισμῷ ἐκάστη τῶν διαφορῶν, τὸ δὲ τοιοῦτον ὅλον οὐ κατηγορεῖται τῶν αὐτοῦ μερῶν. ὥστε οὐδετέρως καὶ εἶδος τῆς οἰκείας κατηγορεῖται διαφορᾶς· εἰ γὰρ καὶ γένος οὐχ οὕτως ἔχει μέρη τὰ εἶδη· καὶ ἐν τῷ τῶν γενῶν ὀρισμῷ τὰ εἶδη. ἀλλ' οὐδὲ τὰ γένη κατηγορεῖται τῶν οἰκείων διαφορῶν, ὅταν αἱ διαφοραὶ χωρὶς τῶν εἰδῶν

λαμβάνονται καὶ μὴ ἐν αὐταῖς τὰ εἶδη περιέχωσι. τὸ γὰρ ζῶον ὅταν λογικοῦ κατηγορῇται, τοῦ ζώου λογικοῦ (τοῦτο γὰρ καὶ ἐξακούεται τότε ἐκ τοῦ λογικοῦ) κατηγορεῖται, ἐπεὶ αὐτῆς γε καθ' αὐτὴν τῆς διαφορᾶς ἄνευ τοῦ εἵδους λαμβανομένης οὐ κατηγορεῖται, οἷον τῆς λογικότητος ποιότητες γὰρ τινες αἱ διαφοραί, καθ' ὧν πῶς οἷόν τε τὸ ζῶον οὐσίαν συναμφοτέρων σημαῖνον κατηγορεῖν; ἅτε γὰρ καὶ τὰ γένη τῶν διαφορῶν κατηγορεῖται. εἰ δὲ τοῦτο, αἱ τοῦ ὄντος καὶ ἐνὸς διαφοραί, εἰ γένη ταῦτα, οὔτε ὄντα οὔτε ἐκάστη αὐτῶν ἐν ἔστι, τουτέστιν οὐδεμία διαφορὰ οὔτε ἐν οὔτε ὄν ἔσται, πᾶσαι τοῦναντίον οὔσαι· ὅπερ ἄτοπον. ὥστε οὐδὲ γένη ταῦτα. εἰ δὲ μὴ γένη, οὐδὲ ἀρχαί, εἰ τὰ γένη ἀρχαί. σημαίνει δὲ τὸ «καὶ ἀδύνατον δὲ κατηγορεῖσθαι ἢ τὰ εἶδη ἢ τὸ γένος ἐπὶ τῶν οἰκείων διαφορῶν,» τουτέστι τῶν ἰδίων διαφορῶν· τὸ δὲ καὶ γένος ἄνευ τῶν εἰδῶν ἦτοι ἴσον ἔστι τῷ ἢ γένος ἄλλου τινὸς χωρὶς τῶν αὐτοῦ εἰδῶν κατηγορεῖται, ἢ καὶ γένος τῶν διαφορῶν κατηγορεῖται, μὴ λαμβανομένων τῶν διαφορῶν ὡς εἰδῶν ἤδη καὶ συναμφοτέρων. δοκεῖ δέ μοι ἢ ἐπιχείρησις λογικώτερα εἶναι, ὥσπερ οὖν καὶ αἱ πλεῖσται τῶν λεγομένων ὑπ' αὐτοῦ τὰς γὰρ διαφορὰς ὑπὸ τί ἂν τάξαιμεν γένος; δεῖ γὰρ ἔκ τινος γένους αὐτὰς εἶναι, εἴγε τῶν ὄντων καὶ αὐταὶ καὶ τῶν ἐκείνου τοῦ γένους διαφορῶν οὐ λεχθὲν γένος κατηγορεῖσθαι ἀνάγκη. ἢ οὐχ ἔξουσιν γένος αἱ διαφοραί, ἢ ἔσσονται ὑπὸ τὸ γένος ὃ διαιροῦσιν. εἰ γὰρ καὶ αἱ διαφοραί ὑπὸ τὴν ποιότητα πᾶσαι, αἱ τῆς ποιότητος αὐτῆς διαφοραὶ δῆλον ὅτι ὑπὸ τὴν

ποιότητα ἂν εἶεν. οὕτως γὰρ πᾶν κατηγοροῖτο τὸ γένος τῶν οἰκείων διαφορῶν· ὃ γὰρ καὶ τὰς ἄλλας διαφορὰς ποιότητος λέγειν, τὰς δὲ τῆς ποιότητος μηκέτι, ἀλλὰ ὑπὸ ἄλλο τι γένος αὐτὰς τιθέναι, πλασματῶδες τε καὶ ἄτοπον. μή ποτε οὖν αἱ ἐν ἐκάστω γένει διαφοραὶ ἐν τῷ αὐτῷ γένει εἰσὶ, τουτέστιν ἐν τῇ αὐτῇ κατηγορίᾳ· καὶ γὰρ εἰ καὶ μὴ τὸ προσεχές τινων γένος κατηγοροῖτο τῆς διαφορᾶς τῷ ἤδη συναμφοτέρων τι τοῦτο εἶναι, ὃ ἐπὶ τῶν οὐσιῶν μόνων γίγνεται (ἐκ γὰρ καὶ ταύτης ἐστὶ τις ἢ συναμφοτέρος οὐσία, ἣν οὐχ οἷόν τε τῆς ἀπλῶς διαφορᾶς κατηγορεῖσθαι τὸ γένος), ἀλλὰ τό γε ἄνωτέρω ἂν κατηγοροῖτο τὸ ὄν κοινότερόν τε καὶ ἀπλούστερον· ἢ γὰρ καὶ οὐσία κοινὸν καὶ ἀπλῶν καὶ συνθέτων οὐσιῶν. εἰ οὖν καὶ τὸ ζῶον σύνθετός τις εἴη καὶ συναμφοτέρος οὐσία, καὶ διὰ τοῦτο τῆς διαφορᾶς καθ' αὐτὴν λαμβανομένης οὐ κατηγορεῖται, ἀλλ' ἢ οὐσία αὐτῆς κατηγορηθήσεται· ὃ εἰ καὶ ἡ οὐσία αὐτῆς τῆς τὸ ζῶον διαιρούσης διαφορᾶς κατηγορεῖται, ἤδη δέδεικται τὸ διαιρούμενον γένος ὑπὸ τῆς διαφορᾶς κατηγορούμενον αὐτῆς· τοιοῦτον δὴ ἦν καὶ τὸ λεγόμενον. ἀλλ' εἰ καὶ τοῦτο ἐπὶ τινων ἀληθές, ἀλλ' οὐκ ἀδύνατον γένος τι τῆς διαιρούσης αὐτὸ κατηγορεῖσθαι διαφορᾶς· ἥτις γὰρ ἂν ληφθῇ τῆς οὐσίας διαιρετικὴ διαφορὰ, ἀνάγκη ταύτην οὐσίαν εἶναι. δοκεῖ δὲ τὰ γένη ἰδίᾳ τῶν διαφορῶν κατηγορεῖσθαι διὰ τὰς ὁμωνυμίας· τὸ γὰρ διακριτικὸν καὶ ἐν χρώμασι καὶ ἐν χυμοῖς· ποῖον οὖν αὐτὸ κατηγορηθήσεται; συντεθέντος δὲ αὐτῷ τοῦ οἰκείου γένους εἶδος ἤδη. δείξας δὲ ὅτι τὸ ὄν

καὶ τὸ ἐν οὐ γένη, ἀκολουθῶς ἐπήνεγκε «καὶ ἀλλὰ μὴν εἰ μὴ γένη, οὐδ' ἀρχαὶ ἔσονται, εἴπερ ἀρχαὶ τὰ γένη» ἔτι καὶ τὰ μεταξὺ συλλαμβανόμενα μετὰ τῶν διαφορῶν ἔσται γένη καὶ λέγει νῦν, οὐ πρὸς τὸ εἰ τὰ πρῶτα γένη ἀρχὰς εἶναι ἢ μὴ εἶναι λέγειν δόξα μόνον, ἀλλὰ καὶ πρὸς τὸ μὴ εἶναι τὰ γένη ἀρχὰς· ἄπειροι γὰρ καὶ πολλαὶ ἔσονται αἱ ἀρχαὶ τῶν ὄντων ἐκάτεραι. ἐκάστη γὰρ διαφορὰ τῶν ἐν τῷ ἀτόμῳ εἶδει τῷ γένει συντιθεμένη, οὗ ἔστι διαφορὰ, γένος ποιεῖ. ἕκαστον γὰρ τῶν μεταξὺ γενῶν τοῦ τε πρώτου καὶ τοῦ ἀτόμου εἶδους συντιθέμενον τῇ οἰκείᾳ διαφορᾷ γένος ποιεῖ, εἰ καὶ ἐπὶ τινων μὴ δοκεῖ τῷ μὴ ὠνομάσθαι οἰκείῳ ὀνόματι τὸ γένος ἐκεῖνο· τοῦτο γὰρ σημαίνει τὸ «τὰ μὲν καὶ δοκεῖ τὰ δὲ οὐ δοκεῖ» τὸ καὶ ζῶον πτηνὸν γένος ἐστίν, ὥσπερ τὸ ζῶον, εἰ καὶ μὴ δοκεῖ ὠνομάσθαι. ἢ τὸ «τὰ μὲν δοκεῖ εἶπε, τὰ δὲ οὐ δοκεῖ,» ὅτι, ὡς εἶπεν ἐν τῷ πρώτῳ περὶ Ζῶων, μόνον αἱ στερητικαὶ διαφοραὶ συντιθέμεναι τοῖς γένεσιν οὐ ποιοῦσιν εἶδη οὐδὲ γένη, ὅτι οὐδὲ ὠρισμένον δηλοῦσι. καὶ εἴη ἂν καὶ τοῦτο ὡς ἄτοπον ἐπόμενον τοῖς τὸ ἐν καὶ τὸ ὄν γένος λέγουσιν, ἔπειτα τῇ τοῦ γένους εἰς δύο διαιρέσει τὰ εἶδη καὶ τοὺς ὀρισμοὺς ποιοῦσι. δεῖ γὰρ τὰ μεταξὺ, ἃ γίνονται συντιθεμένων τῶν διαφορῶν τοῖς γένεσι, γένη καὶ τὰ αὐτὰ εἶδη γίνεσθαι· ἐκείνοις δὲ τοῖς εἰς δύο διαιροῦσι τὰ γένη καὶ ἀκολουθεῖ τοῦτο. ἔτι στερήσει ἀναγκάζον διαιρεῖν, ποιεῖ δὲ ἡ στερητικὴ διαφορὰ συντιθεμένη τῷ γένει εἶδος. πολλὰ οὖν τῶν αὐτῶν ἀτόμων ἐστὶ καὶ πολλαὶ ἀρχαί, εἰ τὸ ἐν καὶ τὸ ὄν γένη τε καὶ ἀρχαὶ τῶν ὄντων. τὸ δὲ «μέχρι τῶν

ἀτόμων» λέγοι ἂν τῶν ἐσχάτων εἰδῶν· ταῦτα γὰρ οὐκέτι διαφοραῖς διαιρεῖται. οὐδὲν δὲ οὐδὲν ἦττον κατὰ γε τοῦτον τὸν λόγον αἱ διαφοραὶ ἀρχαὶ ἢ τὰ γένη· ἃ γὰρ καὶ πλειόνων κατηγοροῦνται. εἰ δὴ καὶ αἱ διαφοραὶ ἀρχαί (καὶ γὰρ τὸ γένη τὰ ταῖς διαφοραῖς συλλαμβανόμενα), πολλαὶ καὶ σχεδὸν ἅπειροι ἔσσονται αἱ ἀρχαί, ἄλλως τε καὶ εἰ τὸ ἀνωτάτω τις γένος ὥς ἀρχὴν λαμβάνει· πλείους γὰρ καὶ τοῦ τοιούτου γένους διαφοραί. ὃ δοκεῖ ἄλογον εἶναι· καὶ γὰρ οἱ γένη τιθέμενοι ἀρχὰς, ἐκφυγεῖν οἰόμενοι τὸ πλῆθος τῷ τὸ κοινὸν λαμβάνειν, ἀρχὴν ἐτίθεντο τοῦτο. ὥς δὴ ἀκολουθοῦν τῷ τὸ πρῶτον γένος ἀρχὴν τιθέναι καὶ τᾶλλα γένη τὰ ὑπὸ τὸ πρῶτον ἀρχὰς λέγειν, οὕτως εἶπεν· αἱ γὰρ διαφοραὶ εἰ καὶ ἐπὶ πλεόν λέγονται τῶν εἰδῶν τῶν γιγνομένων ὑπ' αὐτῶν, ἀλλ' οὐ κατηγοροῦνται αὐτῶν ἐν τῷ τί ἐστίν, οὐδὲ ὥς γένη.

Русский перевод: «К началам». И это затруднение [относится] к предварительно сказанным; оно же таково. Если допустить и согласиться, что роды суть начала, то, говорит он, стоит исследовать, следует ли полагать началами высшие роды — самые общие, или последние и ближайшие к единичным [вещам], которые он называет неделимыми видами; ибо родами он называет теперь и виды. Ибо если всегда общее более есть начало, чем не одинаково общее, поскольку и начало есть отделенное общее, то высшие и самые общие роды были бы началами; и таким образом высшие роды сущего были бы началами, и начал будет столько, сколько есть первых родов. Приняв это, он прибавляет: «так что единое

и сущее будут началами и сущностями; ибо они более всего сказываются обо всем». Ибо если они, сказываясь обо всем сущем как роды, то они были бы началами и причинами сущего; ибо это и означает «сущность». Сказав же это и сведя к этому рассуждению то, что если самые родовые и самые общие [вещи] суть начала, то сущее и единое будут началами всего сущего, поскольку они самые общие, — далее он пытается показать, что сущее и единое не суть роды сущего; а если не роды, то, очевидно, не начала. Ибо так и не было бы одного начала всего, если нет некоторого общего рода их, если род есть начало; ибо установлено, что роды суть начала, и из них самые общие. И как кажущееся некоторым, так он возражает против этого учения, и он уже говорил о нем незадолго перед этим. Что же сущее и единое не суть роды, он показывает так. Всякое различие, разделяющее род, будучи [различием], есть единое; так что и различия сущего, если они суть роды, будут каждая из них и единым, и сущим. Но если сущее и единое [присутствуют] в каждом различии сущего, поскольку сущее и единое суть роды, то роды сказывались бы о собственных различиях. Это, говорит он, невозможно; ибо вообще ни вид, будучи видом рода (ибо вид многозначен, как сказано незадолго перед этим), не сказывается о собственном различии, если различие берется само по себе; ибо различие сказывается о большем, чем вид, как «разумное» о человеке или «смертное», а то, что сказывается о меньшем, не может истинно сказываться о том, что

сказывается о большем. И поэтому он сказал «о собственных различиях», что равнозначно «тем, через которые он получает видовое определение». Далее, вид есть нечто составное, а различие есть часть составного. Далее, различие есть часть вида, поскольку каждый из принимаемых в определительном рассуждении [терминов] есть часть того, что восполняет сущность, и часть неоднородная; ибо не одно и то же, что род означает в определении для каждого из различий, и такое целое неказывается о своих частях. Так что никоим образом вид неказывается о собственном различии; ибо если и род не так имеет части — виды; и в определении родов [содержатся] виды. Но и роды неказываются о собственных различиях, когда различия берутся отдельно от видов и не содержат в себе виды. Ибо когда «животное» сказывается о «разумном», оноказывается о «разумном животном» (ибо это и слышится тогда из «разумного»), поскольку о самом различии, взятом без вида, оно неказывается, например, о «разумности»; ибо различия суть некоторые качества, о которых как можно, чтобы «животное», означающее составную сущность, сказывалось? Ибо и роды казываются о различиях. Если же это так, то различия сущего и единого, если они суть роды, не будут ни сущими, ни каждая из них единым, то есть ни одно различие не будет ни единым, ни сущим, но все будут противоположным; что нелепо. Так что и они не суть роды. Если же не роды, то не начала, если роды суть начала. А «и невозможно, чтобы казвались или виды,

или род о собственных различиях» означает «о собственных различиях»; а «и род без видов» — либо равнозначно тому, что род сказывается о чем-то другом без своих видов, либо что и род сказывается о различиях, когда различия не берутся как уже виды и составные [вещи]. Мне кажется, что это рассуждение более логично, как и большинство того, что говорится им: ибо под какой род мы подведем различия? Ибо нужно, чтобы они были из некоторого рода, если они суть сущие и [если] необходимо, чтобы о них сказывался некоторый род различий того рода. Или различия не будут иметь рода, или будут подчинены тому роду, который они делят. Ибо если и все различия подчинены качеству, то различия самого качества, очевидно, были бы под качеством. Ибо так всякий род сказывался бы о собственных различиях; ибо говорить, что другие различия суть качества, а различия качества уже нет, но подводить их под другой род, было бы выдумкой и нелепостью. Может быть, поэтому различия в каждом роде находятся в том же роде, то есть в той же категории; ибо если и ближайший род некоторых [вещей] не сказывается о различии, потому что это уже есть нечто составное, что происходит только в сущностях (ибо из этого [различия] есть некоторая составная сущность, о которой невозможно, чтобы род сказывался как о простом различии), то все же высшее [род] сказывался бы — сущее, как более общее и более простое; ибо и сущность есть общее для простых и составных сущностей. Если же и животное есть некая состав-

ная и составная сущность, и поэтому о различии, взятом самом по себе, оно не сказывается, то о нем будет сказываться сущность; и если сущность сказывается о самом различии, делящем животное, то уже доказано, что делимый род сказывается о своем различии; таково и было сказанное. Но если и это истинно в некоторых [случаях], то все же не невозможно, чтобы некоторый род сказывался о разделяющем его различии; ибо какое бы различие, делящее сущность, ни было взято, необходимо, чтобы оно было сущностью. Кажется же, что роды сказываются о различиях в собственном смысле из-за омонимии; ибо «различительное» [бывает] и в цветах, и во вкусах; так какое же из них будет сказываться? Когда же к нему присоединяется собственный род, оно уже есть вид. Показав, что сущее и единое не суть роды, он сообразно прибавил: «и если не роды, то не будут и началами, если роды суть начала». Далее, и средние [роды], взятые вместе с различиями, будут родами, и он говорит теперь не только о том, следует ли говорить, что первые роды суть начала или нет, но и о том, что роды не суть начала; ибо бесконечны и многочисленны будут начала сущего — и те, и другие. Ибо каждое различие, присоединяемое к роду в неделимом виде, которого оно есть различие, создает род. Ибо каждый из средних родов между первым и неделимым видом, присоединяясь к собственному различию, создает род, даже если в некоторых [случаях] это не кажется [родом] из-за того, что тот род не назван собственным именем; ибо это означает

«одни кажутся, другие не кажутся» — что и «крылатое животное» есть род, как и «животное», если даже не кажется названным [родом]. Или «одни кажутся, другие не кажутся» он сказал потому, что, как он сказал в первой [книге] "О животных", только лишенностные различия, присоединяясь к родам, не создают ни видов, ни родов, потому что не обозначают определенного [вида]. И это было бы нелепостью, следующей для тех, кто говорит, что единое и сущее суть роды, а затем через деление рода на две части создают виды и определения. Ибо нужно, чтобы средние [роды], которые возникают из присоединения различий к родам, становились и родами, и теми же видами; и для тех, кто делит роды надвое, это и следует. Далее, [они вынуждены] делить через лишенность, а лишенностное различие, присоединяясь к роду, создает вид. Так что многих одних и тех же неделимых [вещей] и много начал, если единое и сущее суть роды и начала сущего. А «до неделимых» он говорил бы о последних видах; ибо они уже не делятся на различия. Однако ничуть не менее, согласно этому рассуждению, различия суть начала, чем роды; ибо они сказываются о большем [числе вещей]. Если же и различия суть начала (ибо и роды, взятые вместе с различиями), то начал будет много и почти бесконечно, особенно если кто-то берет высший род как начало; ибо различий такого рода больше. Что кажется неразумным; ибо и те, кто полагает роды началами, думая избежать множественности через взятие общего, полагали это началом. И как [это] сле-

дует из того, что полагают первый род началом, и говорят, что и другие роды, подчиненные первому, суть начала, — так он и сказал; ибо различия, хотя и сказываются о большем, чем виды, происходящие от них, но не сказываются о них в [определении] «что есть», и не как роды.

Глава XXIV. О том, должны ли начала быть общими или единичными, и о трудностях, связанных с этим (Книга В, Глава 4)

(В 4. 999a)

Древнегреческий текст: Ἀλλὰ ἐστίν. ἐπιχειρήσας πρῶτον ὅτι τὰ ἀνωτάτω γένη μᾶλλον ἀρχαὶ τῶν ὄντων, νῦν ὅτι τὰ εἶδη μᾶλλον ἀρχαὶ τῶν γενῶν ἐπιχειρεῖ δεικνύναι. εἰ γὰρ ἀρχῆς ἐπέχει χώραν, ὃ μᾶλλον ἐν μᾶλλον ἂν ἀρχὴ εἴη. ἀλλὰ μὴν τὸ ἐν ἀδιαίρετόν ἐστιν· ὃ γὰρ μὴ διηρημένον ἢ ἀδιαίρετον μᾶλλον ἐν· ἔστι δὲ μᾶλλον ἀδιαίρετον τὸ εἶδος τοῦ γένους, ὥστε καὶ μᾶλλον ἀρχή. ὅτι δὲ μᾶλλον ἀδιαίρετον, οὕτως ἔδειξε. τὸ ἀδιαίρετον ἢ κατ' εἶδος ἢ κατὰ ἀριθμόν· κατ' εἶδος μὲν ἀδιαίρετον καὶ μηκέτι εἰς εἶδος διαιρούμενον, ὅποιά ἐστι τὰ ἄτομα εἶδη, κατὰ δὲ καὶ ποσὸν ἀδιαίρετον ὃ μὴ τῷ ἀριθμῷ διαιρούμενον, οἷον τὸ τῷ ἀριθμῷ καὶ καθ' ἕκαστον· ἕκαστον γὰρ καὶ τούτων ἐν ὃν τῷ ἀριθμῷ οὐκέτι εἰς ποσὰ πολλὰ κατ' ἀριθμὸν ὅμοια αὐτῷ διαιρεῖται· τὸ δὲ κατὰ ποσὸν διαιρεῖσθαι εἰς ἀριθμὸν νῦν λέγει. πρῶτον δὲ τῇ τάξει καὶ τῇ φύσει τῶν ἀδιαιρέτων ἢ τὸ τῷ εἶδει ἀδιαίρετον τοῦ κατὰ καὶ ποσὸν διαιρουμένου καὶ τὸ δὲ

τῷ ποσῷ ἀδιαίρετον. τοῦτο ἔξωθεν ἱστορήσας μετὰ ταῦτα δείκνυσιν ὅτι τὰ γένη εἰς εἶδη διαιρεῖται, τὰ δὲ ἔσχατα εἶδη ἀδιαίρετα κατ' εἶδος, διὸ καὶ μᾶλλον ἀρχαὶ εἶεν τὰ ἔσχατα εἶδη μᾶλλον ὄντα ἓν. εἰπὼν δὲ τὰ γένη διαιρεῖ εἰς εἶδη, ἵνα μὴ τις ἡγῇται ὅ τὰ ἄτομα εἶδη αὐτὸν λέγειν, ὃ μέχρι νῦν ἔλεγεν, ἐπήνεγκε «οὐ γὰρ εἷς ἄνθρωπος τῶν τινῶν,» ὧν κατηγορεῖται, ἀνθρώπων· καὶ εἰς ὧς διαιρεῖ· διαιρεῖ ὁ ἄνθρωπος, ἀλλ' οὐκ εἰς εἶδη (οὐ γὰρ ἔστι γένος), ἀλλ' εἰς ἄτομα μόνον, ὃ δὲ γένος καὶ τὰ εἶδη καὶ κατὰ τὰ ἄτομα διαιρεῖ. ἔτι καὶ τοῦτο ἐπιχειρεῖ πρὸς τὸ ὅτι δεῖ τὰ ἔσχατα γένη, τουτέστι τὰ ἄτομα εἶδη, μᾶλλον ἀρχὰς λέγειν τῶν ἀνωτάτω καὶ κοινοτάτων γενῶν· τὰ γὰρ γένη τὰ τῶν εἰδῶν κατηγορούμενα διὰ τὴν ἀρχὴν ἔστι τι παρὰ ταῦτα.

Русский перевод: «Но есть». Сначала попытавшись доказать, что высшие роды в большей степени суть начала сущего, теперь он пытается показать, что виды в большей степени суть начала, чем роды. Ибо если нечто занимает место начала, то то, что в большей степени едино, в большей степени было бы началом. Но единое неделимо; ибо то, что не разделено или неделимо, в большей степени едино; вид же более неделим, чем род, так что и более начало. Что он более неделим, он показал так. Неделимое бывает или по виду, или по числу; по виду неделимо то, что уже не делится на вид, каковы неделимые виды; а по количеству неделимо то, что не делится по числу, например, единичное по числу; ибо каждое из них, будучи единым по числу, уже не делится на

многие количественные части, подобные ему по числу; а делиться по количеству на число он теперь называет [делимостью]. Первое же по порядку и по природе из неделимых — [то], что неделимо по виду, [по сравнению] с тем, что делится по количеству, и [то], что неделимо по количеству. Изложив это извне, затем он показывает, что роды делятся на виды, а последние виды неделимы по виду, поэтому и последние виды были бы в большей степени началами, поскольку они в большей степени едины. Сказав же, что роды делятся на виды, чтобы кто-то не подумал, что он называет неделимые виды тем, что он до сих пор говорил, он прибавил: «ибо не один человек из тех», о ком сказывается [род] «человек», [т.е. из отдельных людей]; и [род] делится на [виды]; «человек» делится, но не на виды (ибо он не род), но только на неделимые [индивиды]; а род делится и на виды, и на неделимые [индивиды]. Далее, он пытается доказать и это — что следует называть последние роды, то есть неделимые виды, началами в большей степени, чем высшие и самые общие роды; ибо роды, сказываясь о видах, через начало [т.е. через то, что они суть начала] суть нечто помимо них.

(В 4. 999a)

Древнегреческий текст: ὥς οὖν, ἔοικε, τὰ εἶδη ὧν κατηγορεῖ. δείκνυσι δ' αὐτὸ οὕτως. ἐν οἷς τὸ πρότερον καὶ ὕστερόν ἐστι, τὸ ἐπὶ τούτοις κοινῶς κατηγορούμενον ὥς γένος οὐδέν ἐστι παρὰ ταῦτα ἃ κατηγορεῖ. οἷον εἰ ἐπ' ἀριθμῶν πρώτη τῶν ἀριθμῶν δυὰς ἢ τριάς, οὐκ ἔστιν

ἀριθμοῦ τις ἄλλη φύσις παρὰ τούτους τοὺς ἀριθμούς, δυάδα ἢ τριάδα καὶ τὰ ἐξῆς, ὧν ὡς γένος κατηγορεῖται. ὁμοίως περὶ τῶν σχημάτων οὐδέν ἐστι κοινῶς κατηγορούμενον τῶν σχημάτων ὡς σχῆμα παρὰ τρίγωνον καὶ τετράγωνον ἢ τὰ ἄλλα ἀκολουθῶς τούτοις τὴν τάξιν. τοῦτο δὲ λαμβάνει ὡς κἀκείνοις δοκοῦν· οὗτοι γὰρ καὶ ἀρχὰς τῶν ὄντων τὰ ἀνωτάτω ἐτίθεντο γένη, ὡς ἱστόρησε, τὸ ἐν καὶ τὸ ὄν καὶ τὸ μέγα καὶ τὸ μικρόν (εἰσὶ δὲ οὗτοι οἱ περὶ Πλάτωνα)· ἐν οἷς καὶ τὸ πρότερον καὶ ὕστερόν ἐστιν, ἐν τούτοις ἔλεγον μὴ εἶναί τι τὸ κοινὸν παρὰ τὰ ὧν κατηγορεῖται. διὰ τοῦτο γοῦν οὐδὲ ἰδέαν ἔλεγον εἶναι τούτων, ὡς ἱστορεῖ ἐν τε ἄλλοις καὶ ἐν τῷ πρώτῳ τῶν Νικομαχείων Ἠθικῶν. λαβὼν οὖν ἐν τούτοις κατ' αὐτοὺς ἐκείνους μηδὲν εἶναι τὸ κοινὸν παρὰ τὰ ὧν κατηγορεῖται (μήτε ἐν ἀριθμοῖς μήτε ἐν σχήμασι), προστίθωσιν αὐτὸς ὅτι εἰ μὴ ἐπὶ τούτοις ἔστι κοινὸν παρὰ τὰ ὧν κατηγορεῖται. τοῦτο δὲ ἦτοι ὡς πᾶσι τοῖς γένεσιν ὄντος τινὸς προτέρου καὶ ὑστέρου ἢ μέσης τινὸς διαφορᾶς ἐν τε τοῖς αὐτοῖς κατηγορουμένοις καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις γένεσιν, ἀλλ' ὁμοίως τούτων τε καὶ ἐκείνων ὄντων γενῶν. εἰ οὖν ἐν τοῖς μάλιστα δοκοῦσι γένεσιν εἶναι μὴ ἔστι τι τὸ κοινὸν παρὰ τὰ ὧν κατηγορεῖται, οὐδὲ ἐν τοῖς ἄλλοις ἂν εἴη, κἂν εἰ μὴ ἔστιν ἐν αὐτοῖς τὸ πρότερον καὶ ὕστερον. διὰ τοῦτο δὲ μάλιστα δοκοῦσι γένη τε καὶ ἀρχαὶ εἶναι, ὅτι μάλιστα ὄντα ἐδόκουν αὐτοῖς εἶναι οἱ ἀριθμοὶ καὶ τὰ σχήματα, ὧν τὰ γένη μάλιστα εἴη. ἔτι δοκεῖ ἐναργῶς τὸ σχῆμα τῶν σχημάτων ὁ δὲ ἀριθμὸς τῶν ἀριθμῶν ὡς γένος κατηγορεῖσθαι. εἰ οὖν τὸ ἐν τούτοις

κοινὸν μὴ ἀρχή, οὐδ' ἂν τοῖς ἄλλοις. εἰ μηδὲν ἔστι τὸ κοινὸν καὶ γένος παρὰ τὰ εἶδη ὧν κατηγορεῖται, οὐδ' ἂν ἀρχὴ εἴη, ἀλλὰ μᾶλλον τὰ εἶδη τὰ κατὰ τῶν ἀτόμων κατηγορούμενα· ἐν γὰρ καὶ τοῖς ἀτόμοις οὐκ ἔστι πρότερον τὸ δὲ ὕστερον, ὥστε οὐδὲ τὸ κατ' αὐτῶν κατηγορούμενον εἶδος μηδὲν εἶναι δοκεῖν παρὰ τὰ ἅτομα. εἰ δὲ ἐπὶ τῶν σχημάτων καὶ τῶν ἀριθμῶν μὴ ἔστι τὸ σχῆμα, ὁ ἀριθμὸς, τὰ κοινά, ἀρχαί, ἀλλὰ τὸ τρίγωνον καὶ ἡ δυὰς τῶν καθ' ἕκαστα δυάδων, οὕτως ἂν καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ἔχοι, ὥστε εἰ ἐν τὰ ἅτομα εἶδη ἀρχαί, οὐ τὰ κοινὰ γένη. τοῖς δὲ προειρημένοις προστίθῃσι δεικνὺς ὅτι ἐν πᾶσι τοῖς γένεσιν ἔστι τὸ πρότερον καὶ τὸ ὕστερον· ἔστι δὲ καὶ ὁ τοῦ προτέρου τρόπος καὶ τὸ βέλτιον, ὡς ἐν τῇ τοῦ προτέρου διαιρέσει ἐν Κατηγορίαις ἔδειξεν, ἐν πᾶσι δὲ τοῖς γένεσιν ἔστι τὸ βέλτιον καὶ χειρόν τῶν εἰδῶν· ὥστε οὐδὲν τῶν γενῶν ἀρχή, ἀλλὰ μᾶλλον ἴσως τὰ ἅτομα εἶδη ἀρχαί, ὅτι τῶν ὑπ' αὐτὰ ἀτόμων οὐκ ἔστι τὸ μὲν τι πρότερον τὸ δὲ ὕστερον. συνεchrήσατο δὲ πρὸς τὴν ἀπορίαν τῇ τοῦ πρώτου ὁμωνυμία· τῇ γὰρ τοῦ πρώτου ὁμωνυμία χρῆται πρὸς τὸ δεικνύναι μηδὲν ὄν τὸ γένος παρὰ τὰ ὧν κατηγορεῖται. ἐπὶ γοῦν τῶν ζῶων τὸ βέλτιον τὸ δὲ χειρόν. ὁ θεὸς βέλτιον· διὰ τοῦτο καὶ πρῶτον. τῶν ἄλλων πάντων ζῶων ὁ ἄνθρωπος ζῶον βέλτιόν τε καὶ πρῶτον. ἀλλὰ καὶ ἐν χρώμασι τὸ λευκὸν βέλτιον τῶν ἄλλων, ἐν χυμοῖς ὁ γλυκύς. εἰπὼν δὲ ταῦτα ὑπὲρ τοῦ δείξαι τὰ εἶδη μᾶλλον καὶ τὰ ἅτομα γένη ἀρχὰς τῶν κοινῶν γενικωτάτων ἐπιφέρει ἐκ τούτων ἅπαν φαίνεται τὰ ἐπὶ τῶν ἀτόμων κατηγορούμενα ἀρχαί εἶναι τῶν γενῶν. ἐξῆς

δὲ πάλιν ἐπιχειρεῖ πρὸς τὸ μὴ δύνασθαι τὰ ἄτομα εἶδη ἀρχὰς εἶναι. ἡ δὲ ἐπιχείρησις τοιαύτη. δεῖ τὴν ἀρχὴν καὶ τὴν αἰτίαν τινὸς εἶναι παρὰ τὸ πρᾶγμα τοῦτο οὗ ἀρχὴ καὶ αἰτία ἐστὶ, καὶ δύνασθαι χωρὶς ἐκείνου εἶναι ἐστὶν αἰτία. οὐδὲν δὲ δύναται εἶναι καθ' αὐτὸ κεχωρισμένον, ὃ μὴ ἐστὶ καθ' ἕκαστον. εἰ γάρ τις τὰ εἶδη λέγει εἶναι, ὅτι καθόλου πάντων τῶν ὑφ' ἑαυτὰ καὶ τῶν καθ' ἕκαστα κατηγορεῖται, καὶ ἔστιν ἄλλα ἐκάστου αὐτῶν, καὶ διὰ τοῦτο ἀρχὰς αὐτὰ εἶναι, τούτῳ τῷ λόγῳ τὰ ἐπαναβεβηκότα γένη μᾶλλον ἀρχαὶ τῶν εἰδῶν· μᾶλλον γὰρ ἐκεῖνα κοινὰ καὶ πλειόνων κατηγορεῖται. πάνυ δὲ ὀξέως καὶ λογικῶς ἐπικεχείρηκε ταῦτα.

Русский перевод: «Как же, по-видимому, виды [суть начала] того, о чем они сказываются». Он показывает это так. В тех [вещах], где есть первое и последующее, то, что общим образом сказывается о них как род, не есть ничто помимо того, о чем оно сказывается; например, если среди чисел первой [из чисел] является двоица или троица, то нет иной природы числа помимо этих чисел — двоицы, троицы и следующих, о которых [число] сказывается как род. Подобным образом и о фигурах: нет ничего, что общим образом сказывалось бы о фигурах как фигура помимо треугольника, четырехугольника и других, следующих за ними по порядку. Это он принимает как кажущееся и тем [философам]; ибо и они полагали началами сущего высшие роды, как он рассказал, — единое, сущее, великое и малое (а это платоники); в которых есть первое и последующее, в них они гово-

рили, что нет ничего общего помимо того, о чем оно сказывается. Поэтому они и не говорили, что есть идея их, как он рассказывает и в других [местах], и в первой книге "Никомаховой этики". Итак, приняв в них, согласно их [мнению], что нет ничего общего помимо того, о чем оно сказывается (ни в числах, ни в фигурах), он сам прибавляет, что если в них нет общего помимо того, о чем оно сказывается, то это [означает], что-либо во всех родах есть нечто первое и последующее, либо некая средняя разница и в самих сказываемых [вещах], и в других родах, но одинаково как в этих, так и в тех, поскольку они суть роды. Итак, если в том, что в наибольшей степени кажется родами, нет ничего общего помимо того, о чем оно сказывается, то не было бы и в других, даже если в них нет первого и последующего. И поэтому они в наибольшей степени кажутся родами и началами, потому что числа и фигуры казались им наиболее сущими, роды которых были бы в наибольшей степени [родами]. Далее, кажется очевидным, что фигура сказывается о фигурах как род, а число — о числах. Если же общее в них не есть начало, то не было бы и в других. Если нет ничего общего и рода помимо видов, о которых он сказывается, то не было бы и начала, но скорее виды, сказывающиеся о неделимых [индивидах]; ибо и в неделимых [индивидах] нет одного первее, другого позже, так что и сказывающийся о них вид не казался бы ничем помимо неделимых. Если же в фигурах и числах нет фигуры и числа как общего и начала, но треугольник и

двоица [суть начала] отдельных двоиц, то так же было бы и в других [вещах]; так что если неделимые виды суть начала, то не общие роды. К предварительно сказанному он прибавляет, показывая, что во всех родах есть первое и последующее; и есть способ [быть] первым и лучшее, как он показал в делении "первого" в "Категориях"; и во всех родах среди видов есть лучшее и худшее; так что ни один из родов не есть начало, но скорее, возможно, неделимые виды суть начала, потому что среди подчиненных им неделимых [индивидов] нет одного первее, другого позже. Он использовал для этого затруднения омонимию "первого"; ибо омонимией "первого" он пользуется, чтобы показать, что род не есть ничто помимо того, о чем он сказывается. По крайней мере, среди животных одно лучше, другое хуже. Бог — лучшее; поэтому и первое. Из всех других животных человек есть животное лучшее и первое. Но и в цветах белое лучше других, во вкусах — сладкое. Сказав же это для того, чтобы показать, что виды и неделимые [индивиды] в большей степени суть начала, чем общие и самые родовые [вещи], он прибавляет: из этого явствует, что все, сказывающееся о неделимых [индивидах], суть начала родов. Далее, он снова пытается показать, что неделимые виды не могут быть началами. Доказательство же таково. Начало и причина должны быть чем-то помимо той вещи, которой они суть начало и причина, и должны быть в состоянии существовать отдельно от нее. Ничто не может существовать само по себе отдельно, что не

есть единичное [сущее]. Если кто-то говорит, что виды существуют потому, что они общим образом сказываются обо всем подчиненном им и о единичных [вещах], и суть иное, чем каждое из них, и поэтому они суть начала, то по этому рассуждению вышестоящие роды были бы началами в большей степени, чем виды; ибо они более общи и сказываются о большем [числе вещей]. Весьма остро и логично он провел эти доказательства.

Глава XXV. О трудностях, связанных с общим и единичным, и о необходимости вечных начал (Книга В, Глава 4)

(В 4. 999a – b)

Древнегреческий текст: Ὅτι δὲ νῦν χαλεπωτάτην τέ φησιν ἀπορίαν καὶ ἀναγκαιοτάτην εἶναι ἐξευκρινῆσαι πρὸς τὴν γνῶσιν τῶν ἀρχῶν καὶ ὅλως πρὸς τὴν προκειμένην πραγματείαν, ἣ ἥρτηται τῶν εἰρημένων πρὸ ὀλίγου περὶ τε τῶν γενῶν καὶ τῶν εἰδῶν, ἐχομένη δέ ἐστι τῆς προειρημένης, ὅτι ἐν ἐκείνῃ ἐζητοῦμεν πότερον μᾶλλον ἀρχὴ τῶν κοινῶν, τὸ κοινότερον ἢ τὸ προσεχέστερον, ἔπειτα ὅτι εἰ τὴν ἀρχὴν χωριστὴν εἶναι καὶ αὐτὴν καθ' αὐτὴν ὑφεστάναι, ἀνηροῦμεν τὸ εἶναι τι ἐκείνων ἀρχήν, ἐνταῦθα δὲ ζητεῖ εἰ ἔστι τι παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα καὶ τὰ ἄτομα τὸ κοινὸν τοῦτο, ὃ λέγομεν γένος ἢ εἶδος, εἴτε καὶ μή· καὶ τίνα τε ἄτοπα ἔπεται τεθέντος μὴ εἶναι δείκνυσι, καὶ λέγει τις εἶναι, πάλιν τὰ τῇ ὑποθέσει ταύτῃ χαλεπὰ ἐπόμενα ἐρεῖ. εἰ οὖν μηδὲν εἴη παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα, ἀναιρεθήσεται ἐπιστήμη· τὰ γὰρ καθ' ἕκαστα ἄπειρα, τῶν δὲ ἀπείρων ἀδύνατον γνῶσιν καὶ ἐπιστήμην καὶ περίληψιν γενέσθαι· ἣ γὰρ γνῶσις καὶ ἡ ἐπιστήμη τῶν καθ' ἕκαστα γίγνεσθαι δοκεῖ, καθὼς ἐν τι καὶ ταῦτόν ἐστιν ἐν πᾶσιν αὐτοῖς,

καὶ τὸ καθόλου κοινῶς αὐτῶν κατηγορούμενον· ὅπερ εἰ μὴ εἴη, οὐδ' ἂν γινῶσις αὐτῶν δύναιτο γίγνεσθαι. εἰ δὲ ἐστὶν ἐπιστήμη καὶ γινῶσις, ὅλως ἀκολουθήσει καὶ παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα εἶναί τι κοινόν, καθ' ὃ ἡ γινῶσις καὶ ἡ ἐπιστήμη συστήσεται, τοῦτο δὲ ἐστὶ τὸ γένος ἢ τὸ ἔσχατον, ὃ κυρίως εἶδος καλεῖται, ἢ τὸ πρῶτον, ὃ γένος ἐστίν. καὶ ὅτι μηδὲν τούτων ἐστίν, ἄρτι, φησί, διηπορήσαμεν, ἀναπέμπων ἡμᾶς ἐφ' ἃ εἴρηκε ζητῶν εἰ τὸ εἶδος ἀρχή· εἶπε γὰρ τὴν ἀρχὴν δεῖν καὶ τὴν αἰτίαν εἶναι παρὰ τὰ πράγματα ὧν ἀρχή, καὶ δύνασθαι εἶναι χωριζομένην αὐτῶν· τοιοῦτον δὲ τι παρὰ τὰ καθ' ἕκαστον εἶναι διὰ τί ἂν τις ὑπολάβοι. ἀλλὰ καὶ πρὸ ὀλίγου δοκεῖ δεῖχθαι ὅτι τὸ κοινῶς κατηγορούμενόν τινων οὐδέν ἐστὶ παρὰ τὰ ὧν κατηγορεῖται· δείξας δὲ ἐπὶ τῶν σχημάτων καὶ τῶν ἀριθμῶν τοῦτο ὁμολογούμενον, ὅτι ἐν αὐτοῖς ἐστὶ τὸ πρῶτον καὶ τὸ ὕστερον, ἐπήνεγκεν ὅτι εἰ μὴ ἐπὶ τούτων, οὐδὲ ἐπὶ τῶν ἄλλων ἔσται τι τὸ κοινόν παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα· εἰ γὰρ καὶ ἦν, μάλιστα ἐπὶ τούτων ἦν. ἔτι ὕλης· σύνολον λέγει τὸ καθ' ἕκαστον αἰσθητὸν ἢ τὸ συναμφότερον ἐξ ὕλης καὶ εἶδους· τοῦτο μᾶλλον ἔθος αὐτῷ λέγειν τὸ καθ' ἕκαστον καὶ συγκεχυμένον. τὸ δὲ ὅταν κατηγορηθῇ τι τῆς ὕλης ἥτοι δηλωτικόν ἐστὶ τοῦ ὅλου καὶ συνόλου· τότε γὰρ ὅλον τί ἐστίν, ὅταν κατηγορηθῇ τι τῆς ὕλης, τουτέστιν ὅταν ἐν τῇ ὕλῃ ἐπιγένηται· τοῦτο δὲ ἐστὶ εἶδος· εἶδος δὲ ἡ ὕλη λαβοῦσα γίγνεται σῶμα. ἢ τῆς ὕλης τὸ ὑποκείμενον νῦν λέγει, ὃ σύνολον εἶπεν, ὅταν κατηγορήσωμεν αὐτῶν. ὃ δὲ λέγει τοιοῦτόν ἐστιν. εἰ καὶ δοθείη

B4. 999β. εἶναι καὶ καθόλου, τουτέστι τὰ γένη καὶ εἶδη (ταῦτα γὰρ τὰ κατηγορούμενα τῆς ὡς ὕλης οὐσίας, ἥτις ἐστὶν ἡ ἄτομος), παρὰ τὰ ὧν ἐστὶ γένη ἢ εἶδη ἀτόμων, πότερον παρὰ πάντα τὰ ἄτομά ἐστὶ ταῦτα τὰ καθόλου καὶ ἐπὶ πᾶσιν ἀτόμοις, εἴτε φυσικὰ εἴη εἴτε τεχνικά, εἶναι τι τὸ κοινὸν παρ' ἐκεῖνα, ἢ παρὰ ἓνια ἄτομα ἐστὶ τι τὸ κοινόν, παρὰ δὲ ἓνια οὐδέν ἐστὶ κοινόν. εἰπὼν δὲ ταῦτα, ἀπέρηται τῇ ὑποθέσει, ἐξῆς ἐπήνεγκε τὸ «ἢ παρ' οὐδέν ἐστίν,» ἀναιρετικὸν ἐν τῆς ὑποθέσεως. ὁ γὰρ καὶ παρὰ μηδὲν εὐρίσκοιτο τῶν καθ' ἕκαστα δυνάμενον κοινὸν εἶναι, χωριστόν. προθεὶς δὲ ταῦτα, ἄρχεται ἀπὸ τοῦ τελευταίου τοῦ εἰ παρὰ μηδέν, δεικνύει τίνα ἔπεται ἄτοπα, εἰ μηδ' ὅλως εἴη παρὰ μηδέν τῶν καθ' ἕκαστα τὸ κοινὸν οὐδέν καὶ ἴσον καὶ νοητόν, ἀλλὰ πάντα τὰ ὄντα αἰσθητά· τοιοῦτον γὰρ τὸ ὅλον καὶ συναμφοτέρον, παρ' ὃ εἰ μηδὲν ἄλλο. εἰ δὲ μὴ ἐστὶ νοητόν τι, οὐδὲ ἐπιστήμη οὐδενὸς ἔσται· τὰ γὰρ κοινά, ἃ ἐστὶ νοητά, αἰ ἐπιστῆμαι, εἰ μὴ βούλοιτό τις λέγειν τὴν αἰσθησὶν ἐπιστήμην· ἐπιστητὰ γὰρ πάντα τὰ οὕτω γνωστὰ κατὰ τὴν κυρίως ἐπιστήμην λεγομένην. προστίθησι δὲ τούτοις ὅτι οὐδὲ αἰδιδιον οὐδὲ ἀκίνητον· τὰ γὰρ αἰσθητὰ πάντα φθείρεται καὶ ἐν κινήσει ἐστὶ, τουτέστιν ἐν ῥύσει· ἔνδοξον γὰρ ἐπιχειρῶν, καὶ καθ' οὓς ἐδόκει πάντα τὰ αἰσθητὰ γενητὰ εἶναι καὶ φθαρτά. μάλιστα δὲ τοῦτο ἐδόκει Πλάτωνι· καὶ γὰρ ὑπετίθετο ἓνα κόσμον μὴ φθείρεσθαι, ἀλλὰ τῇ γε αὐτοῦ φύσει φθαρτὸν ὄντα ἔλεγεν εἶναι. ἄλλως δὲ καὶ εἶπετο φθαρτὸν αὐτὸν εἶναι, γεννητὸν γε ὄντα, ἐπεὶ

αὐτῷ γε κινεῖσθαι πάντα δοκεῖ τὰ αἰσθητά, μὴ μέντοι καὶ φθαρτὰ εἶναι· καὶ γὰρ κυκλοφορητικὸν σῶμα πᾶν ἀγέννητόν τε καὶ ἄφθαρτον ἡγεῖται. ἀλλὰ νῦν, ὥς ἔφην, κατὰ ἔνδοξον ἐπιχειρεῖ· οἷς γὰρ δοκεῖ πάντα τὰ αἰσθητά ἔνυλα εἶναι καὶ ἐν ῥύσει συνεχεῖ, τούτοις καὶ φθαρτὰ αὐτὰ εἶναι δοκεῖ. λαβὼν δὲ τὸ μηδὲν εἶναι αἰδίον, εἰ μὴ τι εἴη παρὰ τὰ αἰσθητά, ἐπιφέρει τούτῳ ὥς ἀκόλουθον τὸ «ἀλλὰ μὴν εἰ γε αἰδίον οὐδέν ἐστιν, οὐδὲ γένεσιν εἶναι δυνατόν· ἀνάγκη γὰρ εἶναί τι καὶ γινόμενον καὶ ἔξ οὗ γίγνεται, καὶ τούτων τὸ ἔσχατον ἀγέννητον, εἴπερ ἴσταται τε καὶ ἐκ μὴ ὄντος γίγνεσθαι ἀδύνατον,» δεικνὺς ὅτι εἰ μὴ ἐστί τι αἰδίον, οὐδὲ γένεσις ἔσται, εἰ δὲ μὴ γένεσις, οὐδὲ τὰ γενητά, εἰ δὲ μὴ τὰ γενητά, οὐδὲ τὰ ὄντα· ὧ ἀκολουθεῖ τό, εἰ μόνα τὰ αἰσθητά ἐσσι, μηδὲ τὰ αἰσθητά ἔσεσθαι.

Русский перевод: Что теперь он называет труднейшим и необходимым для выяснения в отношении познания начал и вообще предлагаемого учения, которое зависит от предварительно сказанного о родах и видах, и которое следует за предварительно сказанным, — ибо в том [рассуждении] мы исследовали, что в большей степени есть начало общих [вещей] — более общее или более близкое, затем — что если начало должно быть делимым и существовать само по себе, то мы уничтожаем [возможность] того, чтобы нечто из них было началом; здесь же он исследует, есть ли нечто помимо единичных и неделимых [вещей] это общее, которое мы называем родом или видом, или нет; и какие неле-

пости следуют, если [мы] полагаем, что его нет, он показывает, а если кто-то говорит, что оно есть, он снова скажет о трудностях, следующих из этого предположения. Итак, если нет ничего помимо единичных [вещей], то будет уничтожена наука; ибо единичные [вещи] бесконечны, а о бесконечном невозможно иметь знание, науку и охват; ибо знание и наука, как кажется, возникают о единичных [вещах] постольку, поскольку в них есть нечто единое и тождественное, и общее, общим образом сказывающееся о них; если бы этого не было, то не могло бы возникнуть и знания о них. Если же есть наука и знание, то вообще будет следовать, что помимо единичных [вещей] есть нечто общее, согласно чему будет установлено знание и наука; а это есть род или последнее, что в собственном смысле называется видом, или первое, что есть род. И что ничего из этого нет, мы, говорит он, только что поставили под вопрос, отсылая нас к тому, что он сказал, исследуя, есть ли вид начало; ибо он сказал, что начало и причина должны быть помимо тех вещей, которых они суть начало, и должны быть в состоянии существовать отдельно от них; а что нечто такое есть помимо единичных [вещей], почему бы кто-то мог предположить? Но и незадолго перед этим, по-видимому, было показано, что общим образом сказывающееся о некоторых [вещах] не есть ничто помимо того, о чем оно сказывается; показав же на фигурах и числах, что это общепризнанно, что в них есть первое и последующее, он прибавил, что если не в них, то и в других

не будет ничего общего помимо единичных [вещей]; ибо если бы оно и было, то в наибольшей степени было бы в них. Далее, [он говорит] о материи. Целым он называет единичное чувственное или соединение из материи и вида; это он имеет обыкновение называть единичным и смешанным. А «когда нечто сказывается о материи» указывает на целое и совокупное; ибо тогда есть нечто целое, когда нечто сказывается о материи, то есть когда в материи возникает [форма]; а это есть вид; материя же, приняв вид, становится телом. Или он теперь называет материей субстрат, который он назвал целым, когда мы сказываем о них. Сказанное им таково. Если даже допустить, что есть и общее, то есть роды и виды (ибо они суть сказываемое о сущности как материи, которая есть неделимая [сущность]), помимо того, чего они суть роды или виды неделимых [вещей], — то есть ли это общее помимо всех неделимых [вещей] и сказывается ли оно обо всех неделимых [вещах], будут ли они природными или искусственными, так что есть нечто общее помимо них, или же помимо некоторых неделимых [вещей] есть нечто общее, а помимо некоторых нет ничего общего. Сказав же это, он отвлекся от предположения, затем прибавил: «или помимо ничего нет», что является одним из отрицаний предположения. Ибо то, что не может быть найдено общим помимо ни одного из единичных [вещей], [было бы] делимым. Предпослав это, он начинает с последнего — «если помимо ничего» — и показывает, какие нелепости следуют, если вооб-

ще нет ничего общего, равного и умопостигаемого помимо ни одного из единичных [вещей], но все сущее чувственно; ибо таково целое и соединение, помимо которого если нет ничего другого. Если же нет ничего умопостигаемого, то не будет и науки ни о чем; ибо науки [имеют дело] с общим, которое умопостигаемо, если только кто-то не захочет называть ощущение наукой; ибо все так познаваемое есть познаваемое наукой в собственном смысле. Он добавляет к этому, что не было бы и вечного, и неподвижного; ибо все чувственное гибнет и находится в движении, то есть в течении; ибо он ведет доказательство на основе общепринятого [мнения], и согласно тем, кому казалось, что все чувственное рождается и гибнет. В наибольшей степени это казалось Платону; ибо он полагал, что один мир не гибнет, но по своей природе, будучи гибнущим, он говорил, что он [таков]. Иначе и следовало бы, что он гибнет, поскольку он рожден, так как ему [Платону] кажется, что все чувственное движется, но не обязательно гибнет; ибо он считает, что всякое тело, движущееся по кругу, нерожденно и негибнуще. Но теперь, как я сказал, он ведет доказательство на основе общепринятого [мнения]; ибо тем, кому кажется, что все чувственное имеет материю и находится в непрерывном течении, тем кажется, что оно и гибнет. Приняв же, что нет ничего вечного, если нет ничего помимо чувственного, он прибавляет к этому как следующее: «но если нет ничего вечного, то не может быть и возникновения; ибо необходимо, чтобы было и возникаю-

щее, и то, из чего оно возникает, и последнее из них должно быть нерожденным, если [ряд] останавливается и невозможно возникновение из не-сущего», — показывая, что если нет ничего вечного, то не будет и возникновения, если же нет возникновения, то нет и рожденного, если нет рожденного, то нет и сущего; чему следует: если только чувственное существует, то и чувственное не будет существовать.

Глава XXVI. О необходимости вечного субстрата и о том, что форма должна быть вечной (Книга В, Глава 4)

(В 4. 999b)

Древнегреческий текст: ὅτι δὲ εἰ μὴ ἐστὶ τι αἰδίδιον, οὐδὲ γένεσις ἔσται, οὕτως ἔδειξεν. εἰ γίγνεται τι, ἀνάγκη εἶναι τὸ τε γιγνόμενον, τουτέστιν ὃ γίγνεται γινόμενον, καὶ ἄλλο τὸ ἐξ οὗ γίγνεται· οἷον εἰ ἄνθρωπος γίγνεται, δεῖ εἶναι καὶ δύνασθαι εἶναι καὶ τοῦτο γίγνεσθαι ἄνθρωπος· ἀνυπάρκτου γὰρ ὄντος τοῦ ἀνθρώπου οὐδ' ἂν γένοιτο ἄνθρωπος· δεῖ οὖν εἶναί τι ἓνα ἄνθρωπον ὃ λέγεται γίγνεσθαι, καὶ ἔτι τὸ ἐξ οὗ γίγνεται οὗτος· πότερον καὶ τὸ γιγνόμενον ἐξ οὗ τοιούτου· εἰ γὰρ καὶ ἦν τοῦτο, οὐκ ἂν ἐγίνετο· τοῦτο δὲ ἐστὶ καὶ ὑποκείμενον καὶ ὕλη. τούτων ὑποκειμένων ἐξ ὧν γίγνεται τὰ γινόμενα (πλείω δὲ καὶ τὰ προσεχῇ ὑποκείμενα, ἄλλο καὶ ἄλλω τῶν ὑποκειμένων τὸ προσεχῶς ὑποκείμενον) τούτων δὴ τῶν ὑποκειμένων, φησὶν, ἀνάγκη τὸ ἔσχατον ὑποκείμενον αἰδίδιον εἶναι. ἔσχατον δὲ ὑποκειμένον ἐστὶν ἡ πρώτη ὕλη· ἀνιόντες γὰρ καὶ τὰς προσεχεῖς ὕλας τῶν γιγνομένων ἐν ἐκείνῃ ἐσχάτῃ παυόμεθα. καὶ ὅτι ἀναγκαῖον ἐστὶν αἰδίδιον εἶναι, δείκνυσιν ἐκ τοῦ, εἰ μὴ ἐστὶ τι ἔσχατον

ὑποκείμενον, ἐξ οὗ ἡ γένεσις, ἀκολουθήσῃ ἢ ἐπ' ἀπειρον γίνεσθαι ἄλλο ἐξ ἄλλου ἢ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος γίνεσθαι. ἀμφοτέρω δὲ ἀδύνατα. εἰ γὰρ πᾶν τὸ ληφθὲν ὑποκείμενον γέγονε, δεήσει αὐτὸ ἢ ἐξ ἄλλου ὑποκειμένου γεγονέναι ἢ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος, εἰ γέγονε μὲν, οὐκ ἐξ ὑποκειμένου δέ. ἀλλὰ μὴν ἀμφοτέρως ἀδύνατον. οὔτε γὰρ ἐκ μὴ ὄντος οἷόν τε γίνεσθαι· κοινὴ γὰρ αὕτη δόξα τῶν περὶ φύσεως εἰπόντων τι, τὸ μηδὲν ἐκ τοῦ μὴ ὄντος γίνεσθαι, φανερώς ἄτοπον καὶ ἀδύνατον τὸ οὕτω τι λέγειν γίνεσθαι. ἀλλὰ μὴν οὐδὲ ἐπ' ἀπειρον οἷόν τε ἄλλο ἄλλου αἴτιον εἶναι καὶ ἄλλο ἄλλῳ ὑποκεῖσθαι κατ' εὐθυωρίαν, ὥς ἔδειξεν ἐν τῷ ἐλάττονι τῶν Ἀναλυτικῶν ὄντι πρὸ τούτου. εἰ τοίνυν μηδέτερον, ἢ οὐκ ἔσται γένεσις, ἢ τὸ πρῶτον ὑποκείμενον αἰδῖον ἀγέννητον ἔσται. ἔπεται ἄρα τῷ μηδὲν αἰδῖον εἶναι τὸ μηδὲ γένεσιν εἶναι. δύναται δὲ ἐκ τούτων εἰρησθαι μὴ μόνον ἐπὶ τῆς ὕλης, ἥτις ἐστὶ καὶ ἐξ ἧς γίγνεται, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τοῦ γινομένου· δοκεῖ γὰρ καὶ ἐν τοῖς κατὰ φύσιν γιγνομένοις ὁμοιον ὑπὸ τοῦ ὁμοίου γίνεσθαι· ἄνθρωπος γὰρ ἄνθρωπον γεννᾷ, ὥστε εἰ γίγνεται ἄνθρωπός τις, δεῖ ἄνθρωπον εἶναι, ἓνα καὶ ὄντα καὶ γεννῶντα. ἀναγκαῖον δὲ καὶ ἐπὶ τούτων εἶναι ποιητικὸν αἰδῖον, καὶ αὐτὸ ἔτι εἶναι. ἡ ἐπιχείρησις καὶ αὕτη γίγνεται εἰς τὸ εἶναί τινα ἀρχὴν γενέσεως, ὃ ἐστὶ πρῶτον ὑποκείμενον ἀγέννητον, καὶ μὴ ἐπ' ἀπειρον γίνεσθαι ἄλλο ἐξ ἄλλου.

Русский перевод: Что если нет ничего вечного, то не будет и возникновения, он показал так. Если нечто возникает, то необходимо, чтобы было и возникающее, то есть то,

что становится, и иное — то, из чего оно возникает; например, если возникает человек, то необходимо, чтобы был и мог быть и становиться человек; ибо если бы человека не существовало, то не мог бы возникнуть и человек; итак, необходимо, чтобы был некоторый один человек, который, как говорится, возникает, и еще то, из чего этот [человек] возникает; и [необходимо], чтобы возникающее [происходило] не из такого же [уже существующего]; ибо если бы оно уже было, оно не возникало бы; а это и есть субстрат и материя. Приняв это, [а именно] что есть субстраты, из которых возникают возникающие [вещи] (а есть и ближайшие субстраты, и для одного [субстрата] — иное ближайшим образом лежащее в основе), — из этих субстратов, говорит он, необходимо, чтобы последний субстрат был вечным. Последний же субстрат есть первая материя; ибо, восходя [вверх], мы останавливаемся на ней как на последней [материи] для возникающих [вещей], [перебирая] ближайшие материи. И что она необходимо должна быть вечной, он показывает из того, что если нет последнего субстрата, из которого [происходит] возникновение, то будет следовать либо что одно возникает из другого в бесконечность, либо что [нечто] возникает из не-сущего; а оба [эти варианта] невозможны. Ибо если всякий взятый субстрат возник, то необходимо, чтобы он или произошел из другого субстрата, или из не-сущего, если он произошел, но не из субстрата. Но, конечно, и то и другое невозможно. Ибо невозможно возникновение из не-сущего;

ибо это общее мнение тех, кто говорил что-либо о природе, — что ничто не возникает из не-сущего, и явно нелепо и невозможно говорить, что нечто возникает таким образом. Но, конечно, невозможно и чтобы одно было причиной другого в бесконечность и одно лежало в основе другого по прямой линии, как он показал в меньшей [книге] "Аналитик", которая [находится] перед этой. Итак, если ни то, ни другое [невозможно], то либо не будет возникновения, либо первый субстрат будет вечным и нерожденным. Итак, из того, что нет ничего вечного, следует, что нет и возникновения. Можно [понять] это сказанным не только о материи, которая есть и из которой [нечто] возникает, но и о возникающем; ибо и в природных [вещах] кажется, что подобное возникает от подобного; ибо человек рождает человека, так что если возникает некий человек, то необходимо, чтобы был человек, один и сущий, и рождающий. Необходимо и в этом случае, чтобы было вечное производящее [начало], и чтобы оно само еще существовало. И это доказательство направлено на то, чтобы показать, что есть некоторое начало возникновения, которое есть первый субстрат, нерожденный, и что не происходит бесконечного возникновения одного из другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.